МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ имени И. Н. УЛЬЯНОВА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ XXV, вып. I
серия философии

Ульяновск
1971

Министерство просвещения РСФСР

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ имени И. Н. УЛЬЯНОВА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ XXV. ВЫПУСК 1.

СЕРИЯ ФИЛОСОФИИ

Ульяновск, 1971

Предлагаемый сборник представляет собой результаты исследований ряда ученых вузов Ульяновской области. Статьи т.т. Винокурова Я. С., Деркачева И. З., Белозерцева В. И. являются результатом их работы над докторскими диссертациями, статьи т.т. Миронова Г. Ф., Никонова А. Н., Капканщикова Г. П., Лексина А. Ф. — над кандидатскими диссертациями.

В статьях рассматриваются различные проблемы истории философии, диалектического и исторического материализма. Ряд материалов посвящен специально вопросам диалектики развития социалистического общества. Авторы сборника выдвигают новые теоретические положения и дают практические рекомендации, некоторые из них, конечно, носят дискуссионный характер.

Научный сборник рассчитан на преподавателей общественных дисциплин, пропагандистов сети политического просвещения, студентов и всех, кто изучает проблемы марксистско-ленинской философии.

РЕДАКТОРЫ СБОРНИКА: доцент **Я. С. Винокуров,** доцент **Т. Н. Торбяк** (ответственный редактор).

Я. С. ВИНОКУРОВ.

ПРИРОДНАЯ СРЕДА И СТАНОВЛЕНИЕ ПРОЦЕССА ТРУДА КАК ГЛАВНОГО ФАКТОРА ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

Чем далее уходим мы вглубь веков к первоначальным истокам общественного развития, тем менее четкой и определенной представляется граница между человеком и животным. Советские ученые единодушны в выводе о том, что эту качественную границу пролагает труд, сыгравший решающую роль в превращении обезьяны в человека, в складывании общества. Однако проблема становления труда, а следовательно, проблема формирования человека и общества все еще далеко не решена, вызывая горячие споры между учеными. Споры обнажают не только существенные провалы в наших знаниях по данному вопросу, но и отсутствие единого подхода к его решению. При этом, как правило, природная среда не ставится в прямую связь с процессом становления труда, человека и общества, хотя в ряде работ ей и уделяется большое внимание.[1] Между тем, на наш взгляд, вне такой связи нельзя объяснить многие явления, характеризующие причины выделения человека из животного мира и, прежде всего, — почему на определенном этапе эволюции высокоорганизованной формы жизни труд становится непременным условием ее обмена веществ с природой. В плане выяснения этого вопроса и написана данная статья.

---

[1] Из известных нам работ исключение составляет книга Ю. Г. Решетова «Природа Земли и происхождение человека» (М., 1966), где дается глубокое освещение роли природной среды в процессе антропогенеза. Но и здесь исследование ведется не столько в плане анализа процесса становления труда как условия обмена веществ между формирующимся человеком и природой, сколько в более общем плане рассмотрения роли природной среды в подготовке эволюционных предпосылок возникновения древнейших и древних людей. Кроме того, за рамки данного исследования выходят вопросы возникновения общества, его взаимодействия с окружающей природой.

1. Становление процесса труда как условия обмена веществ между формирующимся человеком и изменяющейся природной средой

Широко известно, данное К. Марксом, определение труда как «вечное естественное условие человеческой жизни».[1] Поэтому, прежде чем приступить к освещению поставленной проблемы, представляется целесообразным хотя бы в самых общих чертах коснуться сущности жизни. В наиболее общей форме жизнь определяется как способ существования определенным образом организованной материи. Исходя из круга научных знаний своего времени, Ф. Энгельс характеризовал жизнь как «способ существования белковых тел, существенным моментом которого является **постоянный обмен веществ с окружающей их внешней природой,** причем с прекращением этого обмена веществ прекращается и жизнь, что приводит к разложению белка».[2] Из приведенного определения вытекают два вывода: а) материальным субстратом жизни являются белковые тела; б) существенным моментом, определяющим способ существования белковых тел, служит их постоянный обмен веществ с окружающей природой. Оба вывода в свете современных знаний сохранили всю свою научную ценность, хотя и получили дальнейшее развитие. Что касается первого положения, выдвинутого Ф. Энгельсом, то современная наука, считая твердо установленной связь жизни с белковыми телами, вместе с тем распространяет эту связь и на нуклеиновые кислоты — дезоксирибонуклеинову (ДНК) и рибонуклеиновую (РНК), липоиды, сложные углеводы и другие органические вещества. Таким образом, жизнь нельзя свести к способу существования какого-то одного определенного субстрата, скажем, белка. Она есть способ существования специфически организованной материи, которая, включая в себя высокополимерные органические соединения, обладает свойствами биологически открытой системы. Взгляд на жизнь как на открытую систему неотделим от второго вывода, вытекающего из определения Ф. Энгельса. Основополагающим признаком жизни как биологически открытой системы служит ее обмен веществ с природной средой. Сущность подобного обмена находит свое выражение в двух взаимосвязанных процессах: ассимиляции, превра-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 195.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 616.

щающей вещества внешней среды в соединения, свойственные живому телу, и диссимиляции, которая, химически расщепляя вещества живого тела, освобождает необходимую для жизни энергию. Из сказанного следует, что сущность обмена веществ раскрывается в непрерывном взаимодействии живого тела и природной среды. По отношению к растениям и животным природная среда, как подчеркивал К. Маркс, есть prius, т. е. исходное, первичное, главное в процессе их развития.[1] Она обеспечивает живые тела, прежде всего, пищей и, естественно, что пищевая (а в случае опасности—защитно-оборонительная) реакция на внешние воздействия служит важнейшей формой связи организма с природой. Необходимость поиска и захвата пищевых объектов обусловила у животных организмов возникновение и развитие одной из наиболее важных функций, функции движения как условия обмена веществ. Наряду с функцией движения живые тела уже на ранней ступени развития должны были выработать особые механизмы: наследования типа обмена веществ через, посредство самовоспроизведения себе подобных и непрерывного приспособления к изменениям среды с целью поддержания обмена веществ. По мнению К. Гёсслера, противоречие между наследственностью и приспособлением является основным противоречием жизни.[2] В условиях изменяющейся среды живое тело способно сохранить целостность и устойчивость своей структуры, постоянство своей организации благодаря механизму наследственности. Пока живое тело получает из среды необходимые условия жизни, соответствующие его наследственной структуре, оно сохраняет генетическую преемственность в ряду чередующихся поколений. Однако рано или поздно изменения среды приводят к изменению прежних условий жизни и тогда возникает противоречие между новыми факторами среды и старыми требованиями организма к среде, обусловленными наследственностью. Прежний характер обмена веществ организма с окружающей его средой становится невозможным. Организм

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 26, ч. III, стр. 305.

[2] Клаус Гёсслер. О сущности жизни, М., 1967, стр. 126. Отстаивая свою точку зрения, автор ссылается на известную мысль Ф. Энгельса, который писал: «...теория развития показывает, как, начиная с простой клетки, каждый шаг вперед до наисложнейшего растения, с одной стороны, и до человека — с другой, совершается через постоянную борьбу наследственности и приспособления». (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 526).

должен перестроить свою наследственную структуру, приспособиться к новым условиям среды, к ассимиляции ее новых пищевых объектов, следовательно, изменить характер обмена веществ с природой, или погибнуть. Приспособление и представляет собой в конечном итоге не что иное, как процесс изменения характера обмена веществ организма со средой обитания. Это отнюдь не мгновенный и обратимый акт, а эволюционный процесс, в котором исследователи различают два противоречивых явления: приспособляемость и приспособленность.[1] Под приспособляемостью понимают пластичность организма, его способность изменять свою организацию соответственно характеру изменения среды, т. е. приспособление к изменчивости среды. Приспособленность же означает приспособление организма к относительно постоянным внешним условиям. В ответ на известные изменения этих условий в организме усиливается действие механизма наследственности с тем, чтобы он мог подчинить своему контролю ассимиляцию элементов среды. Вместе с тем под воздействием ассимиляции новых элементов устойчивость механизма наследственности у отдельных организмов становится относительной и последний получает способность изменяться. На данной особенности и основывается естественный отбор, который превращает индивидуальные изменения механизма наследственности в общие. Отбор преобразует механизм наследственности живого тела, благоприятствует развитию в нем качества пластичности, т. е. приспособляемости к внешней среде за определенным порогом ее изменения. Отбор же затем содействует приспособленности организма к изменившейся среде, закрепляя его новый по характеру обмен веществ с природой. Процесс приспособляемости к новым условиям существования, будучи связанным с ассимиляцией новых пищевых объектов, требует от организма выработки соответствующих реакций, усложнения и совершенствования двигательных функций, двигательных тканей, а в конце-концов—всей морфофизиологической системы в целом. Указывая на связь рабочей структуры и выполняемой ею функции, Ф. Энгельс писал: «Морфологические и физиологические явления, форма и функция обусловливают взаимно друг друга».[2] Вся эволюция органического мира и в частности последовательное заселение живыми организмами «трех этажей» биосферы—мирового океана, земной суши и воздуш-

[1] К. Гёсслер. О сущности жизни, М., 1967, стр. 159—160.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 620.

ной среды—служит убедительным подтверждением этого. Не имея возможности остановиться на процессе усложнения форм живых систем в связи с их распространением в различных средах биосферы,[1] мы поведем исследование, начиная с того периода, когда человекоподобные обезьяны уже широко расселились на всех трех континентах Старого Света. В одном из его районов и зародился процесс антропогенеза. По вопросу о том, где находится этот район, ставший прародиной человека, имеются две точки зрения. Г. Г. Р. фон Кенигсвальд, М. Ф. Нестурх, Г. Ф. Дебец, Ю. Г. Решетов утверждают, что очеловечение обезьяны произошло в Азии, в частности, в районе Северо-Западной Индии и Северного Пакистана. Именно здесь, по мнению Ю. Г. Решетова,[2] в связи с поднятием Гималайско-Циньлиньского хребта в конце олигоцена установился муссонный климат, что привело к поредению джунглей и вытеснению тропического дождевого леса листопадным. Поредение лесов заставляло дриопитеков, наряду с лазанием по деревьям, приспосабливаться к передвижению по земле, а это выпрямляло их тело, развивало конечности и мозг. Природная обстановка в указанном районе вела к разделению антропоидов на брамапитеков, сугривапитеков и рамапитеков, из которых первые два рода, видимо, специализировались и составили тупиковую ветвь. Род же рамапитеков к началу плиоцена широко расселился, проник в Палестину, Восточную Африку и, дав начало австралопитековым формам, оказался древнейшим предком человека.

Р. Дарт, Л. С. Б. Лики, К. П. Оукли и др. считают колыбелью человечества Африканский континент, поскольку именно здесь были обнаружены многочисленные находки австралопитековых обезьян и зинджантропа. Открытие в конце 1960 г. существа, получившего название Homo habibis, еще более подкрепляет их взгляд. Тем не менее ни одна из указанных точек зрения не является окончательной и вопрос о прародине человечества остается открытым. Как бы однако ни завершился продолжительный спор между учеными, для нас здесь важен лишь их вывод относительно роли природной среды в антропогенезе. Прародиной человечества мог оказаться только тот район, где природная среда не позволяла антропоидам продолжать привычный для них образ жиз-

[1] Весьма содержательный очерк по данному вопросу можно найти в книге Ю. Г. Решетова «Природа Земли и происхождение человека», М., 1966, стр. 16—55.

[2] Ю. Г. Решетов. Там же, стр. 123—179.

ни. А так как в плиоцене земная суша достигла небывалой ранее площади расширения, климат становился все более сухим и лесные массивы, исчезая, уступали место саваннам, то следует предположить, что природа, скорее всего, очертила довольно обширную антропогеновую зону.

Процесс антропогенеза связан прежде всего с прямохождением антропоидов и несомненно вырастает из него. По мере исчезновения лесов и сокращения кормовой базы необратимо нарушался привычный обмен веществ человекоподобных обезьян с природой и потому в поисках пищи они должны были приспособляться к условиям открытой местности. Ответом на особые изменения внешней среды явилась выработка определенной группой антропоидов качественно новой формы приспособления — двуногой локомоции, — что означало, по существу, освоение необычной для этих животных формы движения. Между тем движение, в какой бы форме оно не осуществлялось, неотделимо от затраты энергии. Как отмечает М. Рубнер, живая система млекопитающего (при расчете на 1 кг веса тела) в течение взрослого периода жизни потребляет в среднем 165 тыс. кг/калорий. Данная величина остается для всех млекопитающих постоянной. Можно однако полагать, что в начале эволюционного пути развития млекопитающих, как и в начале антропогенеза, величина потребления энергии организмом могла при известных обстоятельствах возрастать. В противном случае остается необъяснимым, почему в отличие от остальных млекопитающих, потребление энергии на каждый кг тела взрослого человека до конца его жизни увеличивается более чем в 4,5 раза и составляет в среднем 725 тыс. кг/калорий. По-видимому, к числу причин, приведших к столь резкому повышению расхода энергии в процессе обмена веществ, следует отнести, прежде всего, обретение антропоидами прямой постановки тела. Ортоградность увеличивала статическую нагрузку на скелетную мускулатуру и вызывала потребность в соответствующем увеличении расхода энергии. Но этого мало. Согласно «энергетическому правилу скелетных мышц», сформулированному И. А. Аршавским, надо отличать статическую нагрузку на скелетную мускулатуру от динамической нагрузки в гравитационном поле.[1] Динамическая на-

[1] См. выступление И. А. Аршавского на симпозиуме по проблеме грани между человеком и животным, проводимом VII международным конгрессом антропологических и этнографических наук. «Вопрсcы антропологии», вып. 19, 1965, стр. 20—21.

грузка, связанная с передвижением выпрямленного тела в пространстве, естественно, вела к росту потребления энергии. Таким образом, ортоградность и прямохождение обеспечивались лишь при более высоком уровне потребления энергии, чем это требовалось четвероногому животному. Отсюда у приматов возникала неодолимая потребность в расширении привычных источников питания и если в результате миграции они попадали в привычную для них среду, то вновь возвращались к брахиации, достигая нередко при этом больших размеров. Гигантизм же ухудшал двигательные способности антропоидов, а затем окончательно лишал их более высокой формы движения и уводил на путь крайней специализации. Но, оказавшись в среде с весьма урезанным растительным рационом, приматы силою обстоятельств вынуждались совершать переход к освоению новых видов пищи, главным образом, мясной. Известно, какую особую роль в процессе антропогенеза отводил Ф. Энгельс освоению мясной пищи. Он считал, что последняя «содержала в почти готовом виде наиболее важные вещества, в которых нуждается организм для своего обмена веществ» и что «наиболее существенное влияние мясная пища оказала на мозг, получивший благодаря ей в гораздо большем количестве, чем раньше, те вещества, которые необходимы для его питания и развития».[1] Освоение столь важного вида пищи требовало от антропоидов преодоления огромных трудностей и явилось для многих из них неодолимым рубежом в процессе естественного отбора. Дело в том, что обезьяны по своей природе не являются плотоядными хищниками. Их органы не приспособлены к непосредственному присвоению мясной пищи. зубной аппарат лишен клыков, конечности — когтей и т. д. Поэтому переход к освоению мясной пищи открывал собой глубокое противоречие между природной средой, т. е. изменившимися условиями жизни, и всем привычным образом жизни обезьян, всей системой их устоявшихся приспособительных реакций. Разрешить подобное противоречие наиболее жизнеспособная часть антропоидов могла лишь искусственно вооружив орудиями свои телесные органы, удлинив их таким путем и приспособив к присвоению нового вида пищи. Вот почему ряд исследователей усматривают в переходе от непосредственного присвоения растительной пищи к опосредованному (благодаря орудиям) присвоению мясной пищи

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 492.

сущность перехода от чисто животного образа существования обезьян к неживотному способу производства и воспроизводства человеческой жизни. «Секрет антропогенеза, — писал еще в 1931 г. С. П. Толстов, — заключается в превращении всеядной, преимущественно растительноядной обезьяны в хищника».[1] Такую же научную позицию занимает П. И. Борисковский[2] и др.

Процесс опосредованного присвоения пищи неотделим от труда и есть не что иное, как начальная фаза его развития. Чтобы осмыслить процесс становления труда, обратимся к его классическому определению, которое дал К. Маркс. «Труд, — отмечает он, — есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью (eigne Tat[3]) опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой».[4] Рассмотрим данное определение. По Марксу, труд предполагает обмен веществ между человеком и природой, неотделим от этого обмена, но не сводится к нему, как утверждают некоторые исследователи.[5] Труд, будучи присвоением данного природой для человеческих потребностей, есть неотъемлемое **условие** обмена веществ и как таковое — вечное естественное условие человеческой жизни. Ранее уже отмечалось, что обмен веществ, заключающий в себе сущность жизни, присущ не только человеку, но и любой живой системе, в том числе и животному. Для осуществления обмена веществ человек, как и животное, приводит в движение свои естественные органы и тем производит определенное действие, направленное на присвоение жизненных средств. Осуществление движения и действия, как условия обмена веществ, — вот то, что общо человеку и животному. Но далее между ними начинается то принципиальное различие, о котором хотя бы в общей форме здесь необходимо предварительно сказать. Движение и действие животного по присвоению предметов природы служат естественным продолжением и проявлением его биологической жизнедеятельности. По определению К. Маркса, животное отличается неотделимо-

[1] С. П. Толстов. Проблемы дородового общества. «Советская этнография», № 3—4, 1931, стр. 80.

[2] П. И. Борисковский. Исторические предпосылки оформления так называемого Homo sapiens. «Проблемы истории докапиталистических обществ», № 1—2, 1935, стр. 21 и сл.

[3] К. Маркс употребляет слово «Tat» — дело, действие.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 188.

[5] Например, К. Гёсслер. См. «О сущности жизни», М., 1966, стр 245.

стью, слитностью, тождественностью со своей жизнедеятельностью.[1] Оно не противопоставляет себя природе, так как не отделяет и не способно отделить движения и действия от жизнедеятельности, а следовательно, опосредствовать ими свою жизнедеятельность, т. е. свой обмен веществ с природой. Поэтому животное «в лучшем случае, доходит до собирания» того, что в готовом виде ему предоставляет природа.[2] Жизнедеятельность животного (какие бы движения и действия не производило оно) в целом почти не выходят за пределы непосредственного присвоения предметов природы. Человек же, приводя в движение свои естественные силы (руки, пальцы, ноги, голову), производит такое действие, которое, опираясь на определенные предметные органы, **опосредствует** собой обмен веществ. Всеобщими предметными органами подобного действия служат орудие и предмет труда.[3] Действие, опосредствующее обмен веществ — таков первый и притом один из наиболее важных признаков труда, которым тем не менее не исчерпывается сущность данного процесса в определении К. Маркса. Труд есть **троякий** процесс взаимодей-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, М., 1956, стр. 565.

[2] «Животное, — пишет Ф. Энгельс, — в лучшем случае, доходит до *собирания,* человек же *производит;* он создает такие жизненные средства (в широком смысле этого слова), которые природа без него не произвела бы». (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 622; см. также, т. 34, стр. 137).

[3] К. Маркс указывает на три момента процесса труда: а) целесообразную деятельность; б) предмет труда; в) средства труда. (См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 189). Опираясь на это положение, Ю. И. Семенов, исследуя проблемы становления процесса труда, свел ее, по существу, к проблеме изготовления первоначальных орудий. Поэтому для него исчерпывающим признаком подлинно человеческого труда является наличие произведенного орудия и предмета труда. С изготовлением первых орудий животнообразный труд превращается в труд сознательный и целесообразный. Однако Ю. И. Семенов оставляет без ответа коренной вопрос: превращается ли действие существа, опирающегося на изготовленное орудие и предмет труда, в деятельность, способную не только опосредовать, но регулировать и как-то контролировать обмен веществ с природой. (См. Ю. И. Семенов. Возникновение и основные этапы развития труда. В связи с проблемой становления человеческого общества. Ученые записки Красноярского госпединститута, т. VI, вып. 2, 1956). В последующих работах Ю. И. Семенов придерживается этого же взгляда. (См. Ю. И. Семенов. Как возникло человечество, М., 1966, гл. V, VI). Мало чем в этом отношении от взгляда Ю. И. Семенова отличается концепция Б. Ф. Поршнева, хотя он и исходит из того, что труд есть результат долгого процесса развития и что изготовление первых орудий носило животнообразный характер. (См. Б. Ф. Поршнев. Материализм и идеализм в вопросах становления человека. «Вопросы философии», № 5, 1955).

ствия человека с природой. Во-первых, это такой процесс, в котором человек своим собственным действием **опосредствует;** во-вторых, — **регулирует;** в-третьих, — **контролирует** обмен веществ между собой и природой. Только завершенная **система действий,** охватывающая собой все три указанных функции и выражающая их неразрывное единство (триединое действие — Tat), составляет человеческую деятельность Tätigkeit), или подлинно человеческий труд, способный производить жизненные средства в широком смысле слова. Выпадение хотя бы одного звена лишает процесс труда его законченной целостности, столь необходимой для производства потребительных стоимостей. Чтобы обеспечить обмен веществ между человеком и природой, труд непременно выступает в качестве созидателя потребительных стоимостей и именно эту отличительную черту человеческого труда особо выделял К. Маркс. Он писал: «Труд как **созидатель** потребительных стоимостей, как полезный труд, есть не зависимое от всяких общественных форм условие существования людей... без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, т. е. не была бы возможна сама человеческая жизнь» (подчеркнуто нами — **Я. В.**).[1] И далее: «Процесс труда... есть целесообразная деятельность для **созидания** потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам» (подчеркнуто нами — **Я. В.**).[2]

Мы исходим из того, что в определении процесса труда К. Маркс указывает на три фазы взаимодействия человека с природой, которые исторически и логически явились тремя ступенями становления процесса труда, как созидателя потребительных стоимостей. Весь этот трехступенный процесс развертывался во времени и пространстве в качестве закономерного звена в цепи глубоких изменений, происходивших в природе. Причем развертывание процесса во времени отличалось существенной неравномерностью: наиболее продолжительным оказалось формирование первой ступени, объективно подготовившей основу для второй; складывание каждой последующей ускорялось и завершалось быстрее предыду-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 51.
[2] Там же, стр. 195.

шей. Неравномерность протекания процесса во времени совпадала с неравномерностью его развертывания в пространстве, что вызывалось состоянием природной среды, начиная с эпохи перехода от третичного к четвертичному периоду.

На переломном рубеже между двумя периодами, когда природа поставила особую породу обезьян в особые условия существования, закладывалась первая ступень в процессе формирования труда. Она, как уже отмечалось, связана с опосредованием обмена веществ. Освоение мясной пищи потребовало от антропоидов не только усложнения и совершенствования обретенных двигательных функций, но и последующего овладения новыми, которые имели своей естественной основой ортоградность и прямохождение, вырастали из них, а затем надстраивались над ними в качестве особой формы движения. Эта форма движения уходит своими корнями в ориентировочно-исследовательский импульс животного. Он, по определению Н. Ю. Войтониса, выражается в обостренном «внимании» животного к отдельным предметам, в стремлении к действиям с предметами, независимо от возможности удовлетворить таким путем биологическую потребность, вызываемую безусловными рефлексами. «Мы можем представить, — отмечает Н. Ю. Войтонис, — как у животных с усложнением их организма «внимание» к отдельным предметам обостряется, как оно начинает обостряться и вне периодов голода, как оно эмансипируется от пищевого устремления. **У обезьян все это выражено очень ярко. Исследовательский импульс у них перерастает пищевой и начинает существовать самостоятельно»**.[1] Следует полагать, что этот импульс зародился у древних антропоидов в связи с сокращением кормовой базы и первоначально выражал собой особую приспособительную реакцию к изменяющейся среде обитания. Особыми условиями внешней среды животное вынуждалось обратить исследовательский импульс на овладение орудием, данным природой в готовом виде, с целью присвоения мясной пищи. По мере того, как указанный импульс получал в орудии материальное закрепление, он превращался из случайного и спорадического акта в нечто постоянное и устойчивое, обретающее **форму действия**. Начиная обслуживать биологическую потребность антропоидов в пище не непосредственно, а через посредство орудия, импульс тем самым вы-

---

[1] Н. Ю. Войтонис. Предыстория интеллекта, М.—Л., 1949, стр. 13—14.

растал в такую форму действия, которая прорывала узко-животную границу рефлекса и начинала отделяться от жизнедеятельности. На ступени, характеризующейся подобным состоянием, по-видимому, стояли уже южно-африканские антропоиды-австралопитеки, — жившие в эпоху раннего плестоцена. Австралопитековые приматы обитали в суровых условиях скалистой, безлесой местности, или в местности, сходной по характеру ландшафта с современной саванной. Подобные, довольно суровые условия в открытой местности, по мнению В. П. Якимова,[1] требовали от этих двуногих животных, не приспособленных к быстрому бегу и не имевших надежных органов защиты, активной формы приспособления к среде. Таковой явилось использование австралопитеками в качестве орудий охоты обломков длинных костей, рогов. Благодаря использованию орудий мозг этих приматов, несмотря на его малый объем, получил уже достаточно усложненную структуру. Однако австралопитеки не открыли собой прямого пути в эволюции от обезьяны к человеку. Они оказались боковой вымершей ветвью антропоидов и дальше той ступени развития, которая, по определению В. И. Ленина, присуща стаду обезьян, берущих палки,[2] не пошла. Объясняется это тем, что подобные существа в силу определенных условий (по Якимову — «в силу природных факторов»[3]) не смогли сделать существенный шаг от использования готовых орудий к их изготовлению. Предположение же, выдвинутое Р. Дартом, что австралопитеки не только использовали различные предметы, но и производили простейшие орудия из костей, зубов и рогов животных (т. н. «остеодонтокератическая культура»), как правило, отвергается. Ф. Тобайяс, учитывая, что древнейшие каменные орудия в подавляющем большинстве местонахождений Юго-Восточной Африки были обнаружены рядом с остатками существ, которые в своем развитии поднялись над австралопитеками, пришел к выводу, что последние не изготовляли орудий и не охотились на животных, а сами служили объектом охоты. В основе такого вывода лежит идея несовместимости сравнительно примитивной орга-

[1] В. П. Якимов. Австралопитековые. — Сб. «Ископаемые гоминиды и происхождение человека». Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая, АН СССР, М., 1966, стр. 74.

[2] В. И. Ленин, ПСС, т. 33, стр. 10.

[3] В. П. Якимов. Ранние стадии антропогенеза. — Сб. «Происхождение человека и древнейшее расселение человечества». Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая. Новая серия, т. XVI, М., 1951, стр. 49.

низации австралопитеков и, прежде всего, наличие малого объема мозга, с возможностью производить орудия, что свойственно уже человеку. Подобную точку зрения, или близкую к ней, разделяют В. П. Якимов,[1] Ю. Г. Решетов[2] и др. Взгляд этот получил свое философское обоснование в теории двух скачков в антропогенезе.[3] Ее содержание кратко сводится к тому, что в процессе антропогенеза четко выделяются два поворотных пункта. «Первый, и наиболее важный поворот, соответствует переходу от стадии предшественника людей, т. е. «австралопитека» к стадии «питекантропа». Второй проходит между неандертальцем и кроманьонцем».[4] Первому поворотному пункту в антропогенезе отводится решающее значение. Он связан с началом изготовления орудий, обусловившем возникновение самого человека, и вследствие этого качественно отделяет стадию животных от стадии формирующихся людей. По мнению В. П. Якимова, например, первый переломный момент в эволюции гоминид сопровождался не только количественными, но и большими качественными изменениями во всей морфофизиологической организации древнейших людей: прежде всего, почти вдвое увеличился объем их мозга.[5] Я. Я. Рогинский считает, что только с питекантропа возникла трудовая деятельность.[6]

Теория двух скачков была подвергнута в свое время двоякого рода критике. А. Я. Брюсов отвергал необходимость второго скачка в процессе антропогенеза, придерживаясь

---

[1] В. П. Якимов. Ранние стадии антропогенеза. Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», т. XVI, М., 1951, стр. 48—49. В. П. Якимов. Австралопитековые. Сб. «Ископаемые гоминиды и происхождение человека», М., 1966, стр. 76.

[2] Ю. Г. Решетов. Природа Земли и происхождение человека, М., 1966, стр. 206—207.

[3] Теория двух скачков была развита в работах: Я. Я. Рогинского — Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека. Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», т. XVI, М., 1951; В. П. Якимова — Ранние стадии антропогенеза (в том же сборнике); М. Г. Левина — Проблема происхождения Homo sapiens в советской антропологии (Институт этнографии им. Миклухо-Маклая. Краткие сообщения, М.—Л., 1950) и др.

[4] Я. Я. Рогинский. Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека. Указ. сб., стр. 194.

[5] В. П. Якимов. Европейские неандертальцы и проблема формирования Homo sapiens. «Краткие сообщения Института этнографии им. Миклухо-Маклая, т. IX, М.—Л., 1950, стр. 25.

[6] Я. Я. Рогинский. Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека. Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», т. XVI, М., 1951, стр. 194.

взгляда, что настоящий человек возник в нижнем палеолите вместе с изготовлением первых орудий.[1] Б. Ф. Поршнев, в отличие от А. Я. Брюсова, отвергал, по существу, первый скачок, считая, что питекантропы, синантропы и неандертальцы были не формирующимися людьми, а животными, их труд — инстинктивным, а стадо — общностью зоологического порядка. Только в конце мустье — начале верхнего палеолита с завершением формирования человека современного физического типа, когда орудия изменяются, вид же стабилизируется, можно говорить о возникновении общественного производства и общества. Причем еще долгие тысячелетия позднего палеолита были временем взаимодействия и борьбы биологических и вновь возникших социальных закономерностей.[2] Как ни противоположны друг другу взгляды Б. Ф. Поршнева и А. Я. Брюсова, есть нечто общее, что свойственно им и что, в свою очередь, противопоставляет эти взгляды теории двух скачков, а именно: признание лишь одного поворотного момента в процессе антропогенеза.

Столкновение в ходе дискуссии теории «двух» и «одного» скачка принесло ощутимую победу первой. Она получила широкое распространение и признание. Вместе с тем нельзя не отметить, что новые археологические открытия, произведенные в Африке еще в 1954—1955 гг. заставили уже тогда Я. Я. Рогинского дать теории двух скачков, по его словам, несколько иное толкование. «Эволюция человека, — писал он в 1957 г., — была **весьма постепенным** процессом накопления нового и отмирания старого качества. В этом смысле весь период становления человека был **одним** диалектическим скачком. Но в этом длительном процессе резко отличаются друг от друга начальный и завершающий периоды» (Подчеркнуто нами — **Я. В.**)[3] Как видим, под давлением фактов теория двух скачков постепенно начала обретать кон-

---

[1] См. рецензию А. Я. Брюсова на сборник «Происхождение человека и древнее расселение человечества». «Вестник древней истории», № 2, 1953, стр. 113—114.

[2] Свои взгляды Б. Ф. Поршнев развивает в ряде работ: «Материализм и идеализм в вопросах становления человека» («Вопросы философии», № 5, 1955); «К спорам о проблеме возникновения человеческого общества», («Вопросы истории», № 2, 1958); «Проблема возникновения человеческого общества и человеческой культуры» («История мировой культуры», № 2, 1958) Взгляды Б. Ф. Поршнева неоднократно подвергались резкой и обоснованной критике.

[3] Я. Я. Рогинский. О некоторых общих вопросах теории антропогенеза. «Вопросы философии», № 2, 1957, стр. 116.

туры теории одного скачка, хотя и с двумя резко отличными друг от друга периодами. Необходимость иного толкования теории двух скачков была, на наш взгляд, еще в большей мере обусловлена и подтверждена открытием остатков презинджантропа, обнаруженного Л. Лики вместе с искусственно расколотыми камнями на большой глубине в Олдовайском ущелье (Танганьика). Дело в том, что по своему морфологическому строению презинджантроп мало чем отличается от австралопитеков: средняя емкость его мозговой коробки достигает всего 675—680 см^3, что лишь немногим больше, чем у австралопитековых и меньше, чем у питекантропа. В строении его зубного аппарата причудливо сочетаются человеческие и крайне примитивные, церкопитекоидные, признаки. Подобным же сочетанием отличаются кости кисти. Стопа, свидетельствуя о прямохождении, занимает вместе с тем еще промежуточное положение между стопой человека и гориллы. В общем перед нами существо, несущее в своем строении так много обезьяньих признаков, что ряд исследователей, в том числе В. П. Якимов,[1] Ю. Г. Решетов,[2] относят его к австралопитековым, т. е. к животным и на этом основании отвергают саму возможность изготовления презинджантропом каких бы то ни было орудий.[3] Однако взгляд на презинджантропа, как на животное, разделяют далеко не все ученые. К новому виду «Номо» (Homo habilis), связанного с т. н. «галечной культурой», его относят не только Л. С. Б. Лики, Ф. В. Тобайяс и Дж. Р. Нэйпир, но и известный советский атрополог М. И. Урысон. Последний находит, что гомо габилис, хотя и занимал промежуточное положение между австралопитеками и питекантропами, тем не менее он, «бесспорно, переступил порог, отделявший ископаемых высокоразвитых

---

[1] В. П. Якимов. Австралопитековые. Сб. «Ископаемые гоминиды и происхождение человека», М., 1966, стр. 85,

[2] Ю. Г. Решетов. Природа Земли и происхождение человека, М., 1966, стр. 234—235.

[3] В. П. Якимов считает, что морфологическое строение кисти и головного мозга скорее отрицают, чем подтверждают возможность изготовления презинджантропами орудий. (См. В. П. Якимов. Австралопитековые. Сб. «Ископаемые гоминиды и происхождение человека», М., 1966, стр. 75—76). Ю. Г. Решетов также склоняется к тому мнению, что «гомо габилисы» не изготовляли орудий, а только подбирали удобные для захвата камни. Однако возможность того, что эти существа двумя-тремя ударами «улучшали» камень, Ю. Г. Решетов не отрицает. (См. Ю. Г. Решетов. Природа Земли и происхождение человека, М., 1966, стр. 234).

человекообразных обезьян от древнейшего человека».[1] Но если это так, то по отношению к примитивному олдовайскому существу понимание «первого скачка» применимо только в новом его толковании. Отсюда понятно, почему вслед за Я. Я. Рогинским и Г. Хрустов рассматривает антропогенез как такой переход к новому качеству, который совершался путем постепенного накопления элементов нового качества внутри старого качества и постепенного отмирания элементов последнего.[2]

Переход от животного к человеку несомненно предполагает переход к новому качеству, но столь сложному в своей многогранности и многоплановости, что ему предстояло многократно количественно нарастать, складываясь в многолинейный эволюционный процесс, состоящий из ряда промежуточных звеньев. Поскольку лишь в своей многогранности и многоплановости антропогенез есть **единый** процесс перехода от животного к человеку, постольку сам переход, слагаясь из ряда промежуточных звеньев, несомненно, представляет собой единый скачок, внутри которого имеются свои периоды. Их, по мнению Я. Я. Рогинского, два, что, очевидно, соответствует данным современной науки. Но это не более, чем периоды, присущие единому скачку. Они не что иное, как ступени, определяющие степень нарастания нового качества. Вот почему не вначале, а только на определенном этапе развертывания единого скачка, каковым является атропогенез, пролагается ощутимая грань между животными и формирующимися людьми. Подтверждением этого и служит гомо габилис.

Проблема грани между человеком и животным получила в последние годы особую остроту и актуальность, вследствие чего ей был посвящен в 1965 г. специальный симпозиум на VII международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве. Характерна позиция, занимаемая по данному вопросу М. И. Урысоном. Он отмечал: «Невозможно провести морфологическую грань между высокоразвитыми ископаемыми человекообразными обезьянами, обладавшими прямохождением, систематически использовавшими природные предметы в качестве орудий и имевшими,

---

[1] М. И. Урысон. Питекантропы, синантропы и близкие им формы гоминидов. Сб. «Ископаемые гоминиды и происхождение человека», М., 1966, стр. 113.

[2] Г. Хрустов. Категория скачка и проблема становления человеческого общества «Советская этнография», № 1, 1958, стр. 106.

тем самым, все необходимые предпосылки для перехода к трудовой деятельности, и древнейшими людьми, уже перешедшими к изготовлению первых искусственных орудий».[1] Как считает исследователь, невозможность проведения подобной грани обусловлена не отсутствием в современной науке необходимых методов, позволяющих установить эти морфологические различия, а тем, что такие формы в морфологическом отношении не различались между собой. Заслуживает особого внимания то, что причина этого, по мнению М. И. Урысона, кроется в самом переходе к трудовой деятельности, который, несмотря на все его значение, прошел в морфологическом аспекте сравнительно незаметно.[2] Столь серьезное заключение позволяет по-новому поставить проблему складывания процесса труда.

Поскольку переход от использования непроизведенных орудий к их первоначальному изготовлению не был обусловлен сколько-нибудь существенной морфологической перестройкой ближайшего предка человека, постольку: **во-первых,** такой переход, очевидно, становился доступным еще животному существу, а значит, **во-вторых,** и переход к изготовлению орудий не сам по себе и далеко не сразу, а лишь по истечении определенного времени и в совокупности с другими факторами пролагал качественную грань между трудом животнообразным и человеческим. В трехступенном процессе становления труда первоначальное изготовление орудий закономерно вырастало из прямохождения антропоидов и их действий с определенными предметами. Уже подобные движения и действия закладывали первую ступень в процессе формирования труда. Но это были все еще движения и действия низшего, так сказать, «первого порядка», которые служили только **предпосылкой** к опосредованию обмена веществ. Переход к изготовлению орудий явился переходом к осуществлению движений и действий более высокого, «второго порядка», нарастанием нового качества. Он превращал **особую предпосылку** обмена веществ в его **необходимое условие** и тем придавал первой ступени на пути формирования труда известную качественную определенность. Отныне первая ступень начинала выражать способность труда систематически опосредствовать обмен веществ, что вело к формированию человека. Вот почему Ф. Энгельс имел все основания утверж-

[1] М. И. Урысон. Некоторые теоретические проблемы современного учения об антропогенезе. «Вопросы антропологии», вып. 19, 1965, стр. 33.
[2] Там же.

дать, что труд начинается с производства орудий.[1] Именно это положение нередко используется для доказательства того, что переход к изготовлению орудий служит достаточно надежным свидетельством освобождения труда от животнообразной формы, что здесь изначально проходит та искомая граница, которая бесповоротно отделяет от рефлекторного подлинно человеческий труд. Между тем, К. Маркс, будучи первым, кто высказал мысль об инстинктивной форме труда, отнюдь не выводил зачаточное изготовление орудий за пределы этой формы.[2] Отсюда следует, что нельзя абсолютизировать роль и место первоначального изготовления орудий в многогранном процессе становления труда. Обратимся к анализу.

Обезьяна использует тот или иной предмет в качестве орудия случайно, единично, вследствие чего последний остается конкретным предметом природы (камнем, веткой, суком и т. д.). Данный предмет, хотя и служит проводником исследовательского импульса животного, но не преобразует его в трудовое действие. Несравненно постояннее использовал, очевидно, предметы природы австралопитек. Применяя их для присвоения жизненных средств, он, тем самым, уже превращал предметы в непроизведенные орудия, т. е. такие, которые становились пригодными для использования в качестве орудий лишь в силу своих естественных свойств и естественной формы. Здесь предмет является орудием в своей конкретной природной определенности, т. е. той особенности, которая, как таковая, с одной стороны, уже обусловила необходимость превращения животного иcпульса в несвойственное животному действие, но, с другой — еще целиком подчиняла это действие природной определенности орудия. Совершенно иным выглядит произведенное орудие. Будучи обработанным, орудие приводится в действие не в качестве природного тела, наделенного естественной определенностью, а в качестве предметного тела, лишенного природной определенности, сбросившего свою естественную форму. Произведенное орудие есть орудие, в котором деятельность сняла, погасила все особые признаки, присущие предмету природы, и наделила его совершенно новыми признака-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 491.

[2] К. Маркс отмечал, что употребление и *создание* средств труда свойственно в зародышевой форме некоторым видам животных, составляя тем не менее специфическую черту человеческого процесса труда. См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 190—191.

ми, свойственными предметному органу труда. В таком орудии деятельность осуществляет заранее поставленную цель, а цель, как закон, по утверждению К. Маркса, определяет способ и характер действий с орудием.[1]

Соответствует ли этим признакам галечный камень, на поверхности которого презинджантроп произвел каких-то 5—6 сколов? Очевидно, нет. Не вызывает сомнения, что орудие гомо габилиса далеко не освободилось от естественной формы природного тела. Оно едва проглядывает сквозь естественную форму каменного желвака, едва проступает и, покорно следуя за естественной формой природного тела, пребывает в зачаточной фазе своего становления. В качестве произведенного, орудие олдовайского существа есть галечное орудие, но только потому, что еще не освободилось от естественной определенности галечного камня. Оно, таким образом, лишь не утратив природную особенность, способно осуществлять функции орудия. Но таково и действие по производству подобного орудия. Поскольку орудие изготовлено, постольку импульс животного несомненно преобразуется в несвойственное животному действие, способное опосредовать обмен веществ. Поскольку же орудие не перестало оставаться конкретным природным телом, постольку и действие во всех его основных проявлениях подчинено природным особенностям орудия, а потому несет на себе животнообразную форму. Этим, видимо, и можно в известной мере объяснить, почему между гомо габилисами и антропоморфными обезьянами так трудно или даже невозможно провести морфологическую грань. Действие есть проявление в преобразуемом веществе природы особым образом организованной силы природы и оттого оно — двухсторонний процесс: характер преобразования вещества неотделим от уровня развития преобразующей его силы. Следовательно, действие только потому принимает в орудии животнообразную форму, что само еще далеко не отделилось от биологической жизнедеятельности, не отделилось настолько, чтобы посредством производимых орудий оказывать решающее воздействие на обмен веществ. Все это означает, что процесс становления труда нельзя сводить к процессу изготовления первоначальных орудий. Определить место и роль производства орудий в процессе формирования труда можно, лишь связав этот последний с процессом обмена вещества и той природной средой, которая его обус-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 189.

ловливала. Такая связь позволяет выяснить, насколько природная среда благоприятствовала через обмен веществ становлению труда, т. е. тому, чтобы процесс труда, опираясь на производимые орудия, начинал не только опосредовать, но регулировать и контролировать обмен веществ, а следовательно, тому, чтобы сам процесс труда вырастал из необходимого в **решающее** условие обмена веществ. По существу речь идет о превращении процесса, целиком подчиненного обменом веществ природной среде, в процесс, способный преобразовать природную среду и подчинить таким путем обмен веществ своему контролю.

На примере гомо габилисов можно судить о том, сколь сложным, многосторонним и далеко не прямолинейным уже в своих истоках вырисовывался этот процесс, в какой мере, взаимодействуя с природной средой, он развертывался в нарастании нового качества при благоприятных условиях или, наоборот, затухал, прерывался при отсутствии таковых в одних районах земного шара, чтобы достигнуть на новом историческом рубеже новой качественной высоты — в других. При помощи калийаргонового метода определено, что время существования гомо габилисов исчисляется 1,8—1,75 млн. лет. Очевидно, что лишь особое сочетание космических, геологических и биологических факторов создавало оптимальные условия для того, чтобы в самом начале четвертичного периода мог возникнуть, по определению В. И. Громова, Э. А. Вангейм, К. В. Никифоровой, особый «узел эволюции, определивший начало новой антропогенновой системы».[1] Не менее очевидно, что Восточная Африка явилась одним из тех районов, где сочетание указанных факторов позволяло некоторым существам в этом «узле эволюции» особым образом проявить себя, положив начало изготовлению орудий. Здесь, как отмечает И. К. Иванова,[2] ссылаясь на Бонда, в период, геологически соответствовавший первому олдовайскому слою, территория, несмотря на полупустынный характер климата, была хорошо обводнена. Открытая местность заставляла

[1] В. И. Громов, Э. А. Вангейм, К. В. Никифорова. Этапы развития антропогеновой фауны млекопитающих как отражение этапов развития Земли. «Известия АН СССР». Серия геологическая, № 1, 1963, стр. 56.

[2] И. К. Иванова. Значение находок ископаемых гоминид и их культуры для стратиграфии четвертичного периода. «Известия АН СССР». Серия геологическая, № 1, 1963, стр. 42; И. К. Иванова. О геологическом возрасте ископаемых гоминид в свете данных абсолютного летоисчисления. Сб. «Ископаемые гоминиды и происхождение человека», М. 1966, стр. 7—8.

гомо габилисов освоить прямохождение, а присвоение жизненных средств за счет богатого и разнообразного животного мира саванн, хотя и вело уже к изготовлению галечных орудий, не требовало однако их дальнейшего совершенствования. Более того, как полагает Ю. Г. Решетов,[1] гомо габилисы вообще еще по-обезьяньи относились к орудиям, а именно, завершив охоту на берегу озера, где подстерегали водоплавающих птиц и мелких животных, тут же бросали расколотые гальки. По мере количественного возрастания презинджантропы должны были расселяться в новых районах и приспосабливаться к новым, более или менее благоприятным условиям среды. Л. Лики полагает, что к виду гомо габилисов относятся остатки примата, найденного в Коро-Торо на севере Республики Чад. Между тем, чадский презинджантроп, по мнению Ю. Г. Решетова,[2] уже утратил морфологическую пластичность и обрел биологическую специализацию в направлении гигантизма. Это служит одним из подтверждений того, что не только использование готовых, но и первоначальное изготовление орудий выделяло существа из животного мира и уводило их по гоминидному пути развития лишь при наличии соответствующих условий внешней среды. Закладывая через обмен веществ морфологическую пластичность и ставя обладавшие ею существа перед необходимостью совершить переход к изготовлению орудий, природная среда могла и далее вести гомо габилисов по пути развития, лишь продолжая усложнять задачу обеспечения их обмена веществ. Однако природа Восточной Африки подвергалась крайне медленным и весьма постепенным изменениям в пределах от увлажнения до осушения климата. Вот почему остатки гомо габилисов, обнаруженные во втором олдовайском слое, будучи геологически моложе своих предшественников не менее чем на 800 тыс. или даже на 1 млн. лет, в морфологическом отношении немногим отличались от последних.[3] Тем не менее нет достаточных оснований к тому, чтобы вообще исключить всякую возможность дальнейшего развития олдовайских существ, но только, видимо, в иной географической среде обитания. В этом плане заслуживает внимания мнение Тобайяса и Кенингсвальда о большом мор-

---

[1] Ю. Г. Решетов. Природа Земли и происхождение человека, М., 1966, стр. 234.

[2] Там же, стр. 235.

[3] Там же, стр. 236.

фологическом сходстве прогрессивной формы гомо габилиса из второго олдовайского слоя с яванским питекантропом из слоев Джетис.[1] Можно полагать, что, дожив до плейстоцена и вступив в эпоху гюнцкого оледенения, приведшего к разрастанию в Восточной Африке пустынь, гомо габилисы частично вымерли, частично же еще ранее, в эпоху дунайского похолодания, начали мигрировать на Восток. Где-то здесь они могли положить начало более высокой ступени эволюции, т. е. становлению питекантропов, остатки которых были впоследствии обнаружены на о. Ява.

Если отнесение презинджантропов к виду «гомо» все еще вызывает серьезные возражения у многих исследователей, то питекантропы из свиты Джетис единодушно признаются древнейшими из ныне известных архантропов. Их возраст соответствует эпохе виллафранка и, видимо, колеблется в пределах от 700 до 600 тыс. лет. Более позднего происхождения питекантропы из слоя Триниль, возраст которых Кенигсвальд оценивает в 550 тыс. лет. Помимо яванских питекантропов, к древнейшим людям причисляют также: олдовайского питекантропа (его возраст не менее 490 тыс. лет, соответствует, вероятно, гюнц-минделю); мауэровского или гейдельберского человека, который мог проникнуть на территорию Юго-Западной Германии около 450 тыс. лет назад в период теплого интерстадиала, разделяющего миндель-I и миндель-II; атлантропа из Тернифина в Северной Африке (отнесен к минделю), абсолютный возраст около 360 тыс. лет); синантропов (стратиграфический горизонт их стоянки близ г. Чжоукоудяня соответствует концу минделя или началу миндель-рисса, абсолютный возраст от 400 до 370 тыс. лет).[2] Таким образом, появившись в период гюнца или гюнц-минделя, т. е. на переломном рубеже между эоплейстоценом (эпохой, предшествовавшей максимальному оледенению) и плейстоценом (ледниковой эпохой), архантропы продолжали существовать вплоть до миндель-рисского межледниковья (до

[1] См. И. К. Иванова. Значение находок ископаемых гоминид для стратиграфии четвертичного периода. Сб. «Четвертичный период и его история к VII Конгрессу IN QVA (США, 1965)», АН СССР. М., 1965, стр. 14.

[2] И. К. Иванова. Значение находок ископаемых гоминид и их культуры для стратиграфии четвертичного периода. Сб. «Четвертичный период и его история к VII Конгрессу IN QVA (США, 1965), АН СССР, М., 1965, стр. 44—46; И. К. Иванова. О геологическом возрасте ископаемых гоминид в свете данных абсолютного летоисчисления. Сб. «Ископаемые гоминиды и происхождение человека», М., 1966, стр. 13—18.

середины плейстоцена). В течение этого времени они распространились на большую часть Африки, южные районы Европы и Азии. Столь значительное расширение антропогеновой зоны и ее приближение к районам, уже затрагиваемым воздействием оледенения, имело свои серьезные последствия. В отличие от гомо габилисов, архантропов окружала далеко не однородная среда обитания, а следовательно, и условия, в которых совершался их обмен веществ с природой. Ю. Г. Решетов справедливо отмечает,[1] что питекантропы, населявшие Индокитай и Индонезийский полуостров, например, обитая здесь в зоне дождливых тропических лесов с характерным для них богатым и постоянным составом растительности, не получали нужного стимула к дальнейшему развитию. В рационе их питания подавляющее место занимала растительная пища, присвоение которой не требовало ни дальнейшего совершенствования производимых орудий, ни формирования новых трудовых навыков. Не удивительно, что южно-азиатские питекантропы, обогнав в морфологическом отношении гомо габилисов и научившись изготовлять более сложные, рубящие, орудия (чопперсы), нежели олдовайские гальки, остановились затем в своем развитии. В крайне благоприятных условиях внешней среды их ожидала биологическая специализация.

Иная среда обитания окружала синантропов. Оказавшись в эпоху миндельского оледенения на ограниченной и вместе с тем изолированной территории с весьма бедными ресурсами растительной пищи, синантропы вынуждались переключаться на присвоение мясной пищи. Охота на диких, и, зачастую быстроногих, животных (оленей) несомненно явилась мощным толчком к совершенствованию синантропами своих орудий. За время миндельского оледенения они далеко продвинули вперед культуру производства орудий, от грубо оббитых с двух сторон орудий раннешелльского типа до сравнительно разнообразных орудий ашельской эпохи (рубил, скребок, сверл и др.).[2] В трудных условиях присвоения жизненных средств синантропы первыми из архантропов стали использовать огонь. Усложнение движений и действий по опосредованию обмена веществ вело к совершенствованию строения руки, увеличению объема мозга. Однако в суровых условиях внешней среды запас морфологической пла-

---

[1] Ю. Г. Решетов. Указ. соч., стр. 281. гл. IV.
[2] П. П. Ефименко. Первобытное общество, Киев, 1953, стр. 139—142.

стичности синантропов оказался весьма ограниченным для того, чтобы преодолеть барьер биологической специализации. Впрочем, не исключена возможность, что с потеплением климата после окончания миндельского оледенения, когда условия существования синантропов улучшились, какая-то их группа сумела избежать специализации и положить начало более прогрессивной форме. Как отмечает И. К. Иванова,[1] высказывается мнение, что находка остатков человека из Мапы (Китай) является переходной от синантропа к неандертальцам. Тем не менее это была уже запоздалая форма, относящаяся к концу рисса — началу рисс-вюрма, т. е. к периоду, когда ранние неандертальцы давно существовали в ряде районов Старого Света.

Нельзя обойти молчанием и африканские области обитания архантропов. Прежде всего необходимо назвать Восточную Африку, где в верхней части слоя Олдовай-II обнаружен череп питекантропа и орудия шелльского типа, относимые к концу гюнц-миндельского межледниковья или началу миндельского похолодания. Несмотря на признаки необратимой специализации (гигантизм и массивность костей), олдовайский питекантроп опередил в своем развитии южноазиатских обезьянолюдей, а Хеберер находит, что рассматриваемый череп некоторыми чертами напоминает даже палеоантропов из Брокен-Хилл-Салданья и из Штейнгейма.[2] Орудия олдовайского питекантропа также превосходят по своим конструктивным данным орудия южноазиатских обезьянолюдей и имеют четко выраженный шелльский тип. Все это позволяет предполагать, что, расселяясь по территории африканского континента в эпоху миндельского похолодания, олдовайские питекантропы достигли его южной области. Здесь, в силу природных условий, они должны были совершенствовать орудия, что сопровождалось прогрессивным изменением их морфологического строения. Это привело в конце концов к образованию у залива Салданья переходной формы, которая, совмещая черты питекантропа и неандертальца, оказалась способной позднее продвинуться в районе Брокен-Хилл и

---

[1] И. К. Иванова. Значение находок ископаемых гоминид и их культуры для стратиграфии четвертичного периода. Сб. «Четвертичный период и его история к VII Конгрессу INQVA (США, 1965), АН СССР, М., 1965, стр. 22—23.

[2] См. М. И. Урысон. Питекантропы, синантропы и близкие их формы гоминид. Сб. «Ископаемые гоминиды и происхождение человека», М., 1966, стр. 110.

даже — Штейнгейм. Одновременно олдовайские питекантропы могли распространиться и в северозападном направлении, где во второй половине миндельского похолодания дали жизнь алжирским обезьянолюдям — атлантропам.

Подводя итог, нужно прежде всего подчеркнуть, что архантропы значительно опередили в своем развитии гомо габилисов и достигли более высоких результатов в производстве орудий. Наиболее типичной формой, присущей производимым орудиям архантропов, являлось ручное рубило. В отличие от галечного орудия (производимого 5—6 сколами), изготовление ручного рубила, даже простейшего шелльского типа, требовало от гоминид возросшего трудового навыка и достигалось за счет нанесения по каменному желваку 8—30 точно рассчитанных ударов. На первый взгляд это был лишь количественный рост определенных движений и действий «второго порядка», но он осуществлялся при непременном условии увеличения подвижности кисти и пальцев руки, некоторого противопоставления большого пальца остальным, т. е. на основе совершенствования морфологического строения двигательных органов архантропов. В свою очередь усложнение движений и действий руки не могло не затронуть своим влиянием корректирующего органа — мозга, пробуждая сознание. Ведь с возрастанием числа ударов, наносимых по каменному желваку, орудие все более освобождалось от естественной формы природного тела и, следовательно, наделялось какой-то формой, которая предварительно уже смутно вырисовывалась в сознании. Все это вело к тому, что если движения и действия по производству орудий содействовали пробуждению сознания, то и сознание не оставалось в долгу, начиная в какой-то мере контролировать производство орудий. Было бы однако неверным переоценивать роль сознания на данном этапе развития антропогенеза. Как ни возросли число и точность ударов в ходе изготовления орудия, ручное рубило еще далеко не рассталось с естественной формой, присущей предмету природы. Кроме того, материал, поддающийся чисто механическому способу обработки путем оббивки, требовал применения лишь немногих трудовых навыков, а сам процесс обработки основывался на учете отдельных поверхностных свойств материала, таких, как твердость, способность раскалываться и давать режущие края. Вот почему питекантроп мог, по определению П. П. Ефименко, изготовить каменное орудие, следуя за естествен-

ной формой материала, а не преодолевая ее.[1] Примитивность изготовления ручного рубила вела к тому, что его применение в присвоении разнообразных продуктов природы получало универсальный, не дифференцированный, т. е. не менее примитивный характер. «Шелльское рубило, — отмечает М. О. Косвен, — имело, вероятно, универсальное применение, служа и ударным, и режущим, и колющим, а одновременно, вероятно, и метательным оружием».[2] На эту же характерную черту, присущую рубилу, указывают П. П. Ефименко[3], А. П. Окладников[4] и др. Ручное рубило рассчитывалось на осуществление ударного и режущего действий, равно способных в своей ограниченности обеспечить присвоение как мелких животных, так и растений, а потому служило материальным выражением слитности охоты и собирательства, отсутствия каких-либо зачатков разделения труда. Таким образом, разнообразию природной среды архантропы не могли противопоставить ничего, кроме весьма примитивных орудий и некоторых несложных трудовых навыков, в результате чего сами были вынуждены приспосабливаться к среде обитания. Отсюда вытекало, что только в тех условиях, где природная среда в силу своей изменчивости и разнообразия толкала архантропов к освоению новых движений и действий с предметами по обеспечению обмена веществ, закладывалось противоречие между усложнившейся трудовой сноровкой и старой конструктивной формой орудия. Противоречие преодолевалось путем совершенствования орудия и выработки на этой основе новых трудовых навыков. Там же, где природная среда в течение долгого времени не усложняла задачу обеспечения обмена веществ, производство орудий не спасало гоминид от биологической специализации и сползания в тупик. Этим, очевидно, и можно объяснить, почему темп развития различных групп архантропов, окруженных различными условиями обитания, был весьма неравномерным, а нарастание прогрессивных качеств, приближавших их к уровню современных людей, лишено строгой последовательности.

Неравномерностью развития отличались и палеоантропы, которые, сложившись на базе морфологических типов архан-

---

[1] П. П. Ефименко. Мустьерская орда. «Советская этнография», № 1—2, 1934, стр. 100.

[2] М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры, М., 1957, стр. 18.

[3] П. П. Ефименко. Первобытное общество, Киев, 1953, стр. 102.

[4] См. «Всемирная история», т. 1, М., 1955, стр. 25—26.

тропов, унаследовали и расширили зону обитания последних. И. К. Иванова разделяет палеоантропов (неандертальцев и все неандерталоидные формы) на три группы: а) наиболее древнюю, среднеплейстценовую, относящуюся к дорисс-вюрмскому времени; б) верхнеплейстценовую, связанную с рисс-вюрмским временем; в) находки, приуроченные к первой половине вюрма — времени последнего оледенения.[1]

Миндель-рисское время, когда появились наиболее древние палеоантропы из Сиди Аберрахман («человек из Касабланки — Марроко), Штейнгейм (Западная Германия), Сванскомб (Англия), кладет начало эпохе среднего плейстоцена и является переходным между двумя этапами. В. И. Громов, Э. А. Вангейм, К. В. Никифорова считают,[2] что в это время заканчивался крупный естественный этап в эволюции органического мира. Завершалось развитие теплолюбивой фауны млекопитающих нижнего отдела антропогена и, хотя в миндель-риссе она еще господствовала, тем не менее начинали формироваться новые, холоднолюбивые, формы, получившие широкое распространение с наступлением рисского оледенения. Переходные явления в процессе формирования органического мира вели к изменению условий существования гоминид и потому должны были оказать влияние на их дальнейшее развитие. Комплексы фаунистических находок, сопровождавшие остатки гоминид из штейнгеймского и сванскомбского местонахождений, свидетельствуют о том, что наиболее древние палеоантропы жили в относительно теплых климатических условиях. Они располагали свои стоянки еще под открытым небом, но при этом пользовались огнем, который служил им как средство защиты от диких животных, так и, видимо, средством обработки орудий. Подтверждением этого могут служить найденные близ Вердена и Клэктон-он-Си (Англия) рогатины с застренными и обожженными на огне концами. Одна из них располагалась меж ребер древнего слона, что является надежным доказательством наличия охоты, организуемой в целях присвоения жизненных средств. Благоприятные условия существования, связанные с межлед-

---

[1] И. К. Иванова. Значение находок ископаемых гоминид для стратиграфии четвертичного периода. Сб. «Четвертичный период и его история к VII Конгрессу IN QVA (США. 1965 г. АН СССР, М., 1965, стр. 46.

[2] В. И. Громов, Э. А. Вангейм, К. В. Никифорова. Граница между нижним и средним отделами антропогена. Сб. «Четвертичный период и его история». К VII Конгрессу IN QVA (США, 1965), АН СССР, М., 1965, стр. 34—35.

никовой переходной эпохой, постепенное вытеснение собирательства охотой и притом даже на крупных животных, — все это значительно ускоряло темп развития древнейших палеоантропов и приближало их по ряду морфологических признаков (сравнительно высокий свод черепа; объем мозга, достигающий 1200—1300 $см^3$; отсутствие надглазничного валика и др.) к современным людям. Однако с наступлением рисского оледенения темп нарастания прогрессивных качеств у ранних неандертальцев, вооруженных орудиями ашельской эпохи или архаического мустье, должен был в значительной мере замедлиться. Тем не менее, как ни усложнились условия существования палеоантропов, биологическая специализация, видимо, еще не отклонила их в целом от гоминидного пути развития. Такой вывод уместно сделать потому, что палеоантропы более позднего, рисс-вюрмского, времени из европейских местонахождений—Гановцы (Чехословакия), Саккопасторе (Италия), Эрингсдорф и Таубах (ГДР)—далеко не потеряли прогрессивных морфологических признаков. Эпоха рисс-вюрмского межледниковья характеризуется заметным потеплением климата между двух холодных зон, что сопровождалось расширением ареала обитания теплолюбивых животных и растений. Значение охоты в жизни людей продолжало возрастать, о чем свидетельствуют большие скопления расколотых и обожженных костей животных, найденных в культурных отложениях стоянок Эрингсдорф и Таубах.[1] Некоторое же расширение источников получения растительной пищи дополняло охоту и служило известным страховым фондом на случай неудачного ее результата.

По мере перехода от рисс-вюрмского межледниковья к эпохе вюрмского оледенения все явственнее обозначались утеря неандертальцами многих прогрессивных признаков и отклонение их вследствие этого от пути, ведущего к человеку современного физического типа. С вюрмом I, занимающим время от 70—75 тыс. лет до 48—47 тыс. лет, связано наиболее широкое распространение неандертальцев, т. н. классического типа (местонахождения Неандерталь, Спи, Ла Шапелль, Ла Фарасси I, Ла Кина, Ле Мустье, Монте-Чирчео и др.). В неблагоприятных условиях окружающей среды эти палеоантропы испытали значительные морфологические изменения: кости скелета обрели массивность; мозговая коробка утратила былую высоту, хотя объем мозга и вырос, превысив

---

[1] П. П. Ефименко. Первобытное общество, Киев, 1953, стр. 176.

1600 см^3; шиньонообразным стал затылок; появился сильно развитый надглазничный валик и т. д. Охватил ли данный регрессивный процесс всех без исключения неандертальцев, или только отдельные группы,—сказать трудно. Советские ученые В. П. Якимов, Я. Я. Рогинский и др., не отвергая участия палеоантропов в формировании человека современного типа, тем не менее разделяют неандертальцев на две далеко не равнозначные ветви. К прогрессивной ветви отнесены ранние, т. н. атипичные неандертальцы группы Эрингсдорф, которая либо дала начало Номо sapiens'у, либо приняла активное участие в его формировании. Классические же неандертальцы типа Шапелль, получив признаки морфологической специализации, составили отклонившуюся ветвь и потому их роль в последующей эволюции гоминид была менее значительной.[1] Иных взглядов придерживается Ю. И. Семенов.[2] Он отвергает влияние среды на направление развития формирующихся людей и считает, что оно определялось исключительно внутренними закономерностями. В доказательство автор ссылается на тот факт, что остатки классических неандертальцев найдены в различных географических районах, существенно отличавшихся друг от друга по своим природным условиям (Западная Европа, Крым, Палестина, Северная и Южная Африка). Отсюда следует вывод, согласно которому классические неандертальцы были не только потомками ранних палеоантропов, но и предками позднепалеолитического населения, т. е. представляли собой определенную стадию в развитии палеоантропов, как таковых.

Не отвергая идею стадиальности в развитии неандертальцев, мы не можем согласиться однако с той крайностью, в которую впадает исследователь, отрицая роль природной среды в процессе антропогенеза. Да и сам Ю. И. Семенов в подтверждении своих взглядов вынужден связывать стадию неспециализированных неандертальцев с определенным периодом, приуроченным, главным образом, к межледниковым

[1] См. В. П. Якимов. Европейские неандертальцы и проблема формирования Homo sapiens. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Краткие сообщения, т. IX, 1950, стр. 21—32; Я. Я. Рогинский. Некоторые проблемы происхождения человека. «Советская этнография», № 4, 1956; В. П. Алексеев. Гоминиды второй половины среднего и начала верхнего плейстоцена. Сб. «Ископаемые гоминиды и происхождение человека», М., 1966, стр. 178; А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев. История первобытного общества, М., 1966, стр. 48.

[2] Ю. И. Семенов. Как возникло человечество, М., 1966, стр. 225—226; 234—237.

эпохам (миндель-риссу, рисс-вюрму), тогда как классические неандертальцы, утратившие сапиентные черты своих предков, неотделимы от вюрма I, т. е. от весьма сурового периода ледниковой эпохи. Поскольку указанная связь очевидна, постольку хотя бы климатический фактор, как фактор географической среды, должен приниматься в расчет при рассмотрении вопроса о формировании людей. Причина же обнаружения остатков классических неандертальцев в различных широтах может быть, в частности, объяснена тем, что палеоантропы уходили из приледниковой зоны, так и не сумев приспособиться к ней в связи с ухудшением условий обитания, но не избежав вместе с тем специализации. Было бы однако односторонним учитывать в развитии палеоантропов действие лишь одного климатического фактора. По мере того, как формирующиеся люди овладевали огнем, заслоняясь этой силой природы от ее прямого климатического воздействия, а их уровень совершенствования орудий возрастал,—менялся и характер влияния природной среды на людей. Если на первоначальных ступенях антропогенеза природа оказывала свое воздействие на формирование гоминид, главным образом, непосредственно, путем ухудшения или улучшения климатических условий, то на палеоантропов уже в полной мере сказывалось опосредствующее влияние среды, через состав тех жизненных средств, каким располагали люди в той или иной широтной зоне. Конкретный состав фауны, преобладание в ней стадных или нестадных, неповоротливо-тяжеловесных или быстроногих животных, их привычки, места обитания,—вот что, прежде всего, начинал учитывать формирующийся человек в своем обмене веществ с природой. Вот применительно к чему он, с одной стороны, развивал свои трудовые навыки и улучшал орудия, а с другой—еще вынужден был приспосабливаться к условиям существования за счет морфологической перестройки органов тела. Процесс перестройки физического типа неандертальцев наиболее явственно прослеживается на находках остатков переднеазиатских палеоантропов из пещеры Схул (Палестина), сочетавших уже признаки палеоантропов и неоантропов.[1] Есть данные, позволяющие отнести к такому переходному типу, и гоминид из местона-

---

[1] Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин. Основы антропологии, М., 1955, стр. 255.

хождения Арси сюр Кюр во Франции.[1] Подобная морфологическая перестройка тела неандертальцев в указанных районах совершалась в середине вюрма, когда в промежутке между 47 и 35—38 тыс. лет назад имел место т. н. «готтвейгский интерстадиал». То был для Западной Европы период известного климатического перелома: арктический вюрм сменился климатом весьма неустойчивым, в целом не очень холодным, временами склонным к потеплению.[2] В районе Переднего Востока сухой и теплый климат вследствие некоторого понижения температуры резко увлажнился за счет обильных осадков.[3] Изменение природных условий разнообразило животный мир и усиливало трудовую активность палеоантропов, особенно в связи с распространением быстроногих стадных животных на широкой территории. Для Переднего Востока, например, где увлажнение климата сопровождалось большой переменой в составе фауны, это была газель, представленная в слоях Табун С и В (41—39 тыс. лет назад), а также осел, бык и др. Но газель значительно преобладала.[4] Для других районов—благородный олень, позднее северный олень, дикая лошадь и др. Охота на таких животных, в противоположность охоте на мамонта, шерстистого носорога, требовала от человека прежде всего большой физической подвижности и была несовместима с той медлительностью, вызванной передвижением на полусогнутых ногах, которая отличала классических неандертальцев.[5] Только освоив бег, как способ передвижения, человек оказывался пригодным к охоте на быстрого зверя. А это становилось возможным лишь при условии выпрямления и удлинения голени, придания телу постановки, присущей уже человеку современного физического типа. Еще более глубокой морфологической перестройке подлежала рука. Необходимость перехода к изготовлению и применению составного орудия дистантного действия (копья), способного поразить подвижную цель на значительном расстоянии, вела к удлинению предплечья, как етественного рычага, передающего

---

[1] И. К. Иванова Значение находок ископаемых гоминид и их культуры для стратиграфии четвертичного периода. Сб. «Четвертичный период и его история». К VII Конгрессу IN QVA (США, 1965). М., 1965. стр. 53.

[2] Там же, стр. 49.

[3] Я. Я. Рогинский. Палестинские и близкие им формы гоминид. Сб. «Ископаемые гоминиды и происхождение человека», М., 1966, стр. 182.

[4] Там же.

[5] В. П. Алексеев. Гоминиды второй половины среднего и начала верхнего плейстоцена Европы. Сб. «Ископаемые гоминиды и происхождение человека», М., 1966, стр. 160.

на орудие достаточную силу метательного движения. Особенно же совершенствовалась кисть, главным образом, благодаря противопоставлению большого пальца остальным, что превращало руку в законченный рабочий орган, получавший возможность осуществлять любые орудийные действия без всяких на то морфологических изменений.

Процесс завершения морфологической перестройки двигательных органов означал, что их двигательные функции все более кортикализировались, придавая мозгу сложное современное строение и окончательно пробуждая сознание. Оно начинало подчинять движения и действия по обмену веществ заранее поставленной цели, придавая им, тем самым, известную **планомерность и целенаправленность.** Так с количественным ростом движений и действий «второго порядка» шло нарастание их нового качества и превращение в движение и действия «третьего порядка», когда они преобразовывались в трудовую **деятельность.** Есть прямая необходимость остановиться на освещении этого процесса несколько подробнее.

Мысль уходит своими первоначальными истоками в предметные действия, опосредствующие обмен веществ человека с природой, и вырастает из такого рода действий. Процесс пробуждения сознания есть процесс отделения мысли от действия, связанного с производством и применением орудий. Естественно, что орудийным действиям различной степени совершенства на пути их превращения в трудовую деятельность соответствуют различные уровни сознания. Насколько нам известно, одним из первых сделал попытку определить основные уровни сознания Д. В. Бубрих.[1] Согласно разработанной им схемы формирующийся человек первоначально полностью подчинялся эмоциям и аффектам, находился во власти постоянно меняющихся чувственных представлений. Постепенно, с прогрессом человеческой деятельности, над эмоционально-волевыми переживаниями поднималось сознание трех уровней; имели место три эры в развитии мышления и языка. Первая эра относится к нижнепалеолитическому времени питекантропа и характеризуется наглядно-действенным мышлением, которое опирается на восприятие переживаемой ситуации. Такому мышлению соответствует сигнальная речь. Вторая эра относится к среднепалеолитическому времени неандертальца. Она отличается наглядно-образным

---

[1] Д. В. Бубрих. Происхождение мышления и речи. «Научный бюллетень ЛГУ», № 7, 1946, стр. 37—39.

мышлением, выходящим за пределы переживаемой ситуации и находит свое выражение в изобразительной речи; последняя же опирается на условное изображение вещей. Третья эра есть эра собственного мышления. Здесь мышление опирается уже на понятия, выраженные в собственно речи, оперирующей названиями вещей. Подобный уровень сознания присущ Номо sapiens'у,

Отдавая должное одной из первых попыток показать процесс становления сознания с точки зрения становления его различных уровней, нельзя не согласиться с мнением П. Ф. Протасени, который указывает на уязвимость данной схемы, прежде всего, на неуловимость различий между «наглядно-действенным» и «наглядно-образным» мышлением.[1] От себя добавим, что схема дана без учета важнейших ступеней в развитии процесса труда, а это позволило бы, видимо, отнести эмоции к первому уровню сознания, объединить «наглядно-действенное» и «наглядно-образное» мышление как качественно-неразъединимое и характерное для второго уровня сознания.

В целом, на наш взгляд, трем ступеням становления процесса труда соответствует становление трех уровней сознания: а) **переживание,** т. е. эмоционально-ситуационное осознание действия; б) **познание,** как осознание цели действия и регулирование на этой основе обмена веществ; в) **активная сознательно-волевая деятельность,** позволяющая не только регулировать, но и контролировать обмен веществ человека с природой.[2] Три уровня сознания выражают собой три уровня отделения мысли от действия и превращение таким путем трудовых двигательных актов в сознательно-целесообразную деятельность.

Уже человекоподобным обезьянам присущи сравнительно сложные действия, характеризуемые выполнением двухфазной задачи: фазы подготовления действия и фазы его непосредственного осуществления. Благодаря наличию подготовительной фазы поведение антропоморфных обезьян принимает интеллектуальный характер. «Интеллект, — отмечает А. Н.

[1] П. Ф. Протасеня. Проблемы общения и мышления первобытных людей Минск, 1961, стр. 52.

[2] Рассматривая структуру сознания, К. К. Платонов различает переживание, познание и активную (волевую) деятельность. Соглашаясь называть их «тремя сторонами сознания», он однако под различными уровнями сознания понимает подсознательные явления, т. н. «просоночное» состояние и самосознание. См. сб. «Проблемы сознания». Материалы симпозиума, М., 1966, стр. 193.

Леонтьев,—возникает... впервые там, где возникает процесс подготовления возможности осуществить ту или иную операцию или навык».[1] Выполняя подготовительную фазу действия, животное отнюдь не в состоянии представить себе последующую фазу, но поскольку две фазы действия объективно обусловлены связью вещей, постольку соотношение последних начинает отражаться психикой в качестве определенной ситуации.[2] К. К. Платонов считает, что наиболее простой и наиболее рано появившейся формой психического отражения являются эмоции. «Эмоции отражают объективные отношения мира к элементарным, биологически обусловленным потребностям субъекта».[3] На той первоначальной ступени антропогенеза, которая характеризуется появлением гомо габилиса, действия последнего были направлены, главным образом, на объекты, удовлетворяющие биологическую потребность, и носили еще в целом биологический характер. Объект потребности рождал в психике гомо габилисов определенные эмоции и через посредство эмоций выступал как двигатель поведения, побуждая к соответствующим действиям. Разумеется, подготовительная фаза в действиях гомо габилисов не только занимала большее место, чем у человекоподобных обезьян и даже у австралопитеков, но начинала изменять свое содержание, так как была связана с изготовлением орудий галечного типа. Это вело к углублению интеллектуального характера действий олдовайских существ. Однако ввиду того, что галечные орудия не сбросили своей естественной формы, связь их с объектом потребностей оставалась эпизодической. В результате и форма орудий, и их связь с объектами, на которые обращалось орудийное действие, могли лишь крайне смутно обрисовываться в мозгу гомо габилисов, т. е. едва осознаваться ими на эмоционально-ситуационном уровне. Можно согласиться с А. А. Леонтьевым, что подобному уровню сознания соответствовали еще аффективные крики, как доязыковые средства звуковой коммуникации, выражавшие состояние животного и в то же время сигнализировавшие об определенной ситуации.[4]

Проблема происхождения сознания в связи с процессом

---

[1] А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики, М., 1965, стр. 248.
[2] Там же, стр. 249.
[3] К. К. Платонов. Сознание и личность. Сб. «Проблемы сознания», М., 1966, стр. 191.
[4] А. А. Леонтьев. Возникновение и первоначальное развитие языка. АН СССР, М., 1963, стр. 45.

становления труда давно уже является предметом острой дискуссии среди советских ученых. Одни из них (Д. В. Гурьев, Э. С. Маркарьян, Г. Ф. Хрустов) считают, что труд и сознание возникли одновременно. Другие же (Б. Ф. Поршнев, Ю. И. Семенов, П. Ф Протасеня) исходят из того, что становление труда предшествовало возникновению сознания, а потому труд длительное время, по Поршневу, вплоть до конца мустьерской эпохи, носил бессознательный, инстинктивный характер. В отличие от первой группы исследователей, вторая группа проводит резкую грань между трудом инстинктивным и сознательным, между психикой высокоорганизованных животных и сознанием формирующихся людей.

Было бы глубоким заблуждением не видеть качественного различия в уровнях психической деятельности животных и человека, но складывались они далеко не вначале антропогенеза. Началу антропогенеза мог соответствовать лишь такой уровень сознания гоминид (эмоционально-ситуационный), который мало чем отличался от уровня психики (т. н. практического мышления) их животных предков. Дальнейший подъем интеллектуального уровня гоминид зависел прежде всего от того, насколько во всей системе их движений и действий по обмену веществ возрастала роль подготовительной фазы, связанной с производством орудий. По мере освобождения орудия от естественной формы природного тела все более постоянной и регулярной становилась его связь с объектом биологической потребности, хотя само оно эту потребность не удовлетворяло. Только в качестве объекта, который сам по себе, непосредственно, биологическую потребность удовлетворить не мог, орудие осознавалось как орган труда и осознавалось тем яснее, чем последовательнее преднамеренно наделялось особой производственной формой. В этом отношении ручное рубило архантропов уже отличалось от галечного орудия гомо габилисов примитивно выработанной формой, что свидетельствовало о некотором сдвиге в процессе пробуждения сознания. Придание шелльскому рубилу известной формы порой характеризуется как наглядное свидетельство достижения сознанием уровня элементарных понятий, даже при условии отсутствия представлений о цели действия.[1] С подобным мнением трудно согласиться.

Придание предметам определенной формы далеко еще

---

[1] В. В. Бунак. Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе. Сб. «Ископаемые гоминиды и происхождение человека», М., 1966, стр. 549.

не свидетельствует о понятийном уровне сознания. Понятия, как бы элементарны ни были они, лишь потому обобщают, что выделяют предметы, явления их свойства и т. д. из связи с другими предметами, явлениями, свойствами. Естественно, что формирование понятий становится возможным только благодаря установлению этой связи и осознанию ее. Отсюда следует, что о понятийном уровне сознания можно говорить не ранее того, как форма орудия предопределяется всем характером его воздействия на объект, предполагает конкретные свойства объекта потребности, предугадывает завершающую фазу действия и обусловливает ее результат, т. е. **запечатлевает на себе конечную цель** воздействия на объект и конструктивно отражает ее. Форма же ручного рубила не предусматривала никакой конкретной связи с конкретным объектом, не отражала определенной конечной цели воздействия на объект. Вот почему так трудно определить, для какого конкретно действия предназначалось ручное рубило, хотя вероятнее всего, его применение, как уже отмечалось, носило универсальный характер.[1] Отсутствие какой-либо конкретной связи орудия с конкретным объектом доказывает, что и психика питекантропов подобной связи не отражала, а потому не могла выработать и конкретных представлений о завершающей фазе труда, вне которых не складывались и простейшие понятия о самом орудии, его целевом назначении, как органа труда. Все это означает, что с приданием ручному рубилу примитивной формы, интеллект архантропов далеко не достиг понятийного уровня, но вместе с тем и не оставался более на прежнем, эмоционально-ситуационном, уровне, преодолевал его. В отличие от психики атропоидов и гомо габилисов, отражавших предметную действительность главным образом посредством эмоций, что обусловливало слияние образа действительности с переживаниями особи и не позволяло выделить каких бы то ни было устойчивых свойств объектов, — интеллект архантропов уже поднялся до первичных представлений о форме орудия и ее связи с действием руки. Именно с подобным отражением предметной

[1] В отличие от М. О. Косвена, П. П. Ефименко, А. П. Окладникова, М. З. Паничкина склонна считать, что ручное рубило использовалось прежде всего в качестве рубящего орудия, но и она не отрицает за ним и таких функций, как резание, скобление, прокалывание и т. д., следовательно, универсального характера применения. См. М. З. Паничкина. К вопросу о назначении шелльских орудий. «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры», XLVI, 1952, стр. 25—27.

действительности, когда последняя более не сливается с переживаниями субъекта, А. Н. Леонтьев связывает переход к сознанию.[1] Открывая начало высшего этапа в развитии психики, этот переход представлял собой не что иное, как нарастание ее нового качества (выработка представлений, в корне отличных от чувственных представлений животных[2]) при сохранении еще на длительный срок эмоционально-ситуационного восприятия связи орудия с объектом потребности. Рука архантропа, как бы надстраиваясь и усиливая свое действие за счет орудия, получившего форму, вызывала в сознании соответствующее представление, а оно в свою очередь начиная опережать действие руки, обретало возможность контролировать ее на подготовительной фазе трудового акта. Что касается заключительной фазы, связанной с присвоением объектов биологической потребности, то эта фаза еще находилась вне поля сознания и вовлекалась в него лишь по мере: а) превращения простейших орудий контактного действия в составные орудия дистантного действия; б) формирования устойчивой общности людей.[3]

Остановимся здесь на рассмотрении первого условия, отводя второму особый раздел статьи. Пока рука архантропа имела дело с ручным рубилом как весьма простым орудием контактного действия, ее функции оставались крайне ограниченными. Каменный желвак не столько расширял и удли-

---

[1] А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики, М., 1965, стр. 261—262.

[2] Чувственные представления животных непосредственно связаны с объектом их биологической потребности, тогда как представления архантропов связывались с формой орудия, которое непосредственно биологическую потребность удовлетворить не могло.

[3] Подобный подход к рассмотрению процесса становления сознания позволяет вскрыть ошибочность взглядов Б. Ф. Поршнева, исходящего из «чисто животной связи» архантропов с орудиями, из чисто инстинктивного характера их труда. (См. Б. Ф. Поршнев. Материализм и идеализм в вопросах становления человека. «Вопросы философии», № 5, 1955). Вместе с тем обнаруживается и нечеткость позиции Д. В. Гурьева, который, считая, что «сознание» появилось с самого начала производства орудий», не вскрывает однако, чем же оно первоначально отличалось от интеллекта животного и в то же время походило на него. Более того, утверждая, что с появлением постоянного производства орудий (это, по-видимому, осуществлял уже гомо габилис), возникает и «общественное производство с его двумя основными подразделениями», — Д. В. Гурьев дает основание полагать, будто и труд и сознание с этих пор уже ничем не отличались от характера труда и уровня сознания человека современного физического типа. (См. Д. В. Гурьев. Предшествовал ли труд сознанию?, «Вопросы философии», № 2, 1967, стр. 61, 62, 63.

нял функции руки, сколько давал ей дополнительную силу воздействия на предметы. А так как ограниченная сфера действия руки контактно переносилась на орудие и конструктивно закреплялась в нем, то, естественно. изготовление орудия подобного типа не могло предотвратить и морфологической специализации самого рабочего органа гоминид. С усложнением условий обмена веществ ручное рубило становилось все менее пригодным для выполнения сложных операций и формирующийся человек вынужден был опробовать в качестве орудий отщепы, получаемые в результате обработки каменных ядрищ. В конце ашелльской эпохи отщепы превратились в немногочисленные сопровождающие орудия, а в мустье — начинали преобладать. В сопровождающих орудиях утрачивалась естественная форма природного тела и вместе с тем дифференцировались действия руки, что раздвигало узкий круг первичных представлений о подготовительной фазе труда. Более того, дифференциация орудий позволяла уже установить конкретную связь руки, ее движений и действий, с конкретными сторонами или свойствами объекта, присваиваемого на заключительной фазе трудового акта. Как отмечает С. А. Семенов, в состав орудий мустьерских памятников, помимо каменных отбойников, ретушеров, костяных наковален, входили «кремневые остроконечные ножи для разделки туш животных, ножи из отщепов для резания мяса и строгания дерева или кости, скобели для обработки кожи, проколки, костяные и каменные наконечники для рогатин и другие орудия...».[1] Благодаря сравнительно разнообразному составу орудий создавались такие условия, когда в дифференцированных орудиях сознанию начинала **открываться** и соответственно **отражать себя конечная цель** процесса труда. Дифференциация орудий однако носила еще довольно ограниченный характер. По определению С. Н. Замятина, она проявлялась в устойчивых сериях различных вариантов «немногих выработанных форм орудия, скребла или остроконечника».[2] В результате этого конечная цель трудового акта открывалась сознанию классического неандертальца не вся и не сразу, а лишь частично, как бы своими отдельными сторонами и потому отражалась сознанием в

[1] С. А. Семенов. Первобытная техника. (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы), М.—Л., 1957, стр. 231.

[1] С. Н. Замятин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», М., 1951, стр. 118.

форме отдельных разрозненных представлений. Подобный строй разрозненных представлений, хотя и повышал общий уровень сознания палеоантропов, не позволял еще вырабатывать понятия. Косвенным подтверждением такого вывода может служить покатость лобной части черепной коробки палеоантропов группы Шапелль, что свидетельствует о сглаженности лобных долей мозга, ведающих регулированием сознательных, целенаправленных действий. Исходя из этого, В. П. Якимов отмечал, что развитие мозга классических неандертальцев шло преимущественно в длину и ширину. Области, связанные с локализацией высших познавательных функций, не получили должного развития, мозг не увеличился в высоту и оставался примитивным по своему строению.[1] Не опровергает данный вывод и В. И. Кочеткова, которая, обобщая свои взгляды по вопросу о конкретном пути эволюции мозга, считает, что этот путь «характеризовался усиленным ростом сначала областей, дающих чувственное представление о мире, а затем уже — областей абстрактного мышления и сложного социального поведения человека».[2]

К понятийному уровню сознание человека подошло, по всей видимости, в эпоху позднего или даже финального мустье, когда в производстве орудий явственно обозначился переход от остроконечника, используемого лишь в качестве ножа, к треугольному жалу, призванному оснастить копье как орудие дистантного действия. Распространение подобных орудий неотделимо от осознания цели действия, благодаря чему только и могли формироваться понятия, причем на обеих фазах процесса труда. Об осознании цели действия на подготовительной фазе труда свидетельствует сам факт изготовления орудий в качестве составных. Изготовление наконечника для копья, как и других тонких орудий, достигалось, прежде всего, за счет дальнейшего развития подвижности пальцев — рабочих органов руки. В результате сфера трудовых функций, выполняемых рукой, расширялась настолько, что ее морфологическая специализация переставала быть необходимой. Вместо того, чтобы приспосабливаться к единичным орудиям, специализируясь на их изготовлении

---

[1] Е. П. Якимов. Европейские неандертальцы и проблема формирования Homo sapiens. Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, т. IX, М.—Л., 1950, стр. 28.

[2] В. И. Кочеткова. Сравнительная характеристика эндокранов гоминид в палеоневрологическом аспекте. Сб. «Ископаемые гоминиды и происхождение человека», М., 1961, стр. 492.

и применении, рука начинала **приспосабливать** к широкому кругу функций все новые орудия, превращая их в конструктивно сложные, составные. Снятие морфологической ограниченности с руки сопровождалось перестройкой мозга, образованием новых отделов коры, где локализовались и получали развитие высшие познавательные функции. Вот почему составные орудия наделялись особой, многоконтурной, формой, выражавшей не случайную, а конкретно-закономерную связь с конкретным объектом потребности. Это означало, что форма преднамеренно **задавалась** составным орудиям, что она производилась по плану, который до начала работ уже сложился в сознании и соответствовал мерке особых признаков, предварительно снятых сознанием с объекта потребности, как цели действия, т. е. соответствовал **целевым** признакам объекта. Таким образом, в произведенной форме составных орудий конечный объект потребности **целеполагал себя,** а действие руки, формировавшей орудие сообразно свойствам материала и целевым признакам объекта потребности, становилось **целесообразным.**

Осознание цели действия на подготовительной фазе труда подкреплялось и соответствующим образом корректировалось практикой применения составных орудий на заключительной фазе труда в качестве орудий **дистантного действия.** В составных орудиях дистантного типа дифференциация орудий, а значит — и действий руки, достигали того рубежа, когда функция присвоения объекта потребности строго закреплялась за каждым из них. Конечный объект потребности становился доступным только определенному орудию и особому действию руки. В метательном по форме акте действие руки, контактирующей с орудием, преобразовывалось в совершенно иное действие — дистантного вида, когда орудие отрывалось от руки и теряло с ней прямую связь в решающий момент присвоения объекта потребности.[1] Рука, следовательно, наделяла орудие функцией, какой сама морфоло-

[1] Характеризуя те физические качества, которые требовались от человека, чтобы овладеть орудием дистантного действия, В. И. Кочеткова писала: «Здесь требуется устойчивое стояние на двух ногах, сбалансированность при метании, хорошее развитие хватательной способности руки, стереоскопическое зрение и наметка глаза, расчет силы толчка на преодоление расстояния и многие другие свойства, которыми наши обезьяноподобные предки обладали в недостаточной мере». В. И. Кочеткова. Эволюция мозга в связи с прогрессом материальной культуры. Сб. «У истоков человечества (основные проблемы антропогенеза)», изд. МГУ, 1964, стр. 224.

гически не обладала, функцией **досягаемости** объекта потребности на расстоянии, значительно выходящем за непосредственно доступные ей пределы воздействия. Тем самым объект потребности особым образом **выделялся** из окружающей действительности и вслед за пространственным удлинением действия руки вовлекался в поле сознания. Между объектом и рукой, пославшей орудие, устанавливалась особая связь, которая рано или поздно начинала осознаваться как связь **пространственно-временная**, а объект подобной связи — как **цель** дистантного действия руки. С осознанием объекта потребности в качестве цели действия человеку становилось доступным установление и **причинно-следственной** связи между двумя фазами труда, осознание на этой основе предметных органов труда в качестве конкретно-целевых орудий, а действий посредством орудий — как целенаправленных и целесообразных. Вследствие осознания определенных связей между предметами и явлениями в процессе труда мозг получал возможность выделять (абстрагировать) их некоторые общие, наиболее существенные, свойства в соответствующих понятиях, фиксировать понятия в словах и выражать в членораздельной речи. Процесс этот однако был далеко не одноразовым и не прямолинейным. Можно полагать, что в эпоху позднего — финального мустье подход, приближение сознания к понятийному уровню выразились не столько в формировании собственно понятий, сколько в установлении более или менее прочных, устойчивых связей между представлениями, что явилось результатом осознания цели действия. Только в последующую, ориньякскую, эпоху, когда завершилось формирование человека современного физического типа с присущей ему сложной структурой мозга, осознаваемые связи между чувственными образами начинали **отделяться** от чувственной формы. А это и вело к образованию понятий.[1] Наглядным выражением подобного отделения служат появившиеся в Европе не ранее ориньяка различные контурные изображения предметного мира, исполненные в линейной резьбе на камне или кости, или высеченные на стенах пещер.[2] Довольно распространенными из них были упрощен-

[1] Взгляда на возникновение понятий путем отделения связи между чувственными образами от их чувственной формы придерживаются Л. О. Резников, В. И. Свидерский, В. П. Тугаринов, С. Г. Шляхтенко, В. А. Штофф. См. «Марксистско-ленинская философия», М., 1968, стр. 113.

[2] «Всемирная история», т. I, М., 1955, стр. 63; М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры, М., 1957, стр. 168—169; П. П. Ефименко. Первобытное общество, Киев, 1953, стр. 394—396.

ные изображения животных: лошади, оленя, льва и других, т. е. таких объектов человеческой потребности, которые составляли цель завершающего трудового действия. Прежде, чем осознать посредством понятий мгновенно осуществляемую связь дистантного действия руки через орудие с подвижной целью, мозг должен был «схватить» и «удержать» такую связь, не дать ей исчерпать себя (завершиться) до того, как сознание соответствующим образом запечатлеет и отразит ее. А для этого чувственную форму реальной связи надлежало **вынести** за пространственно-временные пределы протекания самой связи, превратить, в застывшую, неподвижную, постоянно **открытую** для сознания и осознания, в особый источник того, что А. Н. Леонтьев называет «представленностью отражаемого субъекту».[1] Наглядные образы, представленные контурными изображениями, **обобщали трудовое действие,** так как выделяли то наиболее существенное, чем характеризовался определенный объект потребности (очертания животного, позволяющее как-то судить об особенностях строения его тела; излюбленная поза зверя, приоткрывающая форму поведения и др.).[2] Вот почему такие изображения служили весьма важной чувственной опорой для формирования понятий и для закрепления понятий, лишенных непосредственной наглядности, словесными, языковыми средствами. Вместе с тем, находясь вне пределов пространственно-временных связей и получив возможность вследствие этого выделять существенное в объектах, контурные изображения подводили сознание к обнаружению причинно-следственных связей в процессе труда. Отсюда следует тот несомненный вывод, что

---

[1] А. Н. Леонтьев. Понятие отражения и его значение для психологии. «Вопросы философии», № 12, 1966, стр. 54.

[2] П. Я Гальперин указывает на поэтапное формирование умственных действий у детей. Этап, на котором производятся уже действия не с вещами непосредственно, а с их изображениями, он называет этапом материализованных действий. На данном этапе действие обобщается и его содержание становится доступным сознанию. К последующему этапу относится перенесение действия «в план громкой речи без опоры на предметы». Автор считает, однако, что новый этап может иногда и не выделяться в самостоятельный, а совмещаться с этапом материализованных действий. При этом речевое действие создает абстракции для действий с предметами и служит важнейшим условием образования понятий. Последние же окончательно складываются, когда речевой процесс уходит из сознания, уступая место акту внутренней речи. См. П. Я. Гальперин. Развитие исследований по формированию умственных действий. Сб. «Психологическая наука в СССР», т. I, М., 1959, стр. 441—466. Следует полагать, что подобный процесс формирования умственных действий имел место и в ходе выделения человека из животного мира.

изображения фиксировали первоначальные знания об объектах потребности как цели действия, **познание цели действия** в его наиболее доступной, наглядно-чувственной форме. Наряду с осознанием объектов потребности в качестве цели действия и тем самым — природной среды, предоставлявшей их, уже в ориньякское время начинала осознаваться и социальная среда, как родовая, кровно-родственная общность, о чем свидетельствуют многочисленные женские статуэтки.[1]

Познание цели действия, равно как и осознание социальной общности, означало, что труд перерос ступень одних лишь опосредствующих действий, что сформировавшийся человек, помимо опосредования, начинал направлять целесообразно-осознанные действия на **регулирование** своего обмена веществ с природой. Не представлялось возможным осознавать цель, если при этом действие не целенаправлялось, т. е. не регулировалось в соответствии с заранее поставленной целью, каковой, прежде всего, являлось присвоение объекта потребности в процессе обмена веществ. Но целенаправлять, т. е. регулировать действие, тесно связанное с обменом веществ и опосредствующее его, значило опосредованно регулировать и сам обмен веществ, регулировать посредством целенаправленного действия. Таким образом, с познанием цели трудовое действие перерастало в деятельность, поскольку обретало свойство как опосредовать, так и опосредованно регулировать обмен веществ, не контролируя еще его однако.[2]

Вступлением процесса труда на вторую ступень развития, в фазу регулирования, коренным образом изменялись условия обмена веществ человека с природой. В ходе антропогенеза важнейшим условием обмена веществ оставалась приспособляемость организма гоминид к среде обитания, хотя трудовые действия последних уже опосредовали данный обмен. Это означало, что приспособляемость все более **преломлялась**

[1] Появление женских статуэток А. П. Окладников относит к ориньякскому времени. См. «Всемирная история», т. I, М., 1955, стр. 66.

[2] От регулирования до контроля процессом труда обмена веществ немалая дистанция, поскольку целенаправленное действие, хотя и контролируется сознанием, тем не менее становится способным само осуществлять контроль не ранее того, как начинает непосредственно вторгаться в процесс естественного воспроизводства продуктов, т. е. соучаствовать с природой в производстве жизненных средств. Следовательно, контроль связан с переходом от охоты к скотоводству и земледелию. Регулировать же возможно и такой обмен веществ, где жизненные средства произведены одной природой, без соучастия труда, и где трудовому действию остается лишь присвоить их в готовом виде.

через процесс производства орудий и потому начинала выводиться в качестве эволюционного процесса за пределы организма. Создавались условия опосредованного приспособления, позволявшие палеоантропам избегать прямой зависимости от внешней среды. Но незавершенность развития органов движения, мозга и физического строения тела в целом, служила преградой на пути совершенствования орудий труда. Когда же процесс развития целиком переместился с тела гоминид на их орудия труда и морфологический предел для совершенствования орудий был окончательно снят, для человека открывался исторический переход от целесообразного приспособления к преобразованию природы. Тем самым завершалось формирование человека в качестве основной производительной силы, способной к безграничному саморазвитию, прежде всего, в предметных органах труда, т. е. в отношении к природе, а затем (и наряду с тем) и в отношениях с другими людьми. Завершение формирования человека современного физического типа и превращение его в главную производительную силу невозможно вне складывания определенной общественной среды, сбрасывающей форму зоологической общности. Рассмотрим в самых общих чертах этот процесс.

2. Становление общества как социального условия обмена веществ между человеком и природой.

Труд, составляя непременное условие обмена веществ, есть особый процесс, который характеризуется не только тем, что действие опосредствуется орудием, но и особенно тем, что человек обращает орудийное действие на объекты природы, лишь взаимодействуя с другими людьми. Трудовое действие человека включено во взаимодействие людей в качестве момента общения и, как таковое, опосредствуется последним, но опосредствуется в той мере, в какой опосредствуется орудием труда применительно к присваиваемому объекту потребности, жизненному средству, предоставляемым природой. Отсюда следует, что, хотя процесс труда невозможен вне определенной общности людей, тем не менее он вырастает из общности, которая трудом не создана, а сложилась как общность зоологического порядка.

Ю. И. Семенов считает, что подобной общностью являлось стадо предлюдей, что стадной общности в виде конгломерата гаремных семей соответствовал рефлекторный труд и стаду же, но поглотившему гаремные семьи, — труд, дошедший до изготовления орудий с устойчивой формой, т. е.

ручных рубил.[1] В обоснование своего взгляда Ю. И. Семенов ссылается, главным образом, на Р. Дарта, который усматривал в находках черепов павианов и костей крупных животных в Таунге, Макапансгате и Стеркфонтейне наглядное свидетельство охоты, предпринимаемой крупными стадами австралопитеков. К. П. Оукли и Д. Д. Кларк утверждали даже, будто эти стада насчитывали до 200 особей. Однако, как отмечает Ю. Г. Решетов,[2] остатки частей скелетов более чем 100 австралопитековых и зубов, которых хватило бы еще на 200 особей, распределяются по пяти местонахождениям и по толще осадочных пород, образовавшихся не менее чем за 50 тыс. лет. Отсюда исследователь приходит к выводу, что стада австралопитеков были невелики. Да и какая необходимость, кроме совместного отражения опасности на короткое время, могла объединить этих приматов в большие группы? Видимо, только необходимость совместных действий, диктуемых охотой. Однако ряд антропологов (Ю. Г. Решетов, Ф. Тобайас) вообще не считают австралопитеков охотниками.[3] К тому же челюсти и зубы таких существ специализировались в направлении растительноядности.[4] Не удивительно, что тот же Д. Кларк, столь преувеличивая численность стад австралопитеков во время охоты, находил вместе с тем, что жили они группами, не превышавшими 10—12 особей. Подобные группы, а не стада и были, очевидно, постоянными объединениями австралопитеков.[5] Ничем существенным в этом отношении не отличались от австралопитеков и гомо габилисы. Крайне ограниченная величина кормовых площадок, на каждой из которых могло прокормиться не более 2—3 существ, служит, хотя и не прямым, подтверждением того, что сравнительная легкость и простота присвоения добычи не вынуждали презинджантропов объединяться в стада. По-видимому, их объединения численно не превышали группы австралопитеков. Таким образом, ни общность предлюдей (австралопитеков), ни общность гомо

---

[1] Ю. И. Семенов. Возникновение общественных отношений. Сб. «У истоков человечества (основные проблемы антропогенеза)». Изд. МГУ, 1964; Ю. И. Семенов. Как возникло человечество, М., 1966, гл. V, VI.

[2] Ю. Г. Решетов. Природа Земли и происхождение человека. М., 1966, стр. 256.

[3] Там же, стр. 206.

[4] Там же, стр. 207.

[5] В таком смысле по крайней мере, ссылается на Д. Кларка. В. В. Бунак. См. его «Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе». Сб. «Ископаемые гоминиды и происхождение человека», М., 1966, стр. 543.

габилисов, скорее всего, не была стадом, состоящим из гаремных семей, а являлась объединением, которое еще количественно напоминала гаремные семьи и которому предстояло превратиться в стадо. Подобные объединения могли на короткий срок сплотиться в стадо, чтобы отразить какую-либо опасность и тут же распасться вновь, так как стадная общность не выступала в качестве необходимого условия присвоения жизненных средств. Все это означало, что ни применение готовых орудий, ни их первоначальное изготовление не вело к ощутимому преобразованию общности гоминид, как не вело и к ощутимой морфологической грани, отделяющей формирующихся людей от животных. Орудийные действия гомо габилисов на подготовительной фазе труда несомненно уже накладывали свой отпечаток на общность презинджантропов, но зоологический индивидуализм в присвоении жизненных средств на заключительной фазе труда не позволял такой возможности реализоваться до тех пор, пока природная среда не изменяла условий существования. Поэтому не антагонизм стада и гаремной семьи, как считает Ю. И. Семенов,[1] а противоречие иного порядка обуславливало формирование стада архантропов. То было противоречие между общностью, характеризуемой прежде всего зоологическим индивидуализмом в присвоении объектов потребности, и изменяющимися условиями природной среды, которые начинали требовать коллективных действий на заключительной фазе труда, а следовательно, перестройки достадных связей. В основе достадных связей, присущих гаремной семье или объединению сходного типа, лежало доминирование особи, отличавшейся большой физической силой, над остальными в данной группе. Система физического доминирования создавала внутри объединения особую соподчиненность между ее членами, касавшуюся, главным образом, присвоения пищи и удовлетворения половой потребности. Такая соподчиненность, резко межуя объединение на враждебные друг другу группы, не позволяла ему превратиться в общность, сплачиваемую охотой для присвоения жизненных средств. Вот почему только по мере возрастания роли охоты древнейшие люди вынуждены были отказываться от системы доминирования и заменить ее связью стадного типа. В результате процесс антропогенеза далеко не первоначально, но лишь

[1] Ю. И. Семенов Возникновение общественных отношений. Сб. «У истоков человечества (основные проблемы антропогенеза)». Изд. МГУ, 1964; Ю. И. Семенов. Как возникло человечество, М., 1966, глава V.

на определенном этапе развития вступил в фазу социогенеза, характеризуемую формированием стада.[1] Такая фаза начинала развертываться там и тогда, где и когда среда обитания архантропов настолько изменяла условия обмена их веществ, что вне стадной общности он становился невозможным. Мы не располагаем пока достаточными данными для окончательного вывода о том, кого следует отнести к первым стадным существам, вступившим на путь человеческого развития, и в какой географической зоне начиналось формирование стад. Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин находят, что такими производственными коллективами, где появились первые социальные закономерности, явилось стадо питекантропов.[2] Подобный взгляд получил широкое распространение. Подкрепляя его, Ю. И. Семенов усматривает важнейший признак наличия стадной общности в изготовлении орудий с устойчивой, стандартизированной формой, т. е. ручных рубил.[3] Пренебречь этим доводом, разумеется, нельзя. Вполне очевидно, что придание орудиям определенной формы становилось возможным только в таких условиях, где уже имела место передача трудового опыта. Однако являлось ли это достаточной причиной для преодоления зоологического индивидуализма в деле присвоения жизненных средств? Чтобы ответить на поставленный вопрос в положительном смысле, нужно располагать доказательствами в пользу того, что ручное рубило специально предназначалось для присвоения мясной пищи и что охота, таким образом, начинала занимать весомое место в жизни обезьянолюдей. Таких доказательств у нас нет. Более того, мы не можем пока с полной достоверностью утверждать, что ручные рубила вообще были делом рук питекантропов.[4] Зато доказанным фактом следует считать наличие у обезьянолюдей весьма богатой растительной пищей среды обитания. А это позволяло в условиях тропического климата почти вовсе обходиться без охоты на животных и потому не вынуждало объединяться в группы, количествен-

[1] Иного несколько взгляда придерживается Ю. И. Семенов, который считает, что «начало процесса становления человека является и началом процесса становления общества, что завершение первого является одновременно и завершением второго». Ю. И. Семенов. Как возникло человечество, М., 1966, стр. 31.

[2] Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин. Основы антропологии. Изд. МГУ, 1955, стр. 317.

[3] Ю. И. Семенов. Как возникло человечество, М., 1966, стр. 185.

[4] На о. Ява, где впервые обнаружены остатки питекантропов, ни одна из таких находок не сопровождалась древнейшими орудиями.

но превосходящие большие гаремные семьи.[1] Отсюда не исключается возможность предполагать у питекантропов наличие общности переходного типа, или стоящей, по крайней мере, у самых истоков формирования стада. П. П. Ефименко, например, характеризует объединения шелльской эпохи, как «полустадные группы».[2]

Наиболее явственно процесс формирования раннечеловеческого стада обнаруживает себя только с конца шелля и особенно с начала ашеля, когда наступавший ледниковый покров сокращал ресурсы растительной пищи. Тем не менее процесс формирования стадных связей еще осуществлялся крайне медленно. Объясняется это тем, что охота, как отмечает П. И. Борисковский,[3] продолжала носить эпизодический характер. Редкая, случайная охота еще не обеспечивала существования человека и дополнялась собирательством как постоянным и более надежным источником получения пищи. Стадная связь вызывалась охотой, вырастала из охоты, но непостоянство результатов охоты, особенно на крупных животных, обусловливало слабость первоначальных стадных связей. Для формировавшегося стада, видимо, характерным являлось противоборство двух тенденций. Одна из них, связанная с охотой, вела к усилению стадной общности и укреплению стадных связей. Другая, вызванная тем, что охота оставалась только дополнением к собирательству, ослабляла стадо, грозила ему разобщением на отдельные полуизолированные группы. Все это придавало раннечеловеческому стаду аморфный вид. Тем не менее стадная общность уже пробила себе дорогу к жизни и затем набирала силы по мере превращения охоты в существенный источник получения жизненных средств. Охота и, прежде всего, охота на крупных животных меняла весь уклад жизни архантропов, заставляла создавать охотничьи стойбища типа Торральбы, грота Обсерватории, Чжоукоудяня. Для поддержания стадных связей требовалась определенная сила, каковой являлось само стадо, его количественная масса, способная оказывать необходимое давление на поведение своих членов, обуздывать таким путем их по-

[1] Ю. Г. Решетов, например, считает, что в условиях изобилия растительной пищи питекантропам не нужно было объединяться в крупные стада См. Ю. Г. Решетов. Природа Земли и происхождение человека. М., 1966, стр. 281.

[2] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 117, 126.

[3] П. И. Борисковский. Исторические предпосылки оформления так называемого Homo sapiens. «Проблемы истории докапиталистических обществ», № 1—2, 1935, стр. 36.

стоянно прорывавшийся зоологический индивидуализм. В этом отношении действие стада проявлялось уже как действие социальной общности, благодаря чему оно начинало глубоко отличаться от гаремной семьи, где особь имела полную возможность посредством доминирования подавлять себе подобных. Можно полагать, что помимо количественной массы далеко не последним регулятором в осуществлении стадных связей служило соотношение полов в пределах стадной общности. Во всяком случае оно должно было серьезно влиять на характер осуществления связи между полами, которая с устранением системы доминирования принимала форму промискуитета. Исследователи могут лишь предположительно высказать свое мнение относительно того, каковы были численная величина раннечеловеческого стада и количественное соотношение в нем между полами. Так, Ю. И. Семенов, опираясь на данные этнографии и археологии, определяет оптимальную численность стадной общности в 50—60 человек.[1] Подобной же точки зрения придерживается В. В. Бунак.[2] Что касается количественного соотношения между полами, то широко известно мнение А. Валуа, который на основании статического анализа костных остатков древнейших и древних людей установил, что в течение раннего и позднего палеолита число мужчин превышало число женщин. Ю. Г. Решетов видит в этом одно из отличий первобытного человеческого стада от стада обезьяньего, где самки количественно всегда превышают самцов.[3] Количественное преобладание мужчин не могло не вызывать среди них соперничества на половой почве. Оно нередко перерастало в острые конфликты, подрывавшие основы общности, как таковой. Поэтому промискуитет в раннечеловеческом стаде выражался в такой свободе осуществления связи между полами, которая проявляла себя через столкновения и мужское соперничество, как связь не регулируемая самой общностью. По-видимому, пока общность не выработала механизма регулирования взаимоотношений между полами, до тех пор единственным таким регулятором являлось изменение соотношения мужской части стада по отношению к не превышавшей ее женской части. Возра-

[1] Ю. И. Семенов. Как возникло человечество, М., 1966, стр. 269.

[2] В. В. Бунак. Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе. Сб. «Ископаемые гоминиды и происхождение человека», М., 1966, стр. 543.

[3] Ю. Г. Решетов. Природа Земли и происхождение человека. М., 1966. стр. 254.

стание числа мужчин сверх известного предела усиливало борьбу между ними, нередко повергая стадо в состояние крайней неустойчивости, и, наоборот,—сокращение их числа до определенного предела умеряло борьбу, сглаживало противоречия, укрепляло стадную общность. В границах подобных колебаний и протекало формирование стадных связей применительно к условиям внешней среды.

Различие условий обитания несомненно оказывало свое воздействие на темпы и характер складывания стадных общностей в тех или иных географических зонах и в те или иные периоды антропогена. Чем разнообразнее были те источники жизненных средств, которые предоставляла среда при наличии благоприятного климата, тем более широкие связи с природой вырабатывало стадо, а значит, и более гибкими, пластичными, способными к совершенствованию вырастали и связи между формирующимися людьми. Следовательно, чем оптимальнее условия жизни предоставляла природа стаду, тем интенсивнее нарастали темпы его формирования и прогрессивнее по характеру или типу своих качеств было оно. Это, в частности, наглядно прослеживается на примере ранних неандертальцев, которые, как уже отмечалось, жили в относительно теплых климатических условиях и занимались при этом охотой даже на крупных животных. Охота на такое крупное животное, каким являлся древний слон, требовала от палеоантропов уже хорошо налаженных коллективных действий, предполагающих стадную общность. В то же время охота не оставалась единственным источником получения жизненных средств, так как в значительной мере дополнялась собирательством, служившим для стада известным страховым фондом от голода. В результате здесь развитие стадных связей шло по линии зарождения их дифференциации между охотой и собирательством, что закреплялось в зачаточном разделении труда. А поскольку разделение труда все более вызывало в человеке развитие его индивидуальных сил и способностей, выходящих за пределы зоологической формы, постольку и стадная общность начинала выполнять соответствующую социальную функцию. Общность оказывала такое давление на каждого из своих членов, которое, ограничивая и устраняя их зоологический индивидуализм, не подавляла в человеке формирования инициативы, физической ловкости, смышленности, т. е. всего того, что выделяло его как некоторую индивидуальность. Таким образом, у ранних неандертальцев складывалась стадная общность

прогрессивного типа, во многом содействовавшая их приближению по ряду морфологических признаков к уровню современных людей.

Глубокие изменения условий природной среды, вызванные переходом от дорисс-вюрмского межледниковья к эпохе вюрмского оледенения, прервали, по крайней мере в Европе, этот процесс, или перевели его в иное русло. Резкое похолодание климата, оттеснявшее к югу теплолюбивые фауну и флору, сводило на нет возможности собирательства и выдвигало в качестве основного источника получения жизненных средств охоту на крупных животных, в том числе, на мамонта, шерстистого носорога и др. Такая охота требовала от палеоантропов прежде всего **слитных усилий нерасчлененной массы.** Только в качестве многочисленной слитной массы, действия которой односторонне специализированны и лишены всяких зачатков разделения труда, стадо получало возможность одолеть крупное животное. Этим определялись внутристадные связи и социальная функция стадной общности, как таковой. Стадо призвано было всеми средствами сплотить своих членов в устойчивую общность, подавив все то, что общность могло подорвать. По-видимому, решить столь сложную задачу посредством одного лишь количественного давления массы на каждого из членов стада не представлялось более возможным. Многовековой совместный труд позволял выработать и иные, более эффективные средства, которые опирались на пробуждающееся сознание людей. Такими средствами являлись определенные посвятительные обряды (инициация) и стадные нормы поведения. Последние находили свое закрепление в ограничении или запрете (табуации) ряда поступков и действий, угрожавших стадной общности. В инициации и табуации нельзя не видеть возрастания в стаде социального начала, имевшего своим следствием защиту огня и жилища, сбережение орудий труда, защиту от опасностей, связанных с прикосновением к трупу и др.[1] В позднем стаде палеоантропов социальное начало выразилось в запрете поедания тела умерших и обязательности их захоронения, в ограничении, а возможно, и запрещении каннибализма.[2] Все это, не-

---

[1] Эти табу, хотя и не для стада, выделяет, например, В. Ф. Зыбковец. См. его работу «Человек без религии», М., 1967, стр. 217. Думается, однако, что прав Ю. И. Семенов, относящий возникновение инициации и табуации еще к стадной общности людей.

[2] На последние два табу, как наиболее характерные для позднего стада, особое внимание обращает Ю. И. Семенов. См. его «Как возникло человечество», М., 1966, стр. 383, 385.

сомненно, свидетельствует о глубоких сдвигах социального порядка, происходивших в стадной общности. Вот почему односторонним выглядит, данное Б. Ф. Поршневым, определение стада как чисто зоологического сообщества.[1] Не менее односторонним, однако, мы считаем и мнение Ю. И. Семенова, который в стаде классических неандертальцев видит формирующееся общество.[2] Здесь особая жестокость посвятительных обрядов, как и система запретительных мер, хотя и выражали социальное начало, тем не менее они были направлены на превращение человека в неотделимую и составную часть стада, в безликое стадное существо, обладающее лишь стадной волей и проникнутое стадным сознанием. Отсутствие каких-либо зачатков разделения труда вело к тому, что вместе с обузданием зоологического индивидуализма в человеческом существе подавлялось все, отличавшее его от остальных, как формирующуюся личность. Неудивительно, что в подобном стаде, где личность растворялась, и биосоциальный отбор шел прежде всего по линии наделения людей физической силой, т. е тем, чем менее всего они могли отличаться друг от друга. Мозг же, как орган, который более всех других выделяет в человеке индивидуальность, оставался примитивным по своему строению. В нем. отмечает В. П. Якимов,[3] не получили должного развития области локализации функций контроля над эмоциями, с чем связано значительное сохранение у классических неандертальцев «дикого эгоизма обезьян». К тому же диапазон индивидуальной изменчивости мозга, позволяющий судить о степени его превращения в орган индивидуального опыта, вырос весьма незначительно.[4] Из сказанного не трудно сделать вывод. Стадо существ, не-

---

[1] «Стадо не низшая стадия общества, а явление чисто биологическое, и в этом смысле противоположное обществу».— утверждает Б. Ф. Поршнев. См. «Вопросы философии», № 5, 1955, стр. 155.

[2] Ю. И Семенов. Как возникло человечество, М., 1966, главы XV, XVI.

[3] В. П. Якимов. Европейские неандертальцы и проблема формирования Homo sapiens. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Краткие сообщения, т. IX. 1950, стр. 28.

[4] В. И. Кочеткова, например, отмечает, что если на протяжении раннего и среднего плейстоцена мозг увеличил свои размеры почти втрое (от 500 см³ у австралопитековых до 1500 см³ у поздних палеоантропов), то диапазон индивидуальной изменчивости возрос всего лишь на несколько процентов (от 22 проц. у австралопитековых до 29 проц. у поздних европейских форм). См. В. И. Кочеткова. Сравнительная характеристика эндокранов гоминид в палеоневрологическом аспекте. Сб. «Ископаемые гоминиды и происхождение человека», М., 1966, стр. 462, 464.

сомненно отмеченных морфологической специализацией, не могло пойти по пути превращения в общество, а сложилось в общность застойного типа.

По-иному складывались условия для формирования стадной общности в районах, удаленных от ледникового покрова, по крайней мере, на территории Передней Азии, а возможно, —и Индо-Ирана. Растительный и животный мир здесь отличался достаточным разнообразием: наряду с тяжеловесными животными (слоном, носорогом) обитали и быстроногие—газель, сайгак, лошадь, благородный олень. Необходимость охоты как на медлительно-неповоротливых, так и на подвижных животных закрепляла, с одной стороны, многочисленный состав стада формирующихся людей, не давала ему распадаться на изолированные группы, а с другой,—вела к выделению из ранее нерасчлененной массы стада определенных групп, специализировавшихся на охоте за быстрыми животными. Стадо переставало быть нерасчлененной массой. Охотясь на крупных животных, оно действовало слитным усилием массы, а при охоте на газелей, лошадей, оленей дифференцировалось на половозрастные группы. Из стада выделялись: а) группа молодых охотников, способных нередко покрыть в погоне за животным большие расстояния и поразить цель; б) группа стариков, накопившая достаточный опыт, необходимый для обучения молодых искусству охоты и особенно для изготовления орудий дистантного действия; в) группа женщин и детей, труд которых начинал сосредотачиваться в сфере домашнего хозяйства. Подобная дифференциация означала не что иное, как складывание разделения труда по полу и возрасту. Этим создавались условия для изживания стадной общности людей и прежде всего для изживания на основе экзогамии внутристадной связи между полами. Причина экзогамии остается до сих пор неразгаданной. Среди гипотез, посвященных данной проблеме, наибольшим распространением в нашей стране пользуется гипотеза С. П. Толстова.[1] Корни внутристадной половой табуации исследователь видит в об-

---

[1] Ее разделяют Н. А. Бутинов, А. М. Золотарев, Ю. И. Семенов и др. См. Н. А. Бутинов. Проблема экзогамии. (По австралийским материалам). Сб. «Родовое общество» (Этнографические материалы и исследования). Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. XIV, АН СССР, М., 1951; А. М. Золотарев. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964; Ю. И. Семенов. Возникновение общественных отношений. Сб. «У истоков человечества (основные проблемы антропогенеза). Изд. МГУ, 1964; Ю. И. Семенов. Как возникло человечество. М., 1966, глава X.

щественно-производственной деятельности коллектива, стремящегося исключить половую жизнь его членов, так как последняя на определенном этапе приходит в неизбежное противоречие с производственной жизнью. «Промискуитет,—пишет С. П. Толстов, — неурегулированные половые отношения нарушают нормальное функционирование хозяйственного коллектива, и в процессе роста производительных сил, в процессе консолидации устойчивых коллективов с определенной охотничьей территорией половое табу неизбежно должно было вступить в свои права».[1] Обоснование запрещения внутристадной половой жизни причинами производственной деятельности выглядит достаточно убедительно. Однако сама производственная деятельность должна была подняться на известную ступень развития, чтобы стать необходимой причиной половой табуации. Такой ступенью развития и явилось, на наш взгляд, складывание половозрастного разделения труда.[2] Зачаточным ростом половозрастного разделения труда, прежде всего и главным образом, создавалось такое единство общности людей, которое все более становилось несовместимым с единством стадного типа, основанным на нерасчлененности стадной массы в трудовом процессе и нерегулируемости половой связи. Обратимся к рассмотрению процесса перехода от стадной связи между полами к нестадному отношению, как наиболее характерного для становления общества.

Специализируясь на охоте за быстрыми животными, молодые мужчины вынуждены были периодически отрываться от женской части стада, чем создавались перерывы в половом общении. Из регулярного и потому не нуждающегося в упорядочении, оно превращалось в нерегулярное и потому подлежащее известному упорядочению со стороны стадной общности. В связи с этим стадная общность столкнулась с решением двух кардинальных задач или, вернее, двуединой за-

[1] С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. «Проблемы истории докапиталистических обществ», № 9—10, 1935, стр. 34.

[2] Ю. И. Семенов, детально конструируя развернутую схему перерастания стада в готовое общество, не принимает вовсе этот фактор в расчет, как не ведет и все исследование в плане анализа конкретной связи развития производства с формированием человека и общества. Подобная позиция автора объясняется тем, что Ю. И. Семенов вслед за Б. Ф. Поршневым рассматривает отношения, складывающиеся непосредственно в процессе производства (охоте), как отношения не производственные, а технические. Их место — в сфере формирования производительных сил, но не общества. См. Ю. И. Семенов. Как возникло человечество, М., 1966, гл. VI, IX, X, XV, XVI.

дачи. Во-первых, надлежало заставить наиболее жизнеспособную группу людей оторваться от стада и перестать быть на время составной частью стадной массы, выделиться из нее. Сложность решения подобной задачи обуславливалась тем, что такое отделение, пусть и временного характера, требовало особых форм подавления зоологического индивидуализма в осуществлении половой связи, а значит, решения второй, не менее трудной, задачи. Если ранее речь шла о подавлении соперничества и конфликтов в половом общении, то теперь стадная общность была призвана подавить в своих членах половой инстинкт, как таковой, добиться от них полного отказа от удовлетворения половой потребности в стаде на время охоты. Решить столь сложную задачу представлялось возможным, лишь наложив табу на половую связь в течение всего периода отрыва мужчин от стойбища. Введение полового табу опиралось на систему других запретов и требовало особых воспитательных мер, прежде всего,—инициации. Но, в отличие от классических неандертальцев, здесь инициация и табуация объективно направлялись не на закрепление и растворение человека в стаде, как стадного существа, а на выделение его из стада. Иными словами, **разделение труда** вело к **разъединению** производственного и полового общения во времени и пространстве, к **дифференциации** двух форм воспроизводства человеческой жизни. Поэтому стадная общность вставала перед необходимостью осуществления такой социальной функции, которая, по существу, не укрепляла, а подрывала самую основу стада, так как заметно ограничивалась связь, вне которой стадо существовать не могло. Последствия должны были неминуемо сказаться.

Наложив временное табу на половую связь в пределах своей общности, стадо не имело реальных средств воспрепятствовать половому общению оторвавшейся группы мужчин с женскими группами других стад. Несомненно, такое общение длительный срок носило случайный характер и сопровождалось кровопролитными столкновениями между различными подвижными группами охотников. При этом, хотя мужская группа стада и вступала в связь с женскими группами других стад, но относилась к ним как к группам чужих, а значит, враждебных объединений. По окончанию охоты мужчины возвращались в свое стойбище. Возвращение охотников снимало половое табу и особо отмечалось оргиастическим промискуитетным праздником. Таким образом, зачаточное разделение труда открывало в жизни стада прогрессивного типа

период, когда, наряду с внутристадным половым общением, завязывались и междустадные половые связи. Тем самым стадо вступало в переломный период своего развития. Оно переставало быть замкнутой общностью, которая производит и воспроизводит себя только на основе внутристадных связей. Выдвижение связи по воспроизводству человеческой жизни за пределы стада открывало переход к формированию нестадной общности людей. Переход обозначался все более явственно и притом на широкой территории с наступлением т. н. готтвейгского интерстадиала, когда заметно возросло распространение быстроногих стадных животных. По мере превращения этих животных в жизненно важный объект охоты учащались и умножались междустадные связи, а вместе с тем—и острые конфликты между различными группами охотников. Рано или поздно вставала крайняя необходимость в каком-то регулировании междустадных половых связей, в установлении такого порядка, при котором подобная связь превращалась бы в **регулярную** и **упорядоченную.** В условиях взаимной отчужденности, столь характерной для стадных общностей, это становилось достижимым, видимо, только за счет сокращения сферы междустадных связей и сведения ее в конце-концов до пределов связи лишь между **двумя соседними стадами.** Но и при крайне ограниченной сфере действия междустадных связей их закрепление в качестве дуально-стадных достигалось с большим трудом. Для преодоления вражды и недоверия требовалось очистить от конфликтов прежде всего область присвоения жизненных средств, охоту. Границы территорий, занимаемых соседними стадами, первоначально не были достаточно четко очерчены, да и не могли служить надежным гарантом. Дело в том, что далеко не всегда стаду удавалось в пределах своего района настичь быстрых животных, а их уход на территорию соседей грозил голодом. Кроме того, запасы пищевых продуктов по различным зонам обитания распределялись природой неравномерно. Естественно, что в таких условиях наиболее благоприятным решением вопроса являлось **разделение** между двумя стадами важнейших пищевых продуктов, независимо от территории, на которой они обитали, хотя последняя и оставалась запретной для соседей. На основные жизненные средства, потребляемые одной стадной общностью, другая — налагала для своих членов ограничения, которые были тем жестче, чем меньше богатством пищевых ресурсов обладала кормовая территория. В результате создавалось положение, когда фор-

мирование междустадной связи вызывало необходимость упорядочения связей по присвоению жизненных средств, а упорядочение связей в сфере материального производства закрепляло превращение междустадной половой связи в **постоянную** связь. Ведь только такая связь давала стадам гарантию в том, что они, избегая кровопролитных конфликтов, сумеют на длительный срок воспользоваться выделенными в их распоряжение природой пищевыми ресурсами. Рост прямой заинтересованности людей в обеспечении постоянства междустадных связей как связей дуально-стадного типа все менее совмещался с поддержанием внутристадных связей, требовал оттеснения таковых на задний план и, наконец, неминуемого запрета (экзогамии). Таким образом, под давлением взаимозависимости и в ходе взаимодействия двух видов междустадных связей внутри стадных общностей устанавливалась **двоякая экзогамия, половая и пищевая**.[1] Первая порождала вторую, вторая закрепляла первую. Поскольку при этом половая экзогамия расщепляла стадо на две более не связанные половым общением группы, постольку между ними впоследствии вырастал и пищевой барьер в виде запрета на совместную еду. Как ни подрывалась однако стадная общность, люди вынуждены были идти на ее утрату еще и потому, что немаловажным фактором, содействовавшим установлению экзогамии, служил сам рост населения. При этом никакой нужды в осознании вреда инцеста (кровосмешения), как считал в свое время Л. Морган,[2] а теперь — П. И. Борисковский,[3]

---

[1] Понятие «пищевая экзогамия» впервые введено в научное обращение Р. и Л. Макариусами. Они же впервые указали и на неразрывную связь экзогамии половой, или генеологической, и экзогамии пищевой. Однако необходимость пищевой экзогамии, равно как и ее связи с экзогамией половой, Макариусы не обусловливают производственным фактором, хотя и говорят об охоте, которая вела к установлению регулярных связей между различными группами. См. Makarius R. etd. d'origine de J'exogamie et du totémisme. Paris, 1961. Как спорную, но стройную теорию, оценивает ее С. А. Токарев. Он считает, что с помощью понятия «пищевая экзогамия» авторам удалось действительно связать воедино и по-новому осмыслить множество фактов, не получивших до сих пор объяснения. См. С. А. Токарев. Новое о происхождении экзогамии и о тотемизме. Сб. «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии», М., 1968, стр. 269.

[2] Л. Морган. Древнее общество, Л., 1934; Л. Морган. Дома и домашняя жизнь американских индейцев. Л., 1934.

[3] П. И. Борисковский. Начальный этап первобытного общества, Л., 1950; П. И. Борисковский. Древнейшее прошлое человечества, М.—Л., 1957.

П. П. Ефименко,[1] А. П. Окладников,[2] не возникало. Прямой факт несомненного роста населения в стадах, практиковавших из поколения в поколение междустадное половое общение, наглядно убеждал людей в пользе и целесообразности последнего.

Установление половой, а затем и пищевой экзогамии открывало новую ступень в формировании социальной общности людей, ступень **регулирования** междустадных связей, имевшую своей основой вступление труда в фазу регулирования обмена веществ между человеком и природой. Достигнув фазы регулирования обмена веществ, трудовое действие не имело более своим пределом незавершенность строения тела человека и потому нуждалось в таком трудовом взаимодействии коллектива, которое переставало бы непосредственно ограничиваться биологической связью, как это имело место в стаде. Экзогамия и обеспечивала окончательное разъединение производственного и полового общения внутри стада. Она выносила половую связь за пределы стадной общности, превращая таким путем воспроизводство человеческой жизни в социально-обусловленный, т. е. опосредованный производственной связью, акт. Последствия, вызванные этим процессом, трудно переоценить, поскольку указанные дифференциация и опосредование преобразовали раннее нерасчлененную стадную **связь в отношения** людей к природе и друг к другу. Отделив от связи по производству материальных средств к жизни связь по производству самой жизни, люди получили возможность осуществлять в своих связях двоякое выделение из стада. В своей связи по присвоению жизненных средств люди выделялись из стада посредством осуществления половозрастного разделения труда, благодаря чему начинали нестадно относиться к природе, вырабатывая **отношение** к ней **по полу и возрасту.** В своей связи по производству жизни люди выделялись из стада и вступали в **междустадное отношение** посредством **экзогамии.** Но опосредовав связь по производству жизни и превратив ее в междустадное отношение, люди в своей связи по присвоению объектов потребностей переставали относиться друг к другу как стадные существа. Они вступали в отношения по производству, в произ-

[1] П. П. Ефименко. Первобытное общество, Киев, 1953, стр. 244—245, 308—309.

[2] А. П. Окладников. См. «Всемирная история», М., 1955, т. I, стр. 45; А. П. Окладников. Становление человека и общества, М.—Л., 1958, стр. 143.

водственные отношения, присущие общности качественно нового, кровнородственного, типа. Советские исследователи пришли к единодушному мнению, что такая общность возникла на рубеже между ранним и поздним палеолитом.[1] Для кровнородственной общности характерны отношения, которые могли осуществляться в качестве **производственных,** лишь будучи **естественными,** т. е. отношениями, вырастающими из непосредственного воспроизводства человеческой жизни. Это означает, что воспроизводство кровнородственных отношений осуществлялось двояким путем: а) естественным, посредством воспроизводства человеческой жизни, продолжением рода; б) в процессе производства жизненных средств, в сфере материального производства. Двоякий путь воспроизводства кровнородственных отношений объясняется прежде всего незавершенностью развития процесса труда в фазе регулирования обмена веществ между человеком и природой.[2] Поскольку в охоте, как в сфере производства, труд не только опирался на производимые орудия, но и в зависимости от состава животных разделялся по полу и возрасту, постольку отношения между людьми складывались как отношения по производству, как производственные отношения. Поскольку же охота представляла жизненные средства, производимые не трудом, а природой, так что труду оставалось лишь присвоить их в готовом виде, постольку воспроизводство производственных отношений и начиналось за пределами процесса труда, в области естественного воспроизводства человеческой жизни, и затем осуществлялось в сфере материального производства в своей естественной, кровнородственной форме. Более того, крайняя неустойчивость процесса присвоения жизненных средств, производимых природой без участия труда, вела к тому, что на столь шаткой экономической основе естественная форма предопределяла характер производственных отношений между людьми. Люди вступали в отношения по производству как **равные** по кровнородственному **происхождению** и как

---

[1] Впервые эту мысль высказали советские археологи П. П. Ефименко в статье «Значение женщины в ориньякскую эпоху» (См. Известия Государственной Академии истории материальной культуры, т. II, вып. 3—4, 1931) и П. И. Борисковский. (См. его статью «К вопросу о стадиальности в развитии верхнего палеолита», Известия Государственной Академии истории материальной культуры, т. 14, вып. 4, 1932).

[2] «Чем менее развит труд, — писал Ф. Энгельс, — чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей». К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 26.

бы в процессе производства они ни различались между собой вследствие разделения труда, их личностно-трудовая определенность имела весьма подчиненное значение. Индивиды относились друг к другу как кровные родственники и только в качестве таковых,—как охотники, изготовители орудий, строители жилищ и т. д. Иными словами, социальное положение индивидов (их равенство) обусловливалось происхождением, т. е. кровнородственной формой производственного отношения, которая вырастала за пределами производства, а затем вносилась в процесс производства и распределения, закреплялась здесь. Вот почему даже для периода разложения отношений кровного родства Ф. Энгельс считал необходимым указать, что «на данной ступени способ производства играет не столь решающую роль, как степень распада старых кровных связей и старой взаимной общности полов (sexus) у племени».[1]

Равенством происхождения определялось и равенство в отношении людей к объективным условиям их труда, т. е. характер собственности на кормовую территорию.[2] Проблема становления первоначальной формы собственности нашла свою разработку в исследованиях М. В. Колганова,[3] А. И. Першица,[4] Г. Ф. Хрустова,[5] Б. Ф. Поршнева[6] и др. Одни из них, как, например, М. В. Колганов, приходят к выводу, что основной формой присвоения в дородовую эпоху являлось пользование и только в родовом обществе, при переходе от собирательства и охоты к скотоводству и земледелию, пользование перерастало в отношения собственности и владения.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 35, стр. 103.

[2] Мы не считаем необходимым рассматривать характер собственности на орудия, произведенные трудом. Уже в условиях перерастания дородового стада в родовое общество орудие как бы срастается с рукой, превращается в орган, удлиняющий руку и притом руку, которая произвела его. Отсюда следует, что орудие, как и рука, удлиненная им, становится индивидуальным орудием, приспособленным к индивидуальной сноровке, навыку, силе руки, т. е. принадлежностью индивида. Орудия, требовавшие для производства коллективного труда, становились коллективной собственностью.

[3] М. В. Колганов. Собственность. Докапиталистические формации, М., 1962, раздел I, гл. I—III.

[4] А. И. Першиц. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории. Сб.«Проблемы истории первобытного общества», М., 1960.

[5] Г. Ф Хрустов. К вопросу об отношениях собственности в первобытном обществе. «Советская этнография», № 6, 1959.

[6] Б. Ф. Поршнев. Проблема возникновения человеческого общества и человеческой культуры. «Вестник мировой культуры», № 2, 1958.

При этом для М. В. Колганова и пользование, и владение, и собственность есть лишь отношения людей по поводу вещей.[1] В отличие от М. В. Колганова А. И. Першин допускает, что личная собственность члена первобытной общины была скорее его отношением к вещи, нежели отношением между людьми, а коллективная собственность—отношением людей по поводу вещей.[2] Б. Ф. Поршнев, разделяя мнение относительно собственности как отношения между людьми по поводу вещей, считает необходимым при этом добавить, что «собственность всегда есть отношение между собственником и несобственником».[3]

С подобными определениями нельзя полностью согласиться, так как они расходятся с тем определением собственности первобытной эпохи, которую давал К. Маркс в экономических рукописях 1857—1859 годов, в частности в разделе: «Формы, предшествующие капиталистическому производству». Здесь он неоднократно характеризовал первобытную собственность как отношение человека к объективным условиям производства. Вот некоторые из этих определений: «Собственность означает, следовательно, первоначально не что иное, как отношение человека к его природным условиям производства...».[4] Или: «...Собственность (т. е. отношение отдельного человека к **природным** условиям труда и воспроизводства...».[5] Или: «...Определенное отношение к условиям производства (формы собственности)...».[6] Во всех приведенных примерах, а их число можно было бы увеличить, К. Маркс характеризует собственность первобытного общества, как отношение человека к условиям производства. Объясняется это тем, что, по Марксу, собственность есть присвоение продуктов природы, которое осуществляется в процессе производства, т. е. при наличии прямого отношения людей к природе. Вне отношения индивида к условиям производства, к предметам и силам природы нет и присвоения, или собственности. Вместе с тем производство, а значит и присвоение (собственность) имеет место только в обществе и потому отношение человека к природе опосредовано его отношением к

---

[2] М. В. Колганов. Собственность. М., 1962, стр. 63.

[1] А. И. Першиц. Указ. соч., стр. 160.

[3] Б. Ф. Поршнев. Проблема возникновения человеческого общества и человеческой культуры. «Вестник мировой культуры», № 2, 1958, стр. 29.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч. I, стр. 480.

[5] Там же, стр. 463.

[6] Из рукописного наследства К. Маркса. «Коммунист», № 7, 1958, стр. 21.

другим людям.[1] Опосредовано и отношение первобытного человека к объективным условиям производства. Но крайняя неразвитость процесса труда приводит к тому, что данное опосредование не достигает еще того рубежа, когда отношения между людьми **противопоставляются** отношению человека к природе в качестве таких производственных отношений, которые не позволяют индивиду относиться к объективным условиям производства, как к своим. Природные условия труда еще так доминируют над трудом в процессе обмена веществ человека с природой, что труд сам в известном смысле слова принадлежит к объективным условиям производства, существует в них и потому от них неотделим. Труд и условия труда, по определению К. Маркса, еще составляют единое целое.[2] Вот почему процесс производства жизненных средств осуществим только при том непременном условии, что отношение человека к природе служит естественным продолжением его отношения к членам коллектива. Лишь в качестве члена родового коллектива индивид имеет отношение к объективным условиям труда, но именно поэтому он, как работник, распоряжается условиями труда, относится к ним, как к своим, т. е. реализует отношение собственности. Не лишено оснований утверждение Б. Ф. Поршнева, что собственность всегда есть отношение собственников к несобственникам. В данном случае речь идет об отношениях, складывающихся между двумя общностями по поводу занимаемой каждой из них территории. Разумеется, половая и пищевая экзогамия вели к формированию подобных отношений. Но не они определяли первобытную форму собственности. Известно, что родовые коллективы складывались в качестве замкнутых хозяйственных групп, а не междуродовых производственных объединений. Отсюда следует, что форму собственности определяли только те отношения, которые складывались как производственные отношения внутри коллектива. А они еще не могли быть отношениями между собственниками и несобственниками. Пока труд не контролирует обмен веществ, его прибавочный продукт столь невелик по объему и столь недостаточен для того, чтобы освободить от труда даже незначительную группу взрослых людей, что никакого производственного отношения между собственниками и несобственниками, т. е. ра-

---

[1] «Всякое производство, — пишет К. Маркс, — есть присвоение индивидуумом предметов природы в пределах определенной общественной формы и посредством нее». К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 713.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 26, ч. III, стр. 516.

ботцниками и неработниками сложиться не может. Производственные отношения, складываясь как внутриродовые, осуществлялись в процессе труда и только между носителями трудового процесса,[1] хотя имели своими предпосылками условия, непроизведенные первоначально трудом.

К. Маркс исходит из того, что при первобытном строе индивид располагал двумя предпосылками труда: а) наличием коллектива (родовой общины); б) землей, составляющей объективную предпосылку и главное условие труда. Обе предпосылки и условия труда не созданы трудом. Они предшествуют труду. Что касается коллектива, как субъективного условия производства, то он дан индивиду не трудом. Объективные условия производства также даны индивиду не трудом, а природой и даны потому, что он—член родового коллектива, продукт кровнородственных связей и уз. Поскольку обе предпосылки труда даны индивиду без предварительной затраты труда, постольку и собственность дана ему до того, как он становится работником. Отмечая это, К. Маркс писал: «Вообще человек (изолированно или в обществе) выступает в качестве собственника всегда до того, как он выступает в качестве работника, даже если собственность есть только то, что он считает своим из окружающей его природы (или что он, в качестве члена семьи, рода, общины, считает своим отчасти из окружающей его природы, отчасти из общих, уже произведенных средств производства). И как только прекращается первоначальное животное состояние, собственность человека на окружающую его природу всегда предварительно опосредствуется его бытием в качестве члена общины, семьи, рода и т. д., его отношением к другим людям, которое обусловливает и его отношение к природе».[2]

Получив в качестве собственности объективные условия производства без затраты труда, индивид затем утверждает эту собственность своим трудом. «Поскольку собственность,— подчеркивал К. Маркс,—является только сознательным отношением к условиям производства как к **своим** собственным... т. е. поскольку существование производителя выступает как

---

[1] Поэтому нельзя согласиться с мнением Б. Ф. Поршнева, характеризующего отношения людей в процессе труда, их расстановку во время коллективной охоты и т. п., как якобы не производственное, а техническое отношение, связанные лишь с производительными силами. См. Б. Ф. Поршнев. Проблема возникновения человеческого общества и человеческой культуры. «Вестник истории мировой культуры», № 2, 1958, стр. 29.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 26, ч. III, стр. 391.

существование в объективных условиях, **ему принадлежащих**, постольку она осуществляется только через само производство. Действительное присвоение совершается сперва не в мысленном, а в активном, реальном отношении к этим условиям; это есть действительное использование их человеком как условий своей субъективной деятельности».[1] Земля, будучи объективным условием производства, может быть присвоена в качестве двоякой предпосылки труда: а) как **территория**, т. е. как место поселения, «базис коллектива» и как определенный район присвоения готовых продуктов природы, производимых без участия труда; б) как **средство производства.** Двоякий путь присвоения земли общество прокладывает только на той ступени развития, когда оно овладевает земледелием в качестве сферы производства. Коллектив же, занимающийся лишь собирательством и охотой, присваивает землю еще «как кладовую пищи», т. е. только как территорию. Однако и территориальная форма присвоения земли сложилась далеко не сразу. Пока стада формирующихся людей охотились, главным образом, на малоподвижных животных,—отношение коллектива к территории, на которой производилась такая охота, мало чем отличалось от животного отношения к среде обитания. Изменение условий охоты, вызванное распространением быстрых стадных животных, обусловило необходимость перекочевок первобытных коллективов. Вначале перекочевки носили эпизодический характер и захватывали все новые территории, а по мере роста населения принимали форму перекочевок в пределах определенного района и осуществлялись по определенному годичному кругу в зависимости от сезона охоты. В подобных перекочевках возникало и складывалось отношение коллектива к территории, территориальная форма присвоения земли. Она была не чем иным как **пользованием**, так как выражала собой временное территориальное использование земли в качестве лагерной стоянки (стойбища) и места присвоения жизненных средств. Но если в качестве отношения коллектива к объективным условиям труда присвоение земли, как территории, принимало **территориальную форму пользования**, то в качестве отношения между людьми по поводу территории, такое присвоение являлось **родовой собственностью на землю.** Каждый индивид, входя в родовую общину и пользуясь родовой территорией для соучастия в охоте, относился вместе с тем к земле как к собственности

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч. I, стр. 482—483.

рода, которую он обязывался защищать и отстаивать от посягательств со стороны других коллективов. Таким образом, присвоение земли, как территории, получало двоякую форму проявления: а) пользования, т. е. отношения членов коллектива к объективным условиям их труда; б) собственности, т. е. отношения членов коллектива друг к другу по поводу территории, а затем и к другим коллективам, в процессе присвоения жизненных средств. В пользовании **реализовалась** собственность, а в собственности **закреплялось и гарантировалось** пользование. Этим однако не исчерпывались взаимосвязь и взаимозависимость отношений пользования и собственности. Отношения собственности как бы субъективировали территориальную форму присвоения земли: превращали известную территорию в район присвоения жизненных средств **данной** общины. В отношениях же пользования территориальная форма присвоения земли объективировалась конкретными условиями производства **данного** района. Если район обитания коллектива был богат животными, то отношения пользования территорией выражались в форме охоты, если же он изобиловал рыбой,—пользование осуществлялось в форме рыболовства; при наличии питательных растений имело место собирательство и т. д. Иными словами, отношения пользования объективировались условиями производства в качестве естественно определенных отношений—охотников, рыболовов, собирателей растений и т. п. Но в этой естественной определенности подобные отношения представали ограниченными: а) **качественно**—зачаточной формой половозрастного разделения труда, связанного с присвоением готовых продуктов природы; б) **количественно**—определенной численностью коллектива, необходимой для того, чтобы такое разделение труда обеспечить. Отношения людей к объективным условиям производства, принимая ограниченную форму половозрастного разделения труда, могли соответствовать лишь ограниченному количественному соотношению между людьми, составлявшему родовой коллектив. Только находясь друг к другу в определенном количественном соотношении, члены коллектива получали возможность относиться к своей родовой территории как к коллективной собственности. Выход коллектива за известные количественные пределы означал изменение отношений собственности и мог быть осуществим лишь на основе изменения отношений людей к объективным условиям их труда.

Весь анализ становления производственных отношений и отношений собственности в том числе свидетельствует о том, что в стадах прогрессивных неандертальцев формировалось общество и что оно сложилось вместе с возникновением готового человека. Поскольку здесь человек современного физического типа уже сложился как производительная сила, а люди установили между собой первоначальные производственные отношения, постольку общество сформировавшихся людей можно в известном, но крайне ограниченном смысле, считать готовым обществом. Ю. И. Семенов исчерпывает этим определение общества готовых людей.[1] Ф. Энгельс однако, хотя и подчеркивает, что с появлением готового человека возникло общество, тем не менее намеренно не называет последнее готовым, а всего лишь «новым элементом».[2] Готовому человеку первоначально соответствовало общество в его элементарной форме, т. е. такое общество, которому еще предстояло раскрыть свои возможности к поступательному развитию и определенным образом проявить себя в качестве общности прогрессивного или застойного типа. Если для стадной общности мерилом прогрессивности служило формирование в ней человека современного физического типа на основе регулирования обмена веществ, то для сложившегося общества его способность к саморазвитию определялась переходом от присвоения трудом готовых жизненных средств к их производству. Объясняется это тем, что на основе охоты удовлетворение растущей общественной потребности не имело под собой достаточно устойчивой экономической базы. Охота, как и рыболовство, хотя и позволяла присваивать значительный прибавочный продукт в отдельные периоды и в отдельных пунктах, не создавала таковой. Вот почему К. Маркс особо отмечал, что «народы, занимающиеся исключительно охотой и рыболовством, находятся вне того пункта, откуда начинается действительное развитие».[3] Не выходя за пределы сферы присвоения готовых жизненных средств, общество в конце-концов завершало свое формирование как общество застойного типа. И лишь приобщая труд к соучастию с природой в

---

[1] См. Ю. И. Семенов. Возникновение и основные этапы развития труда (в связи с проблемой становления человеческого общества). «Ученые записки Красноярского госпединститута», т. VI, вып. 2, 1956, стр. 214; Ю. И. Семенов. Возникновение общественных отношений. Сб. «У истоков человечества», изд. МГУ, М., 1964, стр. 312—314; Ю. И. Семенов. Как возникло человечество, М., 1966, стр. 30—33.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 490.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 733.

производстве продуктов, необходимых для поддержания жизни, общество вставало на путь исторического развития. Таким образом, наделение готового общества чертами прогрессивного типа обусловлено вступлением труда в высшую фазу развития, когда он начинал не только опосредовать и как-то регулировать, но и в известной мере контролировать обмен веществ между человеком и природой.

В заключение подведем некоторые итоги:

1. Только в условиях нарастания коренных изменений в природной среде, вызванных переходом от доледникового к ледниковому ее состоянию, мог совершиться коренной перелом в развитии животного мира. Подобный перелом вызывался тем, что некоторые стада обезьян, оказавшись в измененной среде обитания, вставали перед необходимостью совершить переход к присвоению мясной пищи. А поскольку природа не приспособила для этого их органы тела, постольку наиболее жизнеспособная часть антропоидов вынуждалась использовать в процессе присвоения нового вида пищи определенные предметы, удлинявшие передние конечности животных. Так зарождался процесс опосредованного присвоения пищи, который являлся не чем иным, как зарождавшимся процессом труда и который вовлекал антропоидов в процесс антропогенеза.

2. В своем развитии процесс труда прошел три ступени или фазы развития: опосредования, регулирования и контролирования обмена веществ между человеком, выделяющимся из животного мира, и природой.

3. Двум первым фазам в становлении процесса труда соответствовали два периода в едином скачке, каковым является антропогенез и социогенез. Пока труд лишь опосредовал обмен веществ на основе производимых орудий, процесс антропо-и социогенеза развертывался как процесс формирования людей и вместе с тем общества внутри стада прогрессивных неандертальцев. Переход процесса труда в фазу регулирования обмена веществ привел к завершению становления человека современного физического типа и общества в его элементарной форме.

4. Наделение готового общества способностью к историческому развитию, т. е. чертами прогрессивного типа, обусловлено вступлением труда в высшую фазу развития — осуществления контроля за обменом веществ между человеком и природой.

И. З. ДЕРКАЧЕВ.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ XVIII ВЕКА

Основоположником русской материалистической философии считается, как известно, М. В. Ломоносов. Обобщая опыт естественных наук, виднейшим представителем которых был он сам, Ломоносов приходил к выводу о единстве и материальности мира, о первичности бытия, вторичности сознания и т. д.

Распространение идей русской материалистической философии после Ломоносова, обусловливавшееся развитием промышленности, в первую очередь, и обострением классовой борьбы, вызывавшейся усилением эксплуатации народа господствующими классами, а также достижениями естественных наук, не оставлявших сомнения в единстве и материальности мира, бесспорно. Вопрос о персоналии русских материалистов, действовавших после Ломоносова, остается пока недостаточно разработанным.

По мнению одних исследователей, это были просветители так называемого демократического лагеря второй половины века — Д. С. Аничков, С. Е. Десницкий, Я. П. Козельский и т. д. Именно они и только они, как думают исследователи, «с материалистических позиций решали вопросы теории познания, подвергая при этом острой критике разного рода идеалистические теории крепостников и религиозно-мистические идеи масонов».[1]

[1] Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР в 2 томах. Т. 1. М., изд. АН СССР, 1955, стр. 229.

Продолжателем философского дела Ломоносова, по смыслу другой точки зрения, был А. Н. Радищев. Сообщая обстоятельные сведения о европейской материалистической философии 18—19 столетий, авторы «Основ марксистской философии», к примеру, утверждают, что если развитие материалистической философии было связано впервые действительно с именем Ломоносова, то «после Ломоносова материалистические идеи в России в конце 18 в. развивал А. Н. Радищев».[1]

Фронт русской материалистической философии в XVIII веке был в действительности шире, мощнее и солиднее, нежели это представляется до сих пор. В отличие от ряда других европейских стран, где были сильны традиции идеалистической философии, в России последняя не привлекала внимания общественности. Хотя и заявляла о себе неоднократно. Что же касается материалистической философии, она увлекала не только собственно философов, но и людей науки, и писателей, и демократов, и прогрессивных дворянских идеологов, не менее решительно заявлявших о предпочтительности материалистических понятий о мире.

Материалистическая философия утверждалась в XVIII веке во Франции по преимуществу. Французские просветители «наделяли» ее, по словам Энгельса, тем остроумием, «плотью и кровью, красноречием», благодаря которым она приобретала значение теории освободительного движения народов, выступавших против феодализма. Вполне естественно, что одним из критериев, по которому можно было судить о философских позициях русских просветителей, следует считать их отношение к французскому материализму XVIII века.

Материалы, опубликованные советскими исследователями, убеждают в том, что философские учения вообще, учения французских просветителей 18 века, в частности, были не только известны русскому читателю, но и признавались им как нечто несомненное и полезное для решения вопросов русской общественной жизни.

Просветители следили тогда уже за развитием философской мысли Запада и Востока, но предпочитали иметь дело с философскими учениями французских просветителей, главным образом. Я. П. Козельский, изучавший английскую, немецкую, датскую, индийскую философию, писал: «Из всех

---

[1] Основы марксистской философии. М., Государственное издательство политической литературы, 1959, стр. 67.

философов нашел я только четырех человек, а именно: господ Руссо, Монтескиу, Гельвеция и некоторого анонима...»[1]

На русский язык тогда переводились сочинения многих зарубежных философов, даже египетских, китайских и т. д. По преимуществу переводились все-таки именно французские авторы. В 1763 г. были напечатаны «Переводы из Энциклопедии». В подготовке к печати «Переводов» принимали участие М. Херасков, А. Шувалов, А. Нарышкин, А. Нартов, А. Барсов, Н. Трубецкой и др.

Несколько позднее на русском языке появились основные сочинения Руссо: «Рассуждение, удостоенное награждения от академии Дижонской». (1768 г.) и «Новая Элоиза» (1768 г.).

В 1770 году появились на русском языке «Письма к народу» французского просветителя Томаса в переводе С. Нарышкина, а в 1772 году—«Разговоры Фокиановы» Мабли. Следует согласиться с тем, наконец, что, благодаря усилиям дворянской интеллигенции, у нас в 60 годы достаточно хорошо знали сочинения Гельвеция. Знали и ценили, как величайшего философа XVIII века.

Первая публикация Гельвеция состоялась в 1763 году в «Невинном упражнении», где, по инициативе Е. Дашковой были напечатаны под заглавием «Об источнике страстей» шесть глав книги «Об уме». Известно, что во Франции эта книга была сожжена по распоряжению французских властей.

В 1772 году на русском языке появилось сочинение французского просветителя Сорена «Душа друга моего Гельвеция». Написанное по случаю смерти французского философа, это сочинение популярно объясняло его философские позиции. Гельвецию ставилось в заслугу разоблачение «тиранской власти» и пороков светского общества. Переводчиком этого небольшого сочинения был князь С. В. Нарышкин — депутат Комиссии Уложения. Выражая свое отношение к Гельвецию, Нарышкин писал в примечаниях к тексту: «Качества разума и сердца сего мужа сотворят память его на века любезною ученому свету».

Небезынтересно также и отношение российской дворянской интеллигенции ко второй книге Гельвеция «О человеке», углублявшей основные идеи предыдущей книги. Гельвеций не успел ее напечатать. Рукопись книги была продана родствен-

---

[1] Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. I. М., Гос. изд. политической литературы, 1952, стр. 418.

никами князю Д. А. Голицыну, бывшему в 70-е годы посланником в Голландии. В 1773 году Голицын дал ее прочитать Дидро. Дидро нашел ее спорной и недостаточно убедительной. Свое отношение к ней он выразил в пространной статье «Систематическое опровержение книги Гельвеция «Человек».

Голицын был другого мнения о рукописи. Он ухватился за нее, как за выдающееся сочинение философской мысли. С рукописью был ознакомлен вице-канцлер князь А. М. Голицын, который, восхищаясь ею, писал: «Сочинение сие кажется имеющим огромную занимательность столько же по важности предметов, о коих идут в нем рассуждения, как и по славе сочинителя».[1]

Вице-канцлер счел возможным напечатать рукопись, и, чтобы предупредить возможные недоразумения, посвятить ее императрице Екатерине, о чем и не замедлил просить ее князь Д. А. Голицын. Екатерина отказала в просьбе. На письме князя она начертала: «Запрещаю посвящение; и нет мне дела ни до печатания, ни до подлинной рукописи».[2]

Европейское просвещение, особенно французское, привлекало внимание русского читателя разнообразными достижениями. В первую очередь попыткой выявления и обоснования некоторых существенных сторон развития капиталистического общества. Во всех областях знания европейское просвещение показывало «появление основных законов в кажущемся хаосе явлений». Прежде всего законов экономической жизни общества, представлявшихся тогда несомненными и незыблемыми.

В статье «Еще одно уничтожение социализма» В. И. Ленин писал, что историками и философами конца XVIII—начала XIX века был открыт закон классового деления общества и классовой борьбы. Ими же развивался диалектический метод. Развивался и применялся или начинал применяться к общественной жизни.[3]

Размышляя по поводу того, как скоро гениальное открытие становится достоянием науки, представленной в общем-то далеко не гениальными людьми, Гельвеций писал: «Это постоянное превращение гениальных открытий в научные положения заставляло меня часто подозревать, что в природе все подготовляется и приходит само собой. Возможно, что со-

---

[1] «Русский вестник», 1876, май, стр. 287.
[2] Там же, стр. 288.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 49.

вершенство искусств и наук является делом не столько гения, сколько времени и необходимости. Единообразный процесс наук во всех странах подтверждает эту точку зрения. Действительно, если у всех народов, как замечает Юм, начинают хорошо писать прозой лишь после того, как хорошо пишут стихами, то в столь постоянном продвижении человеческого разума мне представлялось бы возможным видеть результат некоторой общей и скрытой причины».[1]

Одним из таких объективных законов действительности является, с точки зрения Гельвеция, закон о зависимости привычек, характеров, явлений духа вообще от внешней среды. Все с большей определенностью обнаруживалось со временем, что разум не только причина, но также и следствие обстоятельств.

Убежденным пропагандистом учения о среде был Дидро. Касаясь вопроса о «первоисточнике основных идей, нашего поведения и взглядов», он писал, что наблюдающиеся различия в памяти, в привычках, обычаях и т. д. зависят от внешней среды. «Разница в образе жизни и разнообразие событий достаточны, чтобы внести различия в наши взгляды».[2]

От внешней среды зависели, по мнению философа, даже те идеи, которые как будто бы не имели ничего общего с нею. Указывая на затруднения, возникающие при конкретном исследовании зависимости от среды возвышенной идеи, Дидро писал: «Знаю только одно: так тесно связана она с установившимся образом жизни поэта и художника, что не могла возникнуть ни минуты раньше или позже, и нелепо было бы предполагать, что точно такой же могла бы она возникнуть у другого существа, в иной жизненной обстановке, при ином порядке вещей».[3]

Научное определение среды не разрабатывалось просветителями. Вполне очевидно, тем не менее, что, говоря о среде, они имели в виду все то, что внеположно человеку. И не только общественный строй, государственность и крепостное право, обращавшие на себя внимание в первую очередь, но также и материальные условия жизни вообще, производственные отношения, а затем уже и те социальные образования, которые создавались людьми на базе производственных отношений.

---

[1] Гельвеций. О человеке. М., Госполитиздат, 1938, стр. 133—134.

[2] Дени Дидро. Собрание сочинений. Т. 5. М., «Академия», 1936, стр. 433.

[3] Там же. Т. 6. М., «Академия», 1936, стр. 477.

Характеризуя философские теории Гельвеция и Гольбаха, теорию полезности, в частности, усердно разрабатываемую ими, Маркс и Энгельс писали в «Святом семействе», что в этой теории выражалось «желание свести все отношения к отношениям эксплоатации, уяснить общение людей из их материальных потребностей и способов их удовлетворения».[1]

Выяснение характера общественных отношений в общем все-таки не удавалось Гельвецию и Гольбаху. Общественные отношения выводились ими не из экономической жизни общества, а из вечных начал нравственности, во все времена неизменной будто бы и для всех времен обязательной. Поэтому применительно к общественной жизни они оставались идеалистами.

Постановка вопроса о характере общественных отношений имела тем не менее самое благодетельное влияние на просветительские теории. Она способствовала сближению Просвещения с действительностью.

Положение усугублялось тем, что французские материалисты оказались непоследовательными в отношении к среде. Дидро был убежден в том, что характер человека зависит не только от среды, но в значительной степени также и от собственной природы. В предисловии к «Отцу семейства» он писал: «В природе человека сочетаются два противоположных начала: самолюбие, приковывающее нас к самим себе; и доброжелательство, связывающее нас с людьми. Если одна из этих пружин сломается, человек становится либо злым, либо великодушным до безумия».

Эти два начала природы человека ощущаются везде и во всем. Первое проявляется в виде порока, второе — в виде добродетели. «Порок и добродетель всегда ведут в нас свою глухую работу. Ни одной минуты они не остаются в бездействии. Они постоянно подкапываются под нас».[2]

В известной работе «О драматической литературе», опубликованной в том же 1757 году, что и «Отец семейства», к этому добавляется, что, изучая природу человека, писатель не должен забывать и о внешней среде, воздействующей на последнего. Пусть писатель будет «философом, пусть заглянет в самого себя, пусть увидит там человеческую при-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. Т. I. М., «Искусство», 1957, стр. 388.

[2] Дени Дидро. Избранные произведения. М., Госполитиздат, 1951, стр. 146—147.

роду, пусть глубоко изучит общественные условия, пусть узнает, как следует их назначение и вес, их выгоды и преимущества».[1]

Уточняя свои мысли о влиянии внешней среды в переписке 1767 года, Дидро продолжает утверждать, что среда не только совершенствует, но и искажает то, «что природа создала совершенным», что, испытывая на себе влияние среды, все живые существа «все более и более удаляются от истины, от первоначального образца». Дидро, одним словом, совершенно был убежден в том, что «наипрекрасным, наисовершенным образцом мужчины или женщины были бы те мужчины или женщины, которым в высшей степени свойственны все жизненные функции, и которые достигли возраста самого полного своего развития, не выполняя ни одной из этих функций».[2]

Обращая внимание на непоследовательность просветителей в отношении к среде, Энгельс справедливо писал, что человеческий характер является, с точки зрения просветителей, «продуктом, с одной стороны, его природной организации, а с другой — условий, окружающих человека в течение всей жизни, а в особенности в период его развития».[3]

Характеризуя крепостное право в России, где оно особенно «долго держалось и приняло наиболее грубые формы», Ленин писал, что здесь «оно ничем не отличалось от рабства».[4]

Вполне естественно, что в России интерес к среде проявлялся с большей определенностью, чем на Западе. Во второй половине XVIII века о среде рассуждали русские просветители всех оттенков и направлений. Прежде всего, представители гуманитарных наук. Обсуждение вопроса о среде начиналось с теоретического исследования явлений человеческого сознания в их зависимости от жизненных обстоятельств.

Д. С. Аничковым, С. Е. Десницким, Я. П. Козельским и другими просветителями, в том числе и теми, которые не отличались серьезной философской подготовкой, пропагандировались идеи материалистической философии Локка. Д. С.

---

[1] Дени Дидро. Избранные произведения. М., Госполитиздат, 1951, стр. 188.

[2] Дени Дидро. Собрание сочинений. Т. 6. М., «Академия», 1936, стр. 270—271.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. М., Огиз, 1949, стр. 115.

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 70.

Аничков доказывал, что идеи не наследуются, а приобретаются. «Опыт довольно научает нас, — писал он, — что мы на сей земной шар вступаем, не имея еще никакого ни о чем понятия, а потом постепенно снискиваем идеи вещей телесных, от которых уже наконец отвлекаем понятия вещей бестелесных, т. е.: ум наш по врожденной себе способности невидимые вещи познает от видимых, от особенных вещей отвлекает всеобщие понятия, о будущем рассуждает из настоящего и из бытия вещественных сущих понимает о невещественных».[1]

С. Е. Десницкий доказывал, что законодательство прошлых эпох обуславливалось существенным образом жизненными обстоятельствами, а законодательство современной России следовало приводить в соответствие с положением дел в стране в настоящее время. Формы семьи, с точки зрения Десницкого, изменялись в зависимости от образа жизни людей и т. д.

Я. П. Козельский утверждал, что преступления возникали не только на почве невежества, как принято было думать в просветительской среде, но в значительной мере в результате несовершенства общественной жизни. Общество, как он думал, является «само причиной и поводом чрез худые свои учреждения, законы и обычаи к преступлению своего гражданина».[2]

Придерживаясь старой просветительской истины, по смыслу которой природа человека есть нечто изначальное и неизменное, Козельский соглашался с тем, в то же время, что она целиком формируется обстоятельствами быта народного. «Из опытов довольно известно, — писал он, — что обычаи как особенные в одном человеке, так и общие в целом народе столь сильны, что составляют как в одном, так и в другом почти новую их натуру».[3]

Та же, если еще не большая склонность к материалистическому пониманию соотношения среды и человека, имела место в литературной среде. В предисловии к сочинениям Бэкона, появившихся впервые на русском языке в 1762 году, Тредиаковский обратил внимание на то, что они привлекли внимание не столько своей умозрительностью, характерной для исследователей XVII века, сколько целеустремленным исследованием вещного мира, реальной человеческой жизни.

---

[1] Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. Гос. изд. политической литературы, 1952, стр. 136.

[2] Там же, стр. 491.

[3] Там же, стр. 525.

Тредиаковский одним из первых и едва ли не раньше, чем это было сделано во Франции, пришел к заключению о зависимости нравов и понятий от труда, от образа жизни, жизненных обстоятельств вообще. С этой точки зрения им рассматривался и идеализировался характер сельского жителя. «Деревенская жизнь, — писал он, — ведет человека к справедливости, к воздержанности, к трезвости, к искренности, словом, ко всем добродетелям». Деревня, по мнению Тредиаковского, хранит человека, «как в закрытии, от всех волнующихся и кипящих страстей, содержа в ограде должности и повседневного труда, оставляющего ему мало праздности».[1]

Исключительное значение в этом смысле имели некоторые философские статьи Сумарокова. Упреждая Аничкова и не имея еще никакого представления о работах Дидро и Гельвеция, он еще в 1759 году обратил внимание на материалистическое учение Локка о зависимости понятий человека от внешнего мира. В статье «О разумении человека, по мнению Локка» он утверждал, повторяя мысли английского ученого, что врожденных идей не бывает, что все понятия «въясняются в разум» чувствами, что «рассуждение, кроме данных ему чувствами, никаких оснований не имеет». Разум, по мнению Сумарокова, вообще «ничему не учит, чувства то делают. Все движение души от них. Что холодно, что горячо, разум ли сказывает». Разум есть не что иное, как только «содержатель воображений, порученных ему чувствами».

Почти одновременно с тем, как это делалось во Франции и во всяком случае независимо от французских просветителей, Сумароков писал, что чувственным происхождением следует объяснять не только ощущения внешнего мира — ощущение холода, тепла и т. д. — но и нравственные идеи, такие, к примеру, как желание счастья, совесть и т. д.

Самое удивительное заключалось в том, что эти замечательные выводы переносились Сумароковым на общественную жизнь. Сумароков писал, что общественное положение определяет духовный мир человека. Социальные воззрения оказывались в зависимости особенно от имущественного положения. Богатство «особливо снисканное неправдою», разрушает добродетель, порождает пороки. «Бедность угнетает

[1] Сочинения Тредиаковского. Т. 1. Санкт-Петербург, 1849, стр. 722.

сердца и истребляет из них любочестие, огорчает мысли, омрачает разум, здравие разрушает, отъемлет способность нашу действовати честно, а иногда и во отчаяние приводит, которое ввергает их в безумство. Алчущий, жаждущий, как унывающий и болящий, хотя и чувствует добродетель, но воображает ее слабо».[1]

Можно ли допустить после этого, чтобы среда не вошла в литературу, не сделалась ее важнейшим предметом и содержанием? Просветительская литература XVIII века стремилась к органической слиянности с просветительской теорией. В этом заключается ее специфика, в частности. Найденные теоретиками истины немедленно переносились в художественную практику. Другое дело, что среда не только воспроизводилась сама по себе, но часто существовала в виде авторского размышления о мире. Характерно в этом отношении «Письмо ко князю А. М. Голицыну» Сумарокова. Напомнив здесь о том, что луга и нивы должны были бы быть вообще источником добродетели и любви к ближнему, автор говорит далее, что в действительности луга и нивы превращаются «всяк час во ад», становятся источником страдания людей, имеющих дело с ними. Ни блаженства, ни правды там нет. «На нивах, на лугах неправда обитает». Земля поэтому остается необработанной, зерно не собранным. Не цветы на лугах — «репейник там растет».

Существует неправда и в городах «Покою нет нигде — ни в поле, ни во граде». «Во граде» неравенство имуществ: с одной стороны, богатство, роскошь, излишество, с другой — контрастирующая богатству бедность. Богатство разрушает нравственность, приучает к праздности, порождает зависть, хитрость, скупость. Богатый человек утрачивает человеческий облик: не спит, не ест, не пьет, о деньгах только мыслит. Богатство разъединяет людей, убивает гражданские чувства, отрывает от общества: на что родится человек, если он не оказывает услуг обществу —

Когда проводит он во тунеядстве век?
Он член ли общества? Моя на это справка,
Внесенная во протокол:
Не член он тела — бородавка;
Не древо в роще он, но иссушенный кол,
Не человек, но вол,

[1] Цитирую по книге «Н. И. Новиков и его современники. Избранные сочинения. М., изд. АН СССР, 1961, стр. 330—340».

Которого не жарят
И бог то ведает, за что его боярят.[1]

В жизни вообще господствует дисгармония, противоречия. Жизнь не устроена. Даже государственность. Существующая государственность не сглаживает, а обостряет эту неустроенность. Законодательство, на которсе, кажется можно было бы положиться честному человеку, оказывается бессильным, а то и порочным.

Кричат: «Закон, закон».
Но исправляется каким порядком он?
Одна хранится форма
Подъячим для прокорма.[2]

М. Херасков, о котором принято говорить как о писателе, возглавлявшем литературное направление, не заинтересованное в общественной жизни, размышлял большей частью о несовершенстве современности. Уже в своих «Новых одах» он резко отрицательно высказался о современниках, неверно относившихся к просвещению. Последнее использовалось большей частью в целях обогащения, в целях эксплуатации. Имея в виду, по всей вероятности, фабрикантов, главным образом, а отчасти, конечно, и помещиков, перестраивавших хозяйство на новый лад, он писал:

Кто малые доходы
От разума имеет,
Великие доходы
С невинных брать умеет.[3]

Просвещение, с другой стороны, сосуществовало с невежеством. Ученые презирали неученых, повиновались своим страстям, кичились пороками. Просвещение в одном случае ценили, говорили о его необходимости и целесообразности; в другом случае им явно пренебрегали, предпочитали ему невежество. Складывалось впечатление, что разум не нужен.

На что потребуется разум?
Я вижу, что безумных
Разумными считают;

---

[1] А. П. Сумароков. Избранные произведения. Л., «Советский писатель», 1957, стр. 228—229.
[2] Там же, стр. 301.
[3] М. Херасков. Избранные произведения. Л., «Советский писатель», 1961, стр. 85.

Людей, бесстыдством шумных,
За острых почитают.[1]

Подлинным источником бедствий человеческих является, по мнению Хераскова, злато: «и зависть и обманы, и злоба, и разбой, оттоле истекают». То, что разрушается нравственность, чистое представление относительно обязанностей человека по отношению к ближним и т. д. — все это происходит от злата:

Тому причина злато,
Что многи человеки
Друг друга крови жаждут,
Что разумы и чести
Почти всеместно страждут.
И кажется, что злато
Свет солнца помрачило
И ложными лучами
Всех смертных ослепило.[2]

Идея внешней среды внедрялась в русскую философию в основном после разгрома восстания Пугачева, несколько поколебавшего веру в Просвещение. Осваивалась она поэтому сравнительно медленно, не без сопротивления того груза метафизических представлений о природе человека, который продолжал тяготеть над русской философией и тормозить ее развитие. Круг сторонников этой идеи, несмотря на это, становился со временем все более широким. К ним примыкали во многих случаях даже такие непоследовательные и противоречивые мыслители, как А. Петров, А. Кутузов и т. д.

В статье «О противоречиях в человеческой природе», опубликованной в восьмой части «Утреннего света», видимо удовлетворявшей решением вопроса Новикова, Петров утверждал, что тело человека происходит «из семечки, в котором оно уже во всех своих частях в малом виде изображено» Питание, выступающее с детских лет в роли внешней среды, искажает этот рисунок. «Некоторая сила без сомнения стремится дать его внутреннему и наружному составу высочайшее совершенство, сходственное с его природой; но питающая материя, которая никогда так не приготовляется, как тому быть должно, препятствует ей своей неподвижностью и уничтожает некоторую часть ее действия. Она не допускает

[1] М. Херасков. Избранные произведения. Л., «Советский писатель», 1961, стр. 87.
[2] Там же.

тварь достигнуть своего совершенства, которое стремится ей дать творящая сила».[1]

Почти одновременно с этим и в том же духе примерно высказывается по этому вопросу А. М. Кутузов. «Причина наших приключений, — пишет он, — основание свое имеет или в распоряжении вселенные, или в нас самих, или в других нам подобных; судьбу свою с ее причинами предвидеть, значит видеть, чем природа или учреждения вселенные, чем мы сами нашими делами и поступками, или чем другие люди нашему удовольствию или пагубе споспешествуют».[2]

Среда, как она представляется Петрову и Кутузову, это вообще обстоятельства жизни, создаваемые нами самими или окружающими нас людьми. Интересно указание Кутузова на общественную деятельность, как на элемент среды, оказывающий влияние на других и обратное влияние на общественного деятеля.

Несколько позднее обращается внимание на то, что сознание людей определяется в большинстве случаев материальными условиями жизни. В ряде работ об этом писал сначала М. Щербатов, а потом А. Нартов. В «Повествовании человеческого разума» Нартов писал: «Нужды народа имеют издавна, как то подлинно опыт научает, великое влияние на разум его. Чем множество нужд больше увеличивается, тем более возрастает он, и с ущербом и тотчас умаляется».[3]

В ряде работ 1780 года («Нравоучение как практическое наставление», опубликованные отрывки из сочинений Бэкона, некоторые программные статьи «Московского ежемесячного издания» и т. д.), влияние среды признается как фактор безусловный и положительный. В «Нравоучительных правилах», перекликающихся со статьей Новикова «Нравоучение как практическое наставление», говорилось буквально следующее: «Люди поправляются, исправляют нравы обыкновенным между собою обращением, так как льдины округливаются и бывают гладкими, бившись одна с одною».[4]

Сопоставляя разные по силе факторы внешней среды формирующие добродетель, Новиков пишет: «Все может служить

---

[1] «Утренний свет», ч. 8. М., Университетская типография, 1780, стр. 38—40.

[2] Санкт-Петербургский вестник, ч. 5. СПБ, 1778, Вольная типография Шнорре, стр. 11.

[3] Опыт трудов вольного российского собрания, ч. 6. Изд. Московского университета, 1782, стр. 86.

[4] «Утренний свет», ч. 9. М., Университетская типография, 1780, стр. 91.

добродетели». Не только разум «читаемых нами авторов» как принято думать, но и «вкус посещаемых нами приятелей, отеческие законы и все то, что мы слышим, входит в наши нравы, получают и они вид тех предметов, которые нас окружают».[1]

Не отвергая пользы сочинений, как источника знания, Новиков теперь требует от них связи с общественной практикой «Нравственное сочинение, которое не основывается над действиями человеческими, — пишет он, — есть бесполезно». Бесполезно и то, кстати сказать, нравственное сочинение, которое черпает знание нравов «только в изучении самих себя», и то, которое взято «в школах у таких людей, которые по своему состоянию не могут знать светской науки». Такие далекие от жизни нравоучения вызывают только смех. Они «уподобляются восторгу стихотворцев, весьма способному увеселять воображение».[2]

Признание влияния среды на человека натыкалось на изживавшие себя, но далеко еще не изжитые метафизические представления о человеке, природа которого являлась будто бы неизменной. В «Утреннем свете» оспаривалось значение среды для формирования характера. Один из авторов этого журнала тщился убедить читателя в том, что душа человека изолирована от влияний каких бы то ни было и «пребывает всегда одинакова». «Благосостояние нашей души зависит не столько от внешних обстоятельств, в которых она находится, как паче от ея собственного нравственного свойства. Она может в самом низком состоянии показывать свою знаменитость, в тесных узах рабства иметь вольность»...[3] и т. д.

В «Рассуждении счастливой жизни Сенеки», если не самим Новиковым написанном, то автором, близким ему по духу, говорилось о том, что так как люди «наподобие овец», ходят по протоуренным дорогам, то они тем самым обрекают себя на подражание, приобщаются к злу, утрачивают все то, что получают от рождения.[4]

Если наша цель — благо, то мы должны преодолевать влияние среды. «Когда дело идет о благополучии жизни, то

---

[1] «Утренний свет», ч. 9, стр. 240.

[2] Там же, стр. 342—345.

[3] Опыт трудов вольного российского собрания, ч. 8. Университетская типография, 1783, стр. 324.

[4] «Утренний свет», издание 2, ч. 2. М., Университетская типография, 1779, стр. 231—232.

не надлежит мне отвечать, как в сенате: здесь большинство голосов; ибо сие самое доказывает противное жизни сеи».[1]

Не среда, а собственная природа человека должна быть принята за источник мудрости. Не к среде поэтому надо «прилепляться», решая те или иные вопросы, а к природе, «яко производительнице всех наших действий; истинная мудрость состоит в том, чтобы от нее никогда не удаляться, но во всем следовать закону и примеру ея» Одним словом, «чтобы быть счастливым, надлежит согласоваться со своей природой».[2]

Одна из программных статей Новикова («О достоянии человека в отношениях к богу и миру») целиком посвящена решению вопроса о человеке и среде. Основной тезис статьи таков: как «все вещества в мире таким образом друг с другом соединены, как реки с океаном, которые попеременно свои воды друг другу сообщают», так точно и люди, связанные друг с другом, сообщают свои мысли, оказывают друг другу помощь и т. д. Обмениваясь мыслями, люди, однако остаются сами собою. Природа человека не изменяется.[3]

Постановка вопроса о среде и о человеке побуждала к решению некоторых других вопросов и прежде всего вопроса о роли и значении чувства, как простейшей реакции живого существа на раздражение внешнего мира. Проблема чувства привлекала внимание многих мыслителей XVIII века. Преодолевая философские традиции предшественников, по смыслу которых человек представлялся как мыслящее существо по преимуществу, просветители XVIII века относились к человеку, как к существу чувствующему, решавшему вопросы при помощи чувства, приобретавшему знания о мире опытным путем. Совершенно естественно, что новая философская проблема не находила некоторое время надлежащего научного понимания. В общем она, однако, являлась проблемой целесообразной и преисполненной смысла.

Наиболее последовательным мыслителем в этом отношении был в XVIII веке Гельвеций. Осмысливая проблему влияния среды на человека, этот мыслитель пришел к выводу, что под влиянием среды у человека возникает в основном два типа переживаний: чувство удовольствия (наслаждения) и чувство страдания. На этой основе Гельвецием создается

[1] «Утренний свет», издание 2, ч. 1. М., Университетская типография, 1777, стр. 233.

[2] Там же, ч. 1, стр. 233.

[3] Там же, ч. 1, стр. 288.

учение о физической чувствительности человека, реагирующего по своему на каждое воздействие среды.

Придавая исключительное значение физической чувствительности, Гельвеций утверждает, что явления интеллекта возникают в конечном счете в результате превращения под влиянием среды чувств удовольствия и страдания. Задача философа заключалась поэтому в том, чтобы «проследить превращение физических страданий и удовольствий в страдания и удовольствия искусственные и доказать, что в таких нравственных явлениях как скупость, честолюбие, гордость и дружба, предмет которых кажется наименее принадлежащим к чувственным удовольствиям, мы все же избегаем или ищем физическое удовольствие или страдание».[1]

Отсюда вытекают, по крайней мере, два вывода. Первый вывод: если реакция на воздействие внешней среды проявляется в основном в чувстве удовольствия или страдания, то человек вправе предпочитать страданию удовольствие. Человек вправе говорить о любви к себе. Таким образом, естественно, возникает теория себялюбия, ранее посрамлявшаяся и противопоставлявшаяся теории гуманизма.

Физическая чувствительность и себялюбие рассматривались в конце концов как принципы современной социологии, определявшие дух и букву современной государственности. Ориентируясь на человеческую чувствительность, правители народов должны были приводить в соответствие с нею государственное законодательство. Просветительский идеализм тут был вполне очевиден.

Помня о том, что благополучие человека зависит также и от общества в значительной степени, Гельвеций пытается согласовать интересы личности с интересами общества и государства. Делается им это очень просто. Согласование личных и общественных интересов осуществляется при условии воспитания человека в духе добродетели. Так как человек — существо чувствующее, обязанное своими страстями физической чувствительности, то источником добродетели (или порока) могли быть страсти и только страсти.

Чтобы понять причины душевных движений, в равной степени ценных в отношении социальности, надо знать, «что люди не бывают движимы только одного рода чувством,

---

[1] Гельвеций. Об уме. М., Госполитиздат, 1938, стр. 185.

что нет ни одного человека, душевная способность которого была бы поглощена одной единственной страстью; что в каждом человеке борются различные страсти; одни согласные с общим интересом; другие — противные ему, и потому человека притягивают две различные силы, из которых одна приводит к добродетели, другая — к пороку».

Но так как из всех страстей выделяется обычно страсть сильнейшая, господствующая над другими и определяющая характер человека, то задача заключается в облагораживании именно этой страсти. Дело не в том, чтобы подавлять страсти, а в том, чтобы воздействовать на них вообще в целях их совершенствования и воспитания добродетельного человека, умеющего согласовывать свои личные интересы с интересами общими. «Добродетельный человек не тот, кто жертвует своими привычками и самыми сильными страстями ради общего интереса — такой человек невозможен — а тот, чья сильная страсть до такой степени согласуется с общими интересами, что он почти всегда принужден быть добродетельным».[1]

Общественная мораль таким образом является, с точки зрения Гельвеция, следствием физической чувствительности человека. «Чувственные впечатления, себялюбие, наслаждение и правильно понятый личный интерес составляют основу всей морали».[2]

Материалистическое учение о духовной сущности человека, утверждавшее, в частности, право на «удовольствие», не могло остаться незамеченным в России. Не могло не восприниматься как учение научно обоснованное. Естественно, что русскими просветителями оно переносилось на русскую почву. В России благодаря этому отчасти утверждался материализм. Проблема чувства тем не менее разрабатывалась у нас в своем собственном ключе. И, пожалуй, в общем вернее, чем на Западе. В России больше обращалось внимание не на страсти сами по себе, обусловливавшие решение социальных вопросов, а на роль чувства в познании внешнего мира.

В России, как и на Западе, признавалось опытное знание, т. е. знание, источником которого были чувства. «Чувства наши, — писал, например, Д. С. Аничков,—по справедливости считаются вратами, чрез которые виды, от внешних

---

[1] Гельвеций. Об уме. М., Госполитиздат, 1938, стр. 212—213.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. Т. 1. М., «Искусство», 1957, стр. 381.

вещей отвлеченные, входят в нашу душу, откуда потом происходит всякое знание».[1]

Русскими просветителями принималась западная теория чувственного происхождения идеи. На страницах «Невинного упражнения» печаталась из номера в номер большая статья «Об источнике страстей», представлявшая собою перевод 9—14 глав третьего «Рассуждения «Об уме», где шла речь о происхождении страстей высшего порядка. В статье говорилось о том, что такие страсти, как тщеславие, скупость, честолюбие и т. д. являются видоизмененной формой удовольствия или страха перед возможным страданием. Скупость «происходит от безумного страха быть бедным и восчувствовать к оной привязанные печали».[2] Стремление к чинам происходит «в рассуждение того, что почитают сии знаки чести толмачами, изъясняющими людям его свободу и власть, которою он может сделать многих из них щастливыми и нещастными по своей воле».[3] Стремление к известности и славе «происходит от того, что великости превращаются в имение. В рассуждение сего стараются об оных с тем большей горячностью, что могут нам дать более власти над людьми и принести нам следственно больше прибытка».[4]

Эта точка зрения отражалась и в оригинальных статьях. Бескорыстие, по мнению авторов некоторых из них, возникает на почве того желания, в частности, «с которым мы изыскиваем совершенствование нашего существа». Причиной великодушия, например, является предвкушаемое удовольствие, на которое мы рассчитываем, от сознания того, что мы станем в результате лучше. «Если бы человек великодушный не считал такое действие способом к его совершенству, он бы его не приводил; если б не любил своего совершенства, он не старался б его приращать делами отменными».

Теория чувственного происхождения идеи тем не менее не удовлетворяла русских просветителей. Сумароков утверждал, что нравственные идеи образуются большей частью в результате восприятия правил морали, уже признанных об-

---

[1] Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. I. Государственное издательство политической литературы, 1952, стр. 143.

[2] «Невинное упражнение», М., Университетская типография, 1763, стр. 63.

[3] Там же, стр. 138—139.

[4] Там же, стр. 140.

ществом, и существующих законов политики. «Не естеством, но моралью и политикой склонны мы к добродетели». Первый источник при этом понимается как «премудрость божества и вечного устава, покоющегося на неколебимой славе».[1] Второй — как премудрость человечества, имеющая в виду пользу человека.

Д. С. Аничков не вполне доверял показаниям органов чувств. Вещи, как он думал, не всегда «имеют такое свойство, какими оные на первый случай представляют нам чувства». Роль чувства ограничивается большей частью восприятием материала действительности, который обрабатывается затем разумом, в результате чего образуются **понятия** о вещах. Решающую роль в познании вещей играют не чувства, а понятия, «помощию которых можем мы отделять от вещей все то, что в оных случайным токмо образом находится».[2]

Известное признание в России находило учение Гельвеция о физической чувствительности и о праве человека на удовольствие и наслаждение. Некоторые из наших просветителей думали, повторяя Гельвеция, что «любление самого себя есть главный подвиг, управляющий смыслами», что любовь к себе «доводит до превозможения лености или природной унылости», склоняющей людей к покою, «и побуждает к усилению, включенному в действие». В. Золотницкий был убежден в том, что «без этого главного подвига не было бы никакого способа привести в движение и учредить действие».[3]

Утверждалось в отдельных случаях, что любовь к себе является источником любви к другим, способствуя тем самым естественному решению социальных вопросов. «Любовь к самому себе, — писал Н. Поповский, — любовь к другим есть та же и разделяться не может; и чем кто искреннее самого себя любит, тем больше должен стараться о пользе и целости всего общества».[4]

Однако в целом любовь к себе осуждалась самым решительным образом. С точки зрения просветителей демократического лагеря, она являлась источником бедствий и не-

---

[1] «Невинное упражнение», М., Университетская типография, 1763, стр. 81.

[2] Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. I. Государственное издательство политической литературы, 1952, стр. 146, 147.

[3] В. Золотницкий. Состояние человеческой жизни. СПБ, 1763, стр. 13.

[4] Опыт о человеке господина Поппэ. 1755. Предисловие, стр. 7.

справедливости. Вот что писал о ней Я. П. Козельский: «К несчастью рода человеческого и к крайнему об нем сожалению, самолюбие, неумеренное самолюбие, — тиран человеческого разума и начальник всех его пороков и несчастий, повелевает ему оставлять другие честные дороги и добродетельные средства к приобретению своего благополучия, а заставляет его иметь прибежище к оружию, полагать мнимое свое благополучие и в несчастьи и разорении своих близких и на развалинах их созидать свою пышность до тех пор, пока дойдет и до сих наглецов очередь претерпевать такие же несчастья от других».[1]

Признавая, что благополучие общества может быть достигнуто на путях сочетания «особенной пользы каждого человека с общею пользою всех», утверждая таким образом интересы отдельной личности, право ее на любовь к себе и т. д., Я. П. Козельский все же считает, что последняя по своей природе исключает любовь к другим. Благополучие общества может быть в том случае достигнуто, когда людям будут «преподаны истинные правила, прямо ведущие к добронравию», когда люди поймут, что надо «иметь страсть ко всякому добру и не поступать в том по самолюбию».[2]

Д. С. Аничков называл себялюбие «непорядочным» чувством, препятствовавшим познанию мира. Кто заражен «непорядочной» любовью к самому себе, тот не может, по его мнению, «ни рассуждать справедливо, ни умствовать правильно, но обо всяком деле по своим токмо пристрастиям и прихотям рассуждают, хотя истина совсем независимо от оных почитается».[3]

Примерно в том же духе рассуждают и дворянские идеологи. Сумароков утверждает, что так как общество цементируется любовью к другим, а не любовью к себе, то любовь к себе должна рассматриваться как недостаток нравственности, заслуживавший решительного осуждения. «Человек рождается ради себя к добру, — пишет он, — а ради другого человека и ради всякого другого животного к худу. Каждое дышащее вредоносно другому дышащему в своем и в чужом роде; ибо не только твари тварей чужеродных, но и своеродных погубляют, и что все твари друг другу и во

---

[1] Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. I. М., Госполитиздат, 1952, стр. 621.

[2] Там же, стр. 530.

[3] Там же, стр. 157.

всем и в чужом роде к худу рождаются, в том нас ежедневные опыты уверяют».

Противоречат ли этому наличие общих интересов и общей пользы людей? Достигается ли последняя в результате взаимных уступок и ограничений себялюбия? Нисколько. «Общая польза не ослабляет сего доказательства: в ней имеет каждый свой собственный прибыток. Во всех сообществах как у человека, так и у других тварей согласие от собственного и участного своего прибыточества утверждено, а не от любви к подобной себе твари. Дружимся и любимся мы ради самих себя. Другого любим, любя себя, ненавидим — ненавидя его. Все наши действия происходят от любви к себе и от ненависти к другому».[1]

Себялюбие — чувство антиобщественное, обрекающее людей на пассивное существование в сфере узкого мира страстей. Себялюбцев, с его точки зрения, надо лишать сочувствия общества. Тот, кто «только единого себя любит, недостоин любви другого». Их следовало бы даже как-то изолировать, ограничивать с ними общение или может быть даже изгонять из отечества, как то делалось некогда в Афинах, где было «установлено», что когда республика разделится и афинянин не пристанет ни к какой части, «оного выгнать из отечества».

Человек должен жить не для себя, а для других. Собственное благополучие человека достигается не на путях эгоистического удовлетворения своих потребностей, а на путях удовлетворения потребностей общества. Человеку тогда бывает хорошо, когда хорошо обществу. Честный человек поэтому должен активно воздействовать на среду с целью ее совершенствования. Первое дело честного человека заключается в оказании помощи ближнему: «ежели кто может какую ближнему сделать услугу и не делает; ежели кто кого может утешить и не утешает или не посещает по болезни, не может называться честным человеком. Мы живем ради того, чтобы славили бога и взаимно друг другу помогали. А кто себя лишь помнит и не печется о других, оный есть враг не только ближнего, но и божий».[2]

Те же мысли, но излагаемые в теоретическом аспекте, встречаются в сочинениях В. Золотницкого. Рассматривая положение человека в современном обществе, где «никакого

[1] Полное собрание сочинений Сумарокова. Изд. 2-е, ч. 10. М., Университетская типография, 1782, стр. 32.

[2] Там же, ч. 6, стр. 84.

равенства между людьми больше не осталось», Золотницкий противопоставляет ему «натуральное состояние» человека в глубокой древности, обеспечивающее «свободу и равенство между всеми». Благополучие этого «натурального» состояния, проистекало, по его мнению, из духа содружества людей: «что одному свойственно, то и каждому приличествует; кто что в рассуждение другого должен делать, тому взаимно другой в том же должен соответствовать; кто чего себе желает, то же самое и другому должен приписывать, как его собственное».[1]

В. Золотницкий понимает, что единственным источником благоденствия является общение и содружество. Как бы кому не хотелось жить вне общества, вне зависимости от него, уединение немыслимая вещь. Предоставленный самому себе, человек погибнет или уподобится зверю. Обстоятельства и задачи дальнейшего совершенствования «человеческого состояния требует взаимного между собою вспомоществования».

Но если «без помощи других» человек не может быть счастлив, «то должен он других любить, поелику они суть средства его щастья». Тот, кто не может этого делать, должен рассматриваться, как враг человечества. «Тот делает против человечества и погрешает против собственной своей любви, кто других ненавидит». Одним словом, «Мы должны иметь любовь и почтение к обществу».[2]

Будучи мыслящим существом, человек, по мнению Дидро, не может оставаться нейтральным по отношению к среде. «За исключением математических вопросов, которые не допускают ни малейшего колебания, во всех остальных уместны **за** и **против** и никогда нет между ними равновесия; невозможно допустить, чтобы весы, на которых вы взвешиваете **за** и **против**, не склонялись в ту сторону, где, по вашим предположениям, больше вероятия».[3]

Точка зрения человека, однако, должна быть мотивирована, оправдана и подтверждена данными Просвещения. В противном случае она не будет иметь смысла. И вот тут возникают, по мнению Дидро, необыкновенные трудности.

---

[1] Сокращение естественного права, собранное из разных авторов для пользы российского общества. В. Золотницкий. М., 1764, стр. 6—7.

[2] Состояние человеческой жизни. В. Золотницкий. СПБ, 1763, стр. 23—24.

[3] Дени Дидро. Собрание сочинений. Т. I. М., «Академия», 1935, стр. 381.

Дело в том, что мыслящие люди не свободны в своей деятельности. У них есть «свои деспоты, без разрешения которых нельзя ни появляться публично, ни завоевывать успех».[1] Умственная деятельность нужна народу, но она тогда приносит пользу, когда находит поддержку сильных мира. Прогресс науки и искусства зависит от поддержки, от похвал, почестей, вознаграждения. «Точно так же, как и законодательство, которое без инициативы и поддержки государей вообще невозможно». Дидро при этом подчеркивает, что «всякий другой стимул играет в этом отношении кратковременную роль».[2] Создается впечатление, что реальной исторической силой, приводившей в движение народы, являлось в конечном счете не просвещение, а просвещенный монарх. Просвещение, следовательно, должно было действовать через монарха, хотя оно и могло обращаться непосредственно к народу.

Это явно скептическое отношение просветителя к просвещению наблюдается и у Гельвеция. Широкие массы народа, с точки зрения Гельвеция, могли бы, если бы они были приобщены к просвещению, самостоятельно решать вопросы, без поддержки просвещенного народа не в силах был бы принимать серьезных решений и сам просвещенный монарх. Для народа, следовательно, стоило писать книги.

Реальная историческая сила прогресса, однако, это государственная власть. Просвещение выполняет свое назначение только в том случае, если находит поддержку у государства. Вот как это обосновывается Гельвецием: «Силу истины непрестанно славят, между тем эта столь прославленная сила бесплодна, если она не оплодотворена интересами государя... Мнение, говорят, правит миром. Бывают обстоятельства, когда несомненно общее мнение правит даже государями. Но что общего имеет этот факт с вопросом о силе истины? Доказывает ли он, что почти все вопросы морали и политики решаются силой, а не разумом, и что если мнение правит миром, то в конечном счете сильные мира правят мнением».[3]

Ну, а если государи преследуют просвещение, как это случилось во Франции во второй половине XVIII века? Влияние деспотического королевского правительства Франции этого времени было так велико и пагубно, что французская

---

[1] Дени Дидро. Собрание сочинений. Том 9, стр. 438.

[2] Там же, стр. 433.

[3] Дени Дидро. Собрание сочинений. Том 9, стр. 338.

нация, успешно приобщавшаяся к просвещению незадолго перед этим, резко изменилась к худшему. Французская нация теперь — это «опустившаяся нация», презираемая другими народами.

В этой связи делается любопытная оценка воспитательных возможностей просвещения. Последнее может оказать и оказывает влияние на общество, но не всегда. «У каждого народа бывают такие моменты, когда граждане не зная, чью сторону принять и колеблясь между хорошим и дурным правительством, испытывают жажду просвещения; когда умы, так сказать разрыхленные и подготовленные, представляют почву, легко впитывающую в себя росу истины. Пусть в такой момент появится хорошее произведение, — оно сможет произвести благодатные реформы. Но достаточно упустить момент, как граждане, став уже нечувствительными к зову славы, непреодолимо будут увлечены формой своего правления в сторону невежества и отупения. Когда умы представляют собою как бы натвердевшую почву, вода истины падает на нее, течет по ней, но не оплодотворяет ее. Таково состояние Франции. С каждым днем здесь все меньше будут придавать значения просвещению, ибо с каждым днем оно будет здесь становиться все меньше полезным; оно будет просвещать французов относительно пагубности деспотизма, не доставляя им средств избавиться от него».[1]

Отсюда следует, что воздействие на общество возможно лишь в условиях просвещенной монархии. В иные времена просвещение обрекается на бездействие. В лучшем случае — на черновую работу.

Если задача воздействия на среду осложнялась отсутствием поддержки со стороны просвещенного монарха, то задача воздействия на человека оказывалась вовсе бесплодной вследствие того, что природные данные последнего являлись большей частью врожденными и, следовательно, стойкими. Обличая пороки, сатирики забывали о том, по мнению Гельвеция, что люди, как правило, неповинны были в причиняемом зле. «Умный человек знает, — писал Гельвеций, — что люди таковы, какими они должны быть, что всякая ненависть к ним несправедлива, что дурак делает глупости, подобно тому, как дикое дерево приносит горькие плоды; нападать на него — все равно, что упрекать дуб за то, что он дает желуди, а не оливки, и если посредственный человек

---

[1] Гельвеций. О человеке. М., Госполитиздат, 1938, стр. 2—3.

кажется ему глупцом, то сам он кажется тому сумасшедшим. К недостаткам человека надо быть снисходительным. Можно говорить о них, но без злобы, без злорадства, следует его пожалеть, поздравить себя с более счастливыми природными данными, возблагодарить небо, не давшее нам влечений и страстей, которые бы заставили нас искать счастья в несчастье других людей».[1]

Выражая свое отношение к сатирической литературе XVIII века, Гельвеций писал, что блестящий успех сатирических романов, высмеивающих «смешные стороны вельмож», объясняется всего навсего ненавистью низшего к высшему. «Природа, которая запечатлела во всех сердцах чувство первоначального равенства, заложила вечный зародыш ненависти между знатными и незнатными людьми; поэтому эти последние схватывают с большим недовольством и проницательностью самые тонкие черты смешных картин, на которых эти знатные люди изображены незаслуживающими своего привилегированного положения».[2]

Успех сатирического романа, тем не менее, по разным причинам не бывает продолжительным. Одна из них та, что «злоба простонародья устает от созерцания одних и тех же смешных сторон и ищет в новых недостатках новых мотивов для оправдания своего презрения к знатным людям. Проявляемое им в этом отношении нетерпение ускоряет упадок интереса к этого рода произведениям, известность которых часто скоротечнее тех смешных недостатков, которые они описывают».[3]

Нисколько не сомневаясь в этом, Гельвеций противопоставляет сатирические сочинения сочинениям по этике и метафизике, которые пользовались, по его мнению «более широким признанием» у публики и которые, следовательно, могли оказаться более полезными в смысле воздействия на общество.

Подобная непоследовательность в отношении к просвещению и к такому грозному его оружию, как сатира, не наблюдалась в России, за отдельными исключениями. Не наблюдалась даже после восстания Пугачева, когда Просвещение само по себе могло восприниматься, как нечто опасное для общественного строя.

Для просветителей этой исторической поры было совер-

[1] Гельвеций. Об уме. М., Госполитиздат, 1938, стр. 34.

[2] Там же, стр. 109.

[3] Там же, стр. 34.

шенно ясно, что Просвещение пока еще не справлялось с задачами, на него возлагаемыми. Оно еще не устраняло «народных браней», не оказывало достаточного влияния на законодательство, на быт и нравы людей и т. д. Но оно уже в известной степени смягчало нравы людей, благодаря чему человеколюбие торжествует в свершении законодательства, в области юриспруденции и даже в «самом жару брани». Нравы современной эпохи, одним словом, сделались столь мягкими, что не идут ни в какое сравнение «со нравами, с законами времен непросвещенных, в кои не власть, но сила всем действовала и располагала».[1]

Законы просвещения еще пока не сделались нормой государственной жизни. Но состояние государства и его жизнеспособность целиком зависят уже от просвещения. «Сияние наук везде было соразмеримо со славою государства. В Египте, в Персии, в Греции, в Риме лучи славы смешивались с лучами мудрости».[2]

Падение наук, наоборот, пренебрежительное отношение к ним со стороны властей, тем более препятствия, чинимые им с их стороны, все это является непосредственной причиной падения государств. Варвары овладели Римом тогда, «когда красноречие не возбуждало, поэзия не награждала, философия не подкрепляла граждан, умствование народное не было заражено спасительными мнениями чести, достоинства и славы своего отечества».[3]

В этом же духе высказывались тогда и сотрудники журналов Новикова. Так, Тургенев был убежден в том, что «основательное изучение свободных наук имеет великое действие над сердцами и нравами нашими в общей жизни».[4] Надо было добиваться того, следовательно, чтобы свободные науки проникали буквально во все области жизни.

«Дух учения яко верный наш спутник, — писал он, — последует за нами во всякое состояние жизни нашей — в упражнениях домашних, в отправлении дел государственных и в подвигах воинских».[5]

Литературный редактор названных журналов А. М. Кутузов рекомендовал молодежи учение, как единственно при-

---

[1] «Академические известия», ч. 1. СПБ, Акад. наук, 1779, стр. 21.
[2] Там же, стр. 5.
[3] Там же, стр. 55.
[4] «Московское ежемесячное издание», ч. 2. М., Университетская типография, 1780, стр. 297.
[5] Там же, стр. 502.

емлемый способ подготовки к отправлению гражданских обязанностей, совершенствования природных способностей, «дабы способствовать через то собственному нашему счастью и благу общественному»[1]

Свободные науки, следовательно, нужно было нести в массы. Это должны были делать, во-первых, их популяризаторы, журналисты, поэты; во-вторых, сами ученые. Кабинетные ученые, работавшие «для показания своей учености», равнодушно взиравшие на окружавшее их невежество, решительно осуждались Тургеневым и Кутузовым, как анахронизм старых времен, ничем не оправданный в XVIII веке.

Совершенно естественно, что просветители были заинтересованы в создании условий для просветительской деятельности. Именно дворянские просветители главным образом настаивали на своем праве «вольно мыслить», обмениваться мнениями, обсуждать вопросы и т. д. С удивительным упорством они доказывали, что просветительство должно быть независимо от церкви, от догматов священного писания. Последнее не должно быть вмешиваемо в «философические прения», потому что философия и священное писание «между собою разного рода и никакого сходства не имеют». Предмет священного писания — вера; предмет науки — опытное знание. «Здесь только должно испытать то, что мы сами собой знать можем».[2]

Не следует, во-вторых, вмешивать в дела науки авторитет правителей. Хорошо мыслит тот, кто «вольно мыслит». А вольно мыслить можно лишь там, где «не владычествует суеверие... служители не присматривают шпионскими глазами» за учеными, где монарх «не подвержен тайным заговорам против просвещения».[3]

Возлагая надежды на Просвещение, просветители России впервые в истории просветительского движения начинают сомневаться в его результативности. Убеждаясь в том, что союз просвещения и самодержавия становится невозможным на деле, они постепенно приходили к выводу, что просветительская деятельность не исключает протеста против несправедливости, отпора властям, борьбы с насильниками.

Первые заявления на этот счет были сделаны еще в 60-х годах. Депутат Комиссии Уложения В. Золотницкий писал

---

[1] «Московское ежемесячное издание», ч. 2, стр. 262.

[2] Опыт трудов вольного российского собрания, ч. 2. М., Университетская типография, 1778, стр. 195.

[3] Там же, ч. 4, стр. 239.

в 1764 году: «Когда все одного притесняют, то имеет он право их принудить к отвращению сеи обиды или совсем оставить общество. Напротив того, когда один наносит вред целому обществу, то все имеют право или отвратить от сего или совсем исключить из общества».[1]

Путь насилия в 70-х годах оправдывается в иных случаях идеологами самых различных социальных прослоек. Н. И. Панин, как это ни странно, допускал возможность пассивного сопротивления государству со стороны крепостного крестьянства. Высказываясь по поводу тайного перехода на нашу территорию польских крестьян, а на территорию Польши русских крестьян, причиной которого в том и в другом случае был произвол помещиков, он писал, что крестьяне вправе были «искать в другом месте спокойного пребывания», раз они «в своем обществе оного лишены».[2]

А. Нартовым допускалась борьба во имя свободы, с одной стороны, ужасная по своим последствиям, с другой — благоприятствующая успехам разума. «Тот пункт, — писал он, — где рабство и вольность друг другу противоборствовали, в истории человеческого разума весьма примечания достоин. Видели в нем почти во все времена возвышающихся людей с дарованием, кои времена свои прославили и кои потомство еще и поныне удивляют». Борьба способствовала, по его мнению, росту литературных дарований. «Посреди браней Гвелфов и Гебелинов писал Данте начертание людей и их страстей пылко и важно».[3]

Энергичные меры воздействия на среду допускались в некоторых случаях Фонвизиным. Пропагандируя вообще идею постепенного и мирного развития общества, в «Рассуждении о непременных государственных законах» он писал о праве человека на неповиновение властям, даже о праве на мщение.

Любопытна в этом отношении позиция Кутузова, зарекомендовавшего себя убежденным сторонником мирного развития общества. Не сомневаясь в целесообразности и эффективности просветительского воздействия на среду, Кутузов приходит в конце концов к выводу, что если среда так несовершенна, что не обеспечивает справедливости, порабо-

---

[1] Сокращение естественного права, выбранное из разных авторов, для пользы российского общества Владимиром Золотницким, 1764, стр. 47.

[2] «Русский архив», 1878, № 12, стр. 443.

[3] Опыт трудов вольного российского собрания. Ч. 6. М., Университетская типография. 1780, стр. 116, 117.

щает личность, ущемляет его интересы и т. д., то человек вправе встать на путь борьбы. Не следует забывать при этом, что на страницах «Утреннего света» подобные идеи не могли быть высказаны с такой определенностью, как в «Рассуждении о непременных государственных законах», не предназначавшихся к печати.

В первой части «Утреннего света» был напечатан «Федон» Мендельсона в переводе Кутузова. В «Федоне» говорилось, в частности, о том, что человек не имеет права противопоставлять себя обществу даже в том случае, если общество найдет нужным лишить его жизни, как то было с Сократом, который не сопротивлялся решению властей о предании смертной казни. Подвергнув сомнению эту мысль. Кутузов комментирует ее таким образом. Человек «обязан стараться о сохранении себя, о здравии, совершенстве своем, имеет право употреблять позволенные к тому средства, почему и может он удержать других, чтобы они в невинном исполнении права сего (права собственности — **И. Д.**) ему не препятствовали. Следовательно имеет он совершенное право требовать от каждого, чтобы его не обижали».

Если же все-таки с этим не посчитаются и станут обижать человека, то человек вправе будет пользоваться правом наказания или мщения. «Тягость наказания измеряется по обиде, а особенно по вероятности, что оное достаточно будет защитить от будущей обиды. Почему и смертные наказания бывают справедливы, ежели легчайшие к тому недостаточны. Ежели кто-нибудь в естественном состоянии разорит мою хижину, возмутит воду или бросит в меня камень, того имею я право наказать».[1]

Рассуждая о праве человека на «отвращение обиды», просветители имели в виду, конечно, конкретных обидчиков и едва ли не русскую императрицу прежде всего. Из текста «Рассуждения о непременных государственных законах» явствует, что обидчики — это большей частью люди, облеченные властью, действовавшие по так называемому праву сильного, самовольно присвоенному, потому что сила не может быть правом с точки зрения юридической. «Право деспота, — писал Фонвизин. — есть право сильного». Какое же это право? «И разбойник себе то же право присвояет. И кто не видит, что изречение право сильного выдумано в посмеяние.

---

[1] «Утренний свет», ч. I. СПБ, Университетская типография. 1774, стр. 174.

В здравом разуме сии два слова никогда вместе не встречаются. Сила принуждает, а право обязывает. Какое же то право, которому повинуются не по должности, а по нужде и которое в тот момент у силы исчезает, когда большая сила сгоняет ее с места».[1]

Несколькими годами раньше этого право силы оспаривалось Кутузовым. Удивительно, что полемическая фразеология Кутузова примерно та же самая, что у Фонвизина. Вот что он писал во втором примечании на «Федона»: «Право сильнейшего... не может разрешить никакого дела. Сила и право сутью, естеством их так различны, что как сила право, так и право силу произвести не может», потому что «на одной стороне право без обязанности, на другой должно решено быть силой, но сие есть бессмысленно».[2]

Просветители изменили бы собственным своим идеалам, если бы предпочли просветительской деятельности насилие. Но мысли о допустимости протеста против несправедливости были вполне достаточны для того, чтобы сохранить желание воздействовать на среду с целью ее совершенствования.

Само собой разумеется, что тут не обходилось без наивности и мечтательности. В упоминавшейся уже статье А. Петрова говорилось, в частности, о том, что так как среда есть фактор отрицательный, то задача заключается не столько может быть в ее совершенствовании, сколько в приспособлении к ней, как это происходит в природе. Известно, что если лен выращивается на одном и том же месте длительное время, то он теряет свою «доброту». Если же, наоборот, он выращивается ежегодно на разных участках, то он сохраняет свою «доброту». Дело в том, что разные участки земли обладают разными или даже противоположными свойствами. Один участок, благодаря этому, истребляет влияние другого участка, а «творческая сила» льна, присущая ему изначально, высвобождается, развивается сама по себе. Не находя более «никакой препоны» она «беспрепятственно приближает растение к его природному совершенству».

Для того, чтобы нейтрализовать отрицательное влияние пищи, надо разнообразить питание. Надо найти такую пищу, «которая бы его неспособности противоположными не-

---

[1] Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений в двух томах. Т. 2. М., Изд. худ. лит., 1959, стр. 262—263.

[2] «Утренний свет», ч. I. СПБ, Университетская типография, 1777, стр. 175.

способностями истребляла». Не отвергать вовсе, а изучать, совершенствовать, добиваться рациональности питания.

Те же самые пути вели к совершенствованию умственного развития. Узость умственного развития являлась следствием существования в одной и той же социальной среде. Для того, чтобы преодолеть это одностороннее влияние, надо общаться с людьми различных социальных прослоек, разной степени культуры. «Найдено, что люди, живущие в весьма узком круге, достигают чрез то особливости, которая часто бывает близка к странной отменности, и что напротив того обхождение с людьми всякого состояния, из разных земель и всякого рассуждения придает изящность нравов и распространяет понятия».

Мысль о перемене обстановки, как условия развития человека, наивна, конечно. Она могла придти в голову, как может показаться, только такому незрелому мыслителю, как А. Петров. Но ведь эта же самая мысль пропагандировалась в сущности и такими многоопытными философами, как Д. И. Фонвизин, Н. И. Новиков и др. Разве не эта же мысль увлекает Д. И. Фонвизина в письмах из второго заграничного путешествия?

Действительность русской исторической жизни не оставляла места для таких наивных иллюзий. Основная масса просветителей поэтому понимала, что задача заключается не в приспособлении к среде, а в ее совершенствовании и что это необычайной трудности дело может быть осуществлено независимо от того, будет или не будет способствовать его успеху самодержавие. В этом своеобразие русского просветительства, в отличие от французского.

Задача совершенствования среды разрешалась средствами различных частей Просвещения. Тяжесть этой ответственной работы тем не менее падала на просветительскую литературу, главным образом на сатирическую литературу.[1]

Исключительное внимание к сатире наблюдается в 40—50 годах XVIII века. Отношение к сатире, тем не менее, в это время еще не отличалось устойчивостью. Тот же Тредиаковский утверждал, что благоразумнее было бы не обличение, а предупреждение пороков, достигаемое путем создания нор-

---

[1] Следует выделить следующие работы о русской сатире XVIII века: Г. Макогоненко. «Н. И. Новиков и русское просвещение второй половины XVIII века» и «Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века» Л. И. Кулаковой.

мальной обстановки в обществе. Задача состояла в том, чтобы вести себя таким образом, «чтобы у других не придти в презрение и им бы за досаду от нас не омерзеть, но чтоб заживать себе приятелей и другов».[1]

В 60 годах укреплялся фронт Просвещения. В связи с этим росло убеждение в том, что исправление нравов людей достигается путем распространения знаний в обществе, что важнейшим, если не единственным орудием воздействия является не обличение, а нравоучение. Пороки должны были находиться, во всяком случае вне сферы обличения.

Пороки в некоторых случаях просто-напросто оправдывались, как нечто неизбежное. Известный сподвижник М. В. Ломоносова — Н. Поповский писал, что «мы не можем рассуждать, что добро, что худо», потому что то, что «худо для одного... полезно для целого союза мира». Наблюдая зло в обществе, мы должны были полагаться не на наши собственные умствования, а «на премудрый божеский промысел, который и самые нравственные наши недостатки обращает без сомнения в общую и повсеместную сего мира пользу».[2]

В том же духе примерно рассуждал князь Д. А. Голицын, убежденный последователь Дидро и Гельвеция. «Правило общее при правлении, — писал он, — зло всегда стоит рядом с добром, добро идет бок о бок со злом. За величайшими бедствиями следует полное благосостояние. Крестовые походы — бич, изобретенный честолюбием и видами политическими, поддержанный изуверством и суеверием, послужили основанием к учреждению здесь (в Европе — **И. Д.**) превосходные правления, ныне существующие. Нетерпимость поддерживает и заставляет производить торговлю».[3]

Зло тем не менее не оправдывалось в общем русскими просветителями. Просветители в общем относились к нему как к помехе, стоявшей на пути прогресса. Что касается просветительской литературной интеллигенции, то она находила целесообразным вести со злом систематическую борьбу. Естественно, что орудием этой борьбы должна была стать именно сатира. Основоположником и зачинателем этой сатиры были главным образом дворянские поэты 60-х годов,

---

[1] Сочинения Тредиаковского. Т. 1. Санкт-Петербург, 1849, стр. 530.

[2] Опыт о человеке г. Поппэ. Переведено с французского языка. АН корректором П. Поповским. Предисловие, 1755, стр. 5.

[3] Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 2. М., Государственное издательство политической литературы, 1952. стр. 9.

теоретически обосновавшие ее необходимость, высказавшие такие соображения в этом смысле, которые позволяют говорить об их оригинальности, обусловленной национальными историческими условиями нашей страны.

В отличие от европейских просветителей, предпочитавших сатире распространение знаний в обществе, русские просветители 60-х годов не преувеличивали значения разума и Просвещения. Несмотря на несомненные успехи Просвещения, массы людей, по мнению Сумарокова, оставались в общем невежественными и далеко недобродетельными. «Большей части людей думается, — писал он, — что свет час от часу разумней становится; другим думается, что он час от часу становится глупее; а я такое имею мнение, что самая малая часть рода человеческого час от часу разумнее становится, а остаток час от часу далее и далее в невежество заходит. А сколько становится глупее, столько умножается его высокомерие».[1]

В чрезвычайно содержательной статье «Некоторые статьи о добродетели», опубликованной в «Трудолюбивой пчеле», Сумароков писал, образно сопоставляя невежество и Просвещение, что если первое представляется в виде океана, валы которого беспрерывно бьются о берега, деформируя его очертания, второе напоминает скорее малый источник, шум которого пропадает в реве океанского прибоя. Легко придти к выводу при таком положении вещей, что Просвещение приносит «мало пользы», что административные меры, предпринимаемые властями против невежества оказываются значительно более действенными по сравнению с влиянием Просвещения.

Следовало ли отсюда, что на Просвещение не надо было рассчитывать в борьбе с невежеством, что от «проповедования» просветительских истин надо было отказаться, не удовлетворяясь его результатами? Проповедование просветительских истин являлось все-таки необходимым, с точки зрения Сумарокова. В случае, если бы от него отказывались люди, невежество усилилось бы еще более. Сама по себе проповедь истин тем не менее являлась недостаточной. Малейшее «противогласие» против них оказывается нередко эффективным. Логика проповеди опровергается, смысл ее не доходит до сознания человека и т. д. Не столько нравоучение, сколько

---

[1] Полное собрание сочинений Сумарокова, ч. 6. М., Университетская типография ,1782, стр. 317.

сатира. Сатира — это уничтожающая оценка пороков, ясно выраженное отрицательное отношение к ним. Сумароков говорил об этом неоднократно. Понимая, какой резонанс может вызвать обличение, как оно опасно для самого сатирика, он пишет:

Еще трудней того бездельство зря терпеть
И, видя ясно все, молчати и кипеть.
Доколе дряхлостью иль смертью не увяну,
Противу пороков я писати не перестану.[1]

Сатира была нужна народу, полезна, возможна в конечном счете. Обличая пороки, она в то же время открывала глаза на добродетель. Функция сатиры двойная: обличение и просвещение. Читатель должен был и будет, по всей вероятности, благодарен сатирику за науку:

Когда я истину народу возвещу
И несколько людей сатирой просвещу,
Так люди честные, мою зря миру службу,
Против бездельников ко мне умножат дружбу.
Невежество меня ничем не возмутит,
И росская меня Паллада защитит.[2]

У Сумарокова-сатирика нашлись, конечно, последователи, иногда вовсе незначительные писатели. Поклонник Кантемира, переводчик и автор множества сатирических стихотворений И. Барков писал, что хотя «нравоучительная философия и весьма ясно представляет нам пороки и добродетель, но не столь сильна она пременить склонности людей и привести их к воздержанию, как сатира. Сатира, изображающая их живо, может возбудить в сердцах человеческих отвращение от злонравия или паче омерзение к порокам».[3]

Объясняя свое пристрастие к сатире Филдинга, И. П. Елагин уверял читателей в том, что если романы, проповедующие добродетель, подобные романам Ричардсона, и полезны в некоторых отношениях потому хотя бы, что учат пристойно «располагать» наше поведение, познавать свет и т. д., то разве «не столько же есть в том необходимости, дабы проникнул свет во глубины пороков и во внутренность злого сердца, только бы представлены были они со всею свершен-

---

[1] А. П. Сумароков. Избранные произведения. Л., «Советский писатель», 1957, стр. 189.
[2] Там же, стр. 187.
[3] Сатиры Квинта Горация Флака. Предисловие, 1763.

ною их глупостью и безопасностью от возбуждения страстей в душах скудоумных».[1]

Предупреждая возможное недовольство сатирой Филдинга, переводчик «Приключений Иосифа Андревса» счел нужным сказать, что Филдинг не кто-нибудь, а знаменитый писатель, и что резкая критика недостатков английской общественной жизни воспринимается в самой Англии, как нечто естественное и заслуживающее внимания. В предисловии к роману говорилось: «Сочинитель сия (повести — **И. Д.**) г. Филдинг, знаменитый английский писатель, которого память не только у единоземцев его, но и по всей Европе пребывает в почтении. Повсюду писания его читаются с удовольствием, и великобританцы не только не негодовали на него за то, что недостатки своего отечества большей частью избирал он себе для упражнения пера своего, но почитали его еще своим благотворителем и добрым гражданином лондонским, о исправлении погрешностей их усердно пекущимся».

Ближайшими восприемниками сатирических традиций Сумарокова были Херасков и писатели, сотрудничавшие в его журналах — А. Ржевский, А. Нартов, С. Нарышкин, И. Богданович, В. Майков и т. д.

Пристрастие к сатире выразилось со всей очевидностью в многочисленных переводах сатирических произведений европейских авторов. В «Полезном увеселении» печатались сатирические очерки, взятые из английского «Зрителя», в переводе С. Домашнева. В это же время переводились на русский язык самые острые в политическом отношении комедии Вольтера: «Нескромный» в переводе П. Свистунова; «Шотландка» — в переводе А. Протасова; «Нанина» — в переводе И. Богдановича и т. д.

Характерна в этом отношении также и публикация на страницах «Невинного упражнения знаменитой поэмы Вольтера «На разрушение Лиссабона», разоблачавшей философские учения, оправдывавшие зло, как нечто неизбежное и предопределенное свыше».

* * *

Рассмотренный нами в настоящей статье материал при всей его философской недостаточности обязывает нас тем

---

[1] В. В. Сиповский. Из истории русского романа и повести. Ч. I СПБ, 1903, стр. 173.

не менее согласиться с тем, что в середине XVIII века в России получают распространение материалистические взгляды и что материалистическая линия была тогда представлена не одиночками-просветителями, как думают до сих пор некоторые наши исследователи, а многими мыслителями, в том числе и теми дворянскими просветителями, которые возглавляли тогда передовые литературные движения в стране.

Русскими просветителями, во всяком случае, не без успеха разрабатывались такие философские проблемы, как проблема среды и человека, проблема взаимодействия между ними, опытного познания действительности и т. д.

Ф. А. СИМ, М. И. СУШЕНЦЕВ

В. И. ЛЕНИН О ЛОГИКО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ КАТЕГОРИЙ ДИАЛЕКТИКИ

Проблема природы категорий занимает в философском наследии В. И. Ленина одно из центральных мест. Наряду с анализом отдельных категорий В. И. Ленин раскрывает их общую природу, освещая этот вопрос в неразрывной связи с критикой идеалистических взглядов на сущность категорий. В «Философских тетрадях» и в ряде других работ мы находим принципиальные положения и основные аспекты исследования данной проблемы, сохранившие свою актуальность и в настоящее время. В. И. Ленин дает характеристику каждой категории с точки зрения ее объективно-диалектического содержания и логико-гносеологической роли как определенной ступени и формы познания, последовательно рассматривая функциональные аспекты философских категорий через призму единства диалектики, логики, теории познания.

Специфика философского осознания мира всегда обуславливала связь общего понимания категорий с решением основного вопроса философии. Являются ли категории отражением в сознании человека свойств объективного мира или они представляют произвольные конструкции человеческого разума или самостоятельные идеальные сущности. На основе материалистических традиций в марксистской философии категории рассматриваются как узловые понятия, отражающие наиболее общие стороны, связи, отношения предметов и явлений объективного мира. Такое понимание позволяет раскрыть объективное содержание категорий, их диалектический характер и методологическое значение. Но если ограничиться этим пониманием, то остается в тени логико-гносеологическая природа категорий. В процессе мышления человек имеет дело не с материальными предметами, а с их мысленными отражениями. Категории должны рассматриваться не только как отражение объективных сторон и от-

ношений материального мира (объективных форм бытия), но и как отражение особенностей мышления, логико-гносеологических отношений, которые хотя в своей сущности и представляют аналог объективных закономерностей, имеют и свои различия. Например, человек создает в процессе мышления сложную цепь логических связей, которые в принципе не противоречат действительности, но и в такой форме не существуют в отношениях самих вещей. Если в анализе категорий мы будем исходить только из тождества объективной и субъективной диалектики, не учитывая моментов их различия, то при всем желании не сможем выйти за рамки онтологической трактовки. Категории представляют идеальное достояние субъекта, возникшее вследствие активной практической и познавательной деятельности. Поэтому их нужно рассматривать в единстве объективного и субъективного.

Гегель справедливо критиковал Канта за противопоставление форм мышления их содержанию, которое затрудняло объяснение объективной значимости, всеобщности и необходимости категорий, но, возражая против объявления категорий субъективными формами, Гегель впадал в другую крайность: он абсолютизировал их объективность на основе идеалистически понятого принципа тождества мышления и бытия.

Как указывали классики марксизма- ленинизма, объективная диалектика, отраженная в человеческом познании, принимает свойственную только человеческому сознанию форму. Субъективная диалектика лишь в общем и целом изоморфна объективной. «Логические понятия субъективны, — пишет В. И. Ленин, — пока остаются «абстрактными», в своей абстрактной форме, но **в то же время выражают и вещи в себе**»[1] (подчеркнуто нами). Вне этой субъективной особенности нет форм мышления, ибо познавательный процесс не мыслим без того, чтобы логически не разрывать моменты, стороны объекта и вновь не соединять, не абстрагировать, не обобщать, т. е. в дозволенной мере «огрублять» действительность. Лишь с помощью субъективных в своей оторванности, абстрактности понятий и категорий, но объективных в целом, в итоге, в тенденции, в источнике можно адекватно отражать окружающий мир.[2]

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 190.
[2] Там же.

В большинстве работ, исследующих категории, подчеркивается их объективность, что, разумеется, необходимо, но при этом обходится вопрос об их субъективности. В лучшем случае авторы ограничиваются ссылкой на известное общее положение, что понятия объективны по своему содержанию и субъективны по форме. Данная формула, правильно раскрывающая соотношение субъекта и объекта в целом, в применении к анализу природы категорий требует конкретизации. Если последовательно исходить из единства формы и содержания, то надо признать, что субъективная сторона формы тоже содержательна. Разумеется, различие субъективного и объективного сторон категорий относительно, «оно имеет свои границы».[1] Сведение субъективного в категориях лишь к форме связано, на наш взгляд, с тем, что логическая сторона мышления впервые получила описание в формальной логике. Правила формальной логики ошибочно рассматривались как бессодержательные формы, которые могли быть наполнены самым разнообразным содержанием.

Признать категории отражением всеобщих объективных связей и отношений — еще не значит раскрыть их специфику как форм мышления. Необходимо исследовать логико-гносеологическое содержание категорий, чтобы разобраться в том, каким образом категории, объективные в своем источнике, предстают в субъективном характере проявления. Ф. Энгельс подчеркивал, что теоретическое мышление как искусство оперировать понятиями, должно опираться на исследование природы самих категорий.[2] «История мысли с точки зрения развития и применения общих понятий и категорий логики — voilace qu'il faut! (вот, что нужно! -- ред.), — писал В. И. Ленин.[3] Как свидетельствует история философии, игнорирование логико-гносеологических особенностей категорий заставляет исследователей рассматривать их в так называемом онтологическом плане.

Логико-гносеологический аспект в рамках единства диалектики, логики и теории познания не игнорирует онтологическое содержание категорий, содержит его в себе в снятом виде. Выделение каких-то онтологических категорий, на первый взгляд, кажется, не лишено смысла с точки зрения борьбы с субъективизмом и априоризмом. В действительности же, наоборот, желание рассмотреть предмет независимо

[1] В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 29, стр. 90.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т 20, стр. 537—538.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 159.

от его познания в своей основе имеет кантианскую трактовку познания. Конечно, действительность представляет нечто «истинное», но как таковая она не является содержанием познания. Действительность представляет истину в закономерном отношении субъекта к объекту.

Домарксистские мыслители не понимали того обстоятельства, что соотношение субъекта и объекта опосредуется и проявляется через материальную деятельность, практику. Они видели контакт человека с природой лишь в созерцании. Понятия и категории возникают на основе взаимодействия человека с предметами и явлениями природы, в процессе которого вещи ставятся в определенные материальные отношения, обнаруживающие различные их свойства, в том числе и искомые. Лишь в процессе труда, изменяя природные тела, придавая им форму потребительной стоимости, человек открывает для себя способность вещей изменяться и другие свойства, т. е. познает мир. Объективная картина мира раскрывается не в созерцании, а посредством практической деятельности. Критикуя созерцательное решение вопроса взаимоотношения человека и природы, Энгельс неоднократно повторяет мысль, что «существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз **изменение природы человеком**, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу».[1] Человек имеет дело с реальностью, не как с абстрактным объектом, а с объектом, вовлеченным в сферу практической деятельности.

На основе практики человек раскрывает всеобщие формы существования и развития самих вещей. Эти всеобщие формы в сознании людей существуют в выделенном, «чистом», идеальном виде. В. И. Ленин называет практику «для себя бытием» понятия, имея в виду то обстоятельство, что в предметной деятельности понятие становится непосредственной реальностью. Практика позволяет теоретическому познанию брать объект в его необходимости, в его существенных отношениях, в противоречивом движении. «Человеческое понятие, — пишет В. И. Ленин, — эту объективную истину познания «окончательно» ухватывает, уловляет, овладевает ею лишь когда понятие становится «для себя бытием» в смысле практики».[2]

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 545.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 193

Поэтому логико-гносеологическая природа категорий не может правильно осознаваться без установления их связи с общественной практикой. Классики марксизма во многих случаях подчеркивали, какое значение имела производственная деятельность для образования понятий вообще и категорий в частности.

Категория практики позволяет понять диалектическое единство объективного и субъективного, мышления и бытия, преодолеть абстрактное их противопоставление. То главное, чем отличается марксистско-ленинская теория познания, заключается в том, что она, рассматривая субъект как активное начало, указывает объективную основу этой активности. В известном смысле субъект сам творит объект познания: практическая деятельность превращает реальный объект в человеческую объективность. В. И. Ленин, материалистически пересказывая Гегеля, пишет: «Это понятие (-человек) есть **стремление** реализовать себя, дать себе через себя самого объективность в объективном мире и осуществить (выполнить) себя». «В практической идее (в области практики),— продолжает В. И. Ленин, — это понятие, как действительное (действующее?) противостоит действительному».[1] Это противопоставление, разъясняет В. И. Ленин, проявляется в том, что практика встречает «затруднения в осуществлении цели», и человек стремится преодолеть эти затруднения тем, что изменяет действительность.

В процессе труда человек должен обеспечить такое взаимодействие вещей, которое отличалось бы определенностью, стройностью, последовательностью операций, ибо в труде осуществляется сознательная цель, которая, по словам Маркса, как закон, определяет способ и характер его действий. Эта особенность труда имеет важное значение для формирования всеобщих форм мышления (категорий). Системность, последовательность действий в трудовых процессах является основой закономерной логической связи мысли. Стройность и последовательность мышления человека определяется стройностью и последовательностью предметной деятельности. «Логика труда» явилась непосредственной основой логики мышления людей. В. И. Ленин дает классическое определение этого явления: «...Практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксио-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 194.

матический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения».[1] Исследования по психологии обнаруживают, что общая структура психологического отражения такова, какова общая структура предметной деятельности.[2]

«Логика труда» сама обуславливается «логикой вещей». Дело не только в том, что категории сложились на основе практики, но и в том, что сама практика обусловлена действительностью. Уже в том, что труд является прежде всего процессом, совершающимся между человеком и природой, заключается обусловленность труда. Весь процесс предметной деятельности с точки зрения цели, средства труда, организации труда, порождены и обусловлены объективным миром.

В. И. Ленин пишет в «Философских тетрадях», что цели лишь внешне кажутся субъективными, привносятся в мир человеком, а не зависят от объективного мира. «На деле, — говорит он, — цели человека порождены объективным миром и предполагают его,— находят его, как данное, наличное».[3] Он высоко оценивает стремление Гегеля подвести целесообразную деятельность под категории логики. «Когда Гегель старается — иногда даже: тщится и пыжится — подвести целесообразную деятельность человека под категории логики, говоря, что эта деятельность есть «заключение»..., что субъект (человек) играет роль такого-то «члена» в логической «фигуре» «заключения» и т. п.,— **то это не только натяжка, не только игра. Тут есть очень глубокое содержание, чисто материалистическое».**[4] Анализ движения понятий приводит Гегеля к выводу: необходимость целесообразной деятельности определяет неизбежность субъекта исследовать и отражать объективное. Объективно обусловленная субъективная деятельность (практика), направленная на объект определяет объективность содержания понятий и категорий познания. «Субъективность (или понятие) и объект — **то же суть и не то...».**[5] «От субъективного понятия и субъективной цели к объективной истине».[6]

И природа и целесообразная деятельность рассматривает-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 198.

[2] См.: А. Н. Леонтьев. Мышление. — «Вопросы философии», 1964, № 4, стр. 93; Понятие отражения и его значение для психологии. — «Вопросы философии», 1966, № 12.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 171.

[4] Там же, стр. 172.

[5] Там же, стр. 165.

[6] Там же, стр. 173.

ся В. И. Лениным как две формы объективного процесса. Такое понимание позволяет правильно раскрыть объективную природу категорий, их относительную самостоятельность. Не в созерцании, а в практике и через практику человек приходит к познанию объективного характера связей и отношений мира, закономерностей его развития. Это объясняется, во-первых, тем, что субъективная деятельность (практика) разносторонне обусловлена объективным миром. Во-вторых, познание неразрывно связано с практикой, неотделимо от нее. Поэтому В. И. Ленин, говоря о путях развития марксистской теории познания, многократно подчеркивает необходимость соединения познания и практики.

В категориальном аппарате мышления результаты практической деятельности принимают форму знания, не теряя при этом всеобщности и достоверности, характерных для практики. Категории и в гносеологическом и в логическом аспектах содержат моменты достоверности и всеобщности, как результат сложно-опосредствованного обобщения всей совокупной практики человека. В силу этого познавательный процесс в самом себе содержит момент проверки практикой, опосредованно контролируется практикой. В этом сила человеческого разума. Благодаря этому познание обладает активностью, самостоятельностью, не топчется на месте (на отдельных понятиях), а восходит к более сложным, адекватным понятиям, теориям. Разумеется, в конечном счете, результаты познавательного процесса вновь проверяются практикой, что составляет, если так можно выразиться, высший уровень проверки.

Таким образом, логические доказательства являются тем же практическим, но принявшим форму понятия. Приобретя логическую форму, форму знания, практика продолжает участвовать в познавательном процессе. Это очень важно для преодоления примитивного представления о сущности проверки практикой. Диалектический материализм отнюдь не считает, что каждый акт мышления непосредственно проверяется практикой. Реальный процесс мышления происходит на основе категориального аппарата мышления в форме логической цепи рассуждений, где лишь некоторые звенья и общий итог нуждаются в проверке путем выхода в практику.

Критерий практики является одним из существенных определений категорий, позволяет глубже понять активную

сущность мыслительного процесса, меру его самостоятельности.

Самостоятельность логического исследования определяется участием всеобщего содержания в процессах мышления. Общее будучи выделено из отношений реальных предметов, становится средством систематизации движения знаний. Энгельс считал категории всеобщего, особенного, единичного важнейшими определениями всего учения о понятиях. Их логическая сущность состоит в том, что по принципу отношения между общим и единичным в вещах строятся отношения между формами мышления. Не случайно В. И. Ленин дает глубокий и всесторонний анализ этим категориям в «Философских тетрадях».

Мышление предполагает возведение предмета во всеобщность, фиксирование особенностей по отношению к некоторой всеобщности и, в конечном счете, осознание предмета как определенной формы всеобщего. Чтобы познать сущность вещей, необходимо вскрыть их отношения в определенной системе вещей. Вещь в одной системе связей, как указывал В. И. Ленин, имеет одну сущность, в другой — другую сущность. Выяснить отношения, в которых находится вещь — значит, выяснить область всеобщего, мерой которого является данная вещь.

Фиксация общего содержания для данного круга предметов не существует без соотношения его с объемом понятия. Объем понятия входит в логическое содержание понятия и проявляется в родо-видовых связях. Для категорий диалектики этот момент логического содержания имеет громадное значение. Категории диалектики являются вершиной родо-видовых отношений. Они не имеют над собой родового понятия и фактически не ограничены в объеме. Этот факт определяет ту особенность, что настоящая предметная и мыслительная деятельность человека дают ему право применять эти категории во всех областях познания, а также онтогенетическое основание для переноса отражаемых в категориях логических приемов на свое мышление в прошлом и будущем.

Общее, зафиксированное в родо-видовой связи, служит основанием для логического утверждения или отрицания, используется как необходимое отношение для всех предметов, которые в дальнейшем могут подпасть под это общее. Даже в простых отношениях, которыми занимается формальная логика (тождество, противоречие, соподчинение) логи-

ческой основой является отношение между общим и единичным. «Общее понятие (категория) как форма мышления, — пишет А. И. Уемов, — представляет собой определенное отношение. Поэтому в качестве логических могут выступать любые отношения, поле которых шире области объектов, рассматриваемых в данной теории».[1]

Таким образом, логическая роль категорий диалектики определяется прежде всего тем, что в них заключено всеобщее содержание, представляющее отражение отношений вещей.

Родо-видовые отношения — это всеобщее, ограниченное особенным, и характеризует конечную область. Категории диалектики не просто всеобщие отношения, а всеобщие субстанциональные отношения. Поэтому всеобщность категорий выходит за рамки родо-видовых отношений. Действительностью субстанционального, всеобщего является не ограниченная область, а бесконечное многообразие универсума. Всеобщий, субстанциональный характер категорий позволяет подводить под них неограниченное количество единичных явлений, что делает их формами «бесконечного» мышления. В сферу познания человека попадают конечные вещи, но, располагая категориями диалектики, он познает бесконечное. «И в самом деле, — пишет Энгельс, — всякое действительное, исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность; заключается в том, что мы находим и констатируем бесконечное в конечном, вечное — в преходящем. Но форма всеобщности есть форма внутренней завершенности и тем самым бесконечности; она есть соединение многих конечных вещей в бесконечное».[2] В силу всеобщей взаимосвязи и причинной обусловленности между двумя любыми предметами существует бесконечный ряд других вещей и процессов. И для того, чтобы связать два факта, две вещи, мыслить общее между ними, казалось бы, мы должны расположить вещи в бесконечный ряд. Это сделать невозможно ни реально, ни мысленно. Но располагая формами бесконечности, категориями, нам удается мысленно связать эти вещи и определить существенные моменты этой конкретной связи. Категории играют роль логических форм потому, что отражают всеобщий способ бы-

---

[1] А. И. Уемов. Вещи, свойства и отношения. М., 1963, стр. 159.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 548—549.

тия конечных вещей в условиях субстанционального единства.

Все категории диалектики представляют различные формы всеобщности. Однако, логическое содержание характеризуется не только этим. **Качественная определенность содержания каждой категории делает их конкретными, всеобщими определениями мира.** Они носят всеобщий характер не **вообще, не безотносительно, а как отражение определенных** всеобщих сторон, связей, отношений движущегося мира. Вследствие этого логическая роль каждой категории, кроме тождественного момента, имеет и особенное. Например, будучи всеобщими и в то же время качественно определенными, категории противоречия, тождества противоположностей выступают логическими средствами для «перехода», «перелива» понятий. Отношения между понятиями, как указывал В. И. Ленин, есть «не только (1) **связь,** и связь неразрывная, всех понятий и суждений, но и (2) **переходы** одного в другое, и не только переходы, но и (3) **тождество противоположностей...».**[1] Всеобщее не может существовать вне движения в особенном не только в мире реальных процессов, но и в понятиях и категориях. Предельная всеобщность категорий имеет особенное ограничение как качественная определенность. Перелив, переход категорий имеет смысл лишь при наличии этой устойчивой определенности категорий.

Содержательный характер всеобщих форм бытия и мышления требует постановки вопроса о характере соотношения логического и гносеологического моментов в категориях. Каждая категория функционирует и как логическая форма и как некоторая сумма знаний. Эти стороны совмещены в содержании каждой категории и выделять их можно условно.

В гносеологическом аспекте категории представляют знания, истину. Они отражают качественно определенные всеобщие свойства, связи, отношения материального мира. Истина же есть процесс бесконечного приближения субъективно ограниченных представлений к объекту. «Совпадение мысли с объектом, — пишет В. И. Ленин, — есть **процесс:** мысль (-человек) не должна представлять себе истину в виде мертвого покоя, в виде простой картины (образа), бледного (тусклого), без стремления, без движения, точно гения, точно число, точно абстрактную мысль».[2]

Категории диалектики как род истины представляют сов-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 159.
[2] Там же, стр. 176—177.

падение мышления с предметом как с процессом движения по «логике предмета». И в силу того, что в категориях отражаются всеобщие стороны и отношения движущегося мира в целом, как истина (процесс) они одновременно отражают всеобщие закономерности мыслительного процесса. Каждая категория диалектики представляет такую истину, которая одновременно является выражением общей логической закономерности. С помощью категорий диалектики мышление вводит отражаемые предметы в «поле» всеобщего, познает их сущность. Эти особенности категорий демонстрируют совпадение логики и гносеологии.

Категория как истина не только процесс, но и некоторый результат, итог, относительно устойчивая определенность. К устойчивой, итоговой стороне относится сам ход развития содержания категорий, выражающееся во взаимосвязи, взаимопереходах сторон и представляющее закономерность мыслительного процесса. В некотором смысле содержание категорий диалектики имеет более статический характер, чем содержание категорий частных наук. Объясняется это тем, что они отражают всеобщие, существенные моменты бытия. Эта относительная устойчивость содержания категорий в рамках их общего исторического характера позволяет категориям выполнять роль форм мышления.

Как ни парадоксально, именно относительная устойчивость содержания категорий диалектики обуславливает гибкость и подвижность мышления. Только как итог познания, содержащий в себе самом движение, категории способны служить формой мысли. Человеческие понятия и категории подвижны, «переливают одно в другое, без этого они не отражают живой жизни».[1] Но при этом категории не лишаются своих определенностей, ибо в итоге они содержат устойчивые моменты всякого движения, не позволяющих им вырождаться в некие аморфные образования. В силу этих особенностей они служат необходимым логическим каркасом, по которому идет движение мысли, с одной стороны, предполагая качественную определенность мыслей, с другой — их движение, переход. В этом основа отличия диалектики от релятивизма и софистики. Нельзя ограничивать диалектику признанием изменчивости, текучести вещей и их мысленных отражений. Процесс диалектического познания — это воспроизведение существенной определенности вещи с по-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 226.

мощью устойчивых форм мышления. Категории схватывают гибкость, подвижность вещей в обобщении, т. е. в своей всеобщности, существенности, необходимости. Они одновременно и итог (знания) и «логика» действительности. Их гносеологическое содержание совпадает с логическим. Не случайно поэтому В. И. Ленин определяет логическое как «существенное содержание всех иных знаний».[1] Категории фиксируют такие знания, которые в силу всеобщего характера в логическом плане представляют инструмент, средство познания. Вследствие этого категории диалектики выступают узловым пунктом, ступенью познания как в гносеологическом, так и в логическом плане. Логическое содержание совпадает с их предметным смыслом, который образуется в результате отражения существенных связей объективной действительности. Предметный смысл делает их формой истины.

В соответствии с общим ходом развития познания каждая категория сама проходит различные ступени проникновения в сущность своего предмета. Возьмем для примера категорию причинности. Углубление первоначального представления о причинно-следственной связи вводит человека в область необходимого и случайного, возможности, вероятности, сущности и т. д. То есть процесс конкретизации (движения от абстрактного к конкретному) для каждой категории требует выявления взаимосвязи с другими категориями. «Каждое понятие, — пишет В. И. Ленин, — находится в известном **отношении,** в известной связи **со всеми** остальными».[2] Каждая категория содержит в себе в снятом виде все другие категории. Поэтому условно можно подразделить развитие содержания категорий на два этапа. Первоначально устанавливается качественное различие всеобщих форм. На этом этапе человек устанавливает «парную», локальную взаимосвязь категорий. Второй этап характеризуется тем, что конкретизация содержания каждой отдельной категории неизбежно приводит к выявлению взаимосвязи всех категорий диалектики. В форме понятия отдельная категория аккумулирует всеобщую взаимосвязь всеобщих сторон бытия. Каждая категория диалектики содержит в себе в снятом виде все другие категории, представляет их качественно определенный сплав, аналогично тому, как в сложных химических соединениях, имеющих один и тот же состав элементов, свое-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 91.
[2] Там же, стр. 179.

образие структуры молекул определяет различие их свойств.

Условное деление внутренней жизни категорий на два этапа соответствует историческому развитию категориального аппарата и его осознания. Начиная с древнейшей философии и кончая философией Канта, фактически исследовалась качественная определенность содержания категорий, их локальные связи. Попытка систематизации категорий базировалась лишь на различных догадках о взаимосвязи и выражалась в составлении таблиц категорий. Гегель положил начало исследованию диалектики взаимосвязи, взаимоперехода категорий как форм мышления.

По своей логико-гносеологической природе каждая категория представляет содержательный синтез других категорий. Эта особенность определяет способность категорий выступать в качестве логической формы существования теории, благодаря чему мышление в состоянии в процессе познания оперировать всеми предшествующими результатами познания. Через категории наук одна теория в сжатой форме может входить как элемент построения другой более высокой теории.

Таким образом, с помощью категорий движение знания осуществляется в такой форме, которая сама, впитав объективные закономерности, является подвижной и развивается от простого к сложному. Логическая функция определяется не только тем, что категории отражают всеобщие и необходимые связи и отношения объективного мира. Они одновременно выступают отражением закономерностей самого становления и развития процесса познания, устойчивой структуры всякого мышления. Каждая категория представляет ту призму, через которую удается измерить движение от знания к знанию. В своей системе они образуют многомерный механизм отражения, в котором каждая сторона содержится в самом предмете познания, вследствие чего удается воспроизвести предмет тождественно самому себе и в различии. Любое конкретное исследование по своей логической структуре представляет те отношения и связи, которые находят отражение в системе категорий диалектики. Ошибки Канта объясняются тем, что он не видел гносеологическую природу логического процесса и вынужден был объявить категории априорными формами мышления.

Логико-гносеологическая природа категорий неотделима от природы понятий вообще, но в то же время было бы ошибочно не видеть качественного отличия. И дело вовсе не толь-

ко в степени обобщения, но и в качественном изменении соотношения логического и гносеологического моментов. Чем выше степень обобщения, тем значительнее, выпуклее проявляется логическое содержание понятий и категорий. В категориях диалектики гносеологическая сторона перестает довлеть над логической и выступает в неразрывном единстве, тождестве. Они заключают в себе знания о существенных моментах движения этого знания, что является непосредственным выражением совпадения диалектики, логики, гносеологии. В простейших понятиях и категориях частных наук логический момент слит и существует нерасчлененно с конкретным содержанием, они в целом осознаются как гносеологические единицы. При господстве метафизического способа мышления, который отрицал внутреннее противоречивое единство предметов и понятий, нельзя было научно раскрыть логико-гносеологическую природу понятий и категорий, снимающую их онтологическую трактовку. Поэтому логическое содержание было оторвано, изолировано от гносеологического содержания и закреплено в законах и формах формальной логики. Конечно, этот этап был необходим в процессе познания.

Момент всеобщего логического отношения в понятиях и частных категориях не выделяется, не осознается как специфическое знание. В отличие от них в философских категориях логическое содержание в полном объеме совпадает с гносеологическим. «Моменты познания (-«идеи») человеком природы — вот что такое категории логики»,[1] — пишет В. И. Ленин.

[1] В. И Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 180.

Г. Ф. МИРОНОВ.

СООТНОШЕНИЕ ЗАКОНОВ СОХРАНЕНИЯ, СВОЙСТВ И СТРУКТУРЫ ОБЪЕКТОВ

Законы сохранения, как средство теоретического и экспериментального исследования, прочно вошли в обиход научного познания. Анализ содержания законов сохранения, проводимый в целях нахождения их общности, позволил сформулировать общие принципы: принципы сохранения и принципы симметрии. В свою очередь философский анализ содержания этих принципов служит выяснению их методологического, эвристического значения, а также необходимо требует определения их места и роли в структуре научной теории. В процессе развития научной теории складывается целая система законов и принципов большей или меньшей степени общности.

Однако свой действенный характер законы и принципы обретают только тогда, когда исследователю, работающему в определенной отрасли знания, отчетливо ясна специфика проявления их в среде исследуемых явлений; и только в таком случае они могут стать методом и средством научного познания. Так и законы сохранения, являясь, с одной стороны, исходным моментом формирования более общих принципов, требуют, с другой стороны, глубокого анализа конкретных форм проявления их в различных областях материального мира с тем, чтобы более точнее и глубже выразить специфичность закономерностей явлений и процессов данных областей исследования.

Так, например, изучение явлений микромира привело к открытию новых законов сохранения, не имевших места в микромире, и потребовало дополнительных исследований по выяснению специфики проявления ранее известных законов сохранения. Закон сохранения массы в такой формулировке, которую давала классическая физика, где учитывалась лишь собственная масса (масса покоя), не выполняется в современной релятивистской физике. Невыполнимость этого за-

кона связывалась с непостоянством массы частиц, движущихся с большими скоростями. Дальнейшие экспериментальные и теоретические исследования показали, что закон выполним с введением в него величины динамической массы (массы движения). Действие принципа сохраняемости массы распространяется на область микроявлений (именно здесь мы имеем дело с большими скоростями движения частиц), однако его реализация через конкретный закон придала ему весьма специфическую форму выражения.

Принцип сохранения становится методом научного познания после того, как установлен целый ряд конкретных форм его проявления в виде законов сохранения. Только конкретные формы проявления могут вскрывать особенности, характерные черты и специфику данной области исследования, и в этом смысле они являются средством научного познания. Но сама разработка методов и средств научного познания не может ограничиваться рамками специальных наук, она с необходимостью требует выхода в область философской методологии. Если некоторые вопросы, связанные с выяснением прикладного характера принципов и законов в определенных областях исследования, могут решаться теоретической частью специальных наук, то разработка самих принципов и законов и, тем более, выяснение их гносеологической природы является предметом философского рассмотрения.

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы попытаться выяснить природу законов сохранения и показать в связи с этим соотношение их со свойствами и структурами объектов.

Каждый закон сохранения логически формируется в процессе длительного научного исследования, начальным моментом которого является отыскание сохраняющихся величин, характеризующих движение, свойства, связи и отношения материальных объектов. Количественно-качественный анализ объектов и связанных с ними явлений и процессов позволяет фиксировать свойства, связи и отношения в системе физических величин. Конечно, не всякое свойство и отношение фиксируется какой-то величиной. Можно лишь предположить, что существует возможность фиксации любого свойства и отношения с помощью системы величин. На любом этапе развития познания возникают затруднения реализации этой возможности и поэтому многие свойства и отношения остаются на описательном уровне исследования. Углубляющийся процесс познания свидетельствует о том, что

все большее число процессов и явлений охватываются средствами количественно-качественного анализа, физическими и математическими методами, что соответствует переходу от описательного уровня исследования к точному количественно-качественному уровню исследования.

Установление того или иного закона сохранения связано с изучением определенного класса объектов, а поэтому справедливость его (закона) на первых порах может оставаться несомненной только по отношению к исследуемому классу объектов, т. е. он выступает как частный закон сохранения. Однако из этого не следует отрицание общего характера законов сохранения. Здесь речь может идти только о степени общности того или иного закона сохранения. Общность закона будет зависеть от того, будут ли, фиксируемые в законе свойства и отношения в одном классе объектов, иметь место в других классах объектов.

Некоторые частные законы сохранения, при соответствующих изменениях форм их проявления на различных уровнях структурной организации материи, могут «генерализоваться в более общие законы» (см. Н. Ф. Овчинников. «Принципы сохранения», М., «Наука», 1968, стр. 126—127). Генерализация частного закона обусловлена нахождением аналогичных свойств и отношений в качественно различных областях материального мира.

Однако наличие аналогичных свойств, связей и отношений является только необходимым условием для установления закона сохранения, но отнюдь недостаточным; необходимо, чтобы величина, характеризующая эти свойства, связи и отношения, имела смысл на каждом структурном уровне материи и в каждом классе объектов, в которых обнаружены аналогичные свойства, связи и отношения. В этом плане весьма интересно положение Барашенкова В. С. о том: «является ли энергия величиной, характеризующей движение на любом уровне материи?» (см. «Вопросы философии», 1967, № 6, стр. 79—80). Движение, как атрибут материи, присуще ей на любом уровне. Закон, выражающий сохраняемость движения, должен обладать предельной степенью общности тогда, когда и величина, характеризующая движение, будет «абсолютной и универсальной», «имеющей смысл на любом уровне материи». Следовательно общность закона сохранения определяется не только общностью свойств, связей и отношений, но и общностью характеризующих их величин.

Свойства, связи и отношения, для которых найдены ха-

рактеризующие величины и сохраняющие свой смысл и значения при всех многообразных изменениях состояния, носителей этих свойств, связей и отношений (в данном случае носителем может быть объект или класс объектов), будут подчиняться законам сохранения. Очевидно, что величины могут оставаться постоянными лишь в том случае, если они фиксируют сохраняющие свойства, связи и отношения в рассматриваемой системе объектов. Из этого следует, что законы сохранения выражают собой моменты устойчивости материальных систем и являются конкретным выражением их сохраняемости по отношению к различным внешним и внутренним процессам.

Наиболее концентрированное выражение момента устойчивости и сохраняемости находят в категории структуры, которая так или иначе в различных системах при всем многообразии протекающих в них процессах и явлениях выражает их сохраняемость и целостность. Подобный подход к анализу систем приводит Н. Ф. Овчинникова к важному выводу о том, что «структура может рассматриваться как инвариантный аспект системы» (см. Н. Ф. Овчинников, «Принципы сохранения», Изд. «Наука», М., 1966, стр. 267). Законы сохранения, будучи выражением инвариантности, характеризуют структуру в одном из аспектов ее рассматривания и являются одним из средств познания структур материальных систем. Анализируя содержание того или иного закона сохранения, исследователь вскрывает за каждым из них существенные связи и отношения, определяющие устойчивость материальных систем, и тем самым, вскрывает существенные характеристики их структуры.

Особое внимание обращает на себя тот факт, что в последнее время количество законов сохранения значительно возросло. Это связано, видимо, не только с переходом к изучению качественно новых областей природы, с открытием новых объектов исследования, обнаружением у них новых свойств, связей, отношений и соответствующих им характеристик и величины, но и тем, что законы сохранения являются доступным и эффективным методом и средством изучения структур данных объектов исследования. Выявление свойств у объектов, фиксация их в системе физических величин и нахождения между ними закономерных связей есть вместе с тем раскрытие их структур.

В каком же соотношении находятся свойства объектов и их структура? Прежде чем рассматривать этот вопрос,

остановимся кратко на характеристике структуры объектов.

Под структурой объектов будем подразумевать совокупность элементов и существующих между ними устойчивых взаимосвязей и различных типов отношений, обусловливающие их целостность. В данном определении выделяется три характеристики структуры: элементы, связи, отношения.

Элемент — относительно устойчивая неделимая по отношению к рассматриваемой структуре единица, в качестве которой могут выступать вещи (объекты) или любые материальные образования, имеющие конечные пространственно-временные характеристики. (Вселенная не может быть элементом). Делимость элементов можно обнаружить лишь при рассмотрении более глубокого уровня структурной организации материи, где данный элемент может рассматриваться как самостоятельная структурная единица. В процессе эволюции систем в определенном временном интервале может происходить замена или превращение одних элементов в другие.

Между элементами существуют устойчивые взаимосвязи, порождающие многообразные внутренние и внешние процессы данного объекта. Благодаря устойчивым взаимосвязям элементов объекта, последний выступает как устойчивое материальное образование.

Не менее существенную роль в устойчивости объекта играет отношение между элементами, например, пространственные, временные и энергетические, и являются одной из характеристик структуры.

Часто понятия «связь» и «отношения» употребляются как равнозначные и взаимозаменяемые, однако с таким положением согласиться нельзя. Понятие «отношение» шире понятия «связь». Связь может рассматриваться как частный случай отношения. Под связью понимаются только такие отношения, для которых возможно установления количественно-качественных характеристик, выраженных, например, причинно-следственными и функциональными зависимостями. Отношения же, взятые во всей их совокупности, видимо, не всегда имеют количественно-качественные характеристики. Некоторые из них могут иметь только количественные характеристики. Вещи, процессы, явления характеризуются пространственными, временными и энергетическими отношениями, однако из этого вовсе не следует, что между ними (объектами, процессами, явлениями) существует генетическая связь. Отсутствие последней лишает возможности выразить данный тип отношений с помощью причинно-следственных и функцио-

нальных зависимостей. Между двумя событиями, происходящими в двух точках пространства, связи может и не быть (здесь уместно вспомнить ограничения, налагаемые теорией относительности), хотя пространственные и временные отношения между ними существуют, а следовательно, могут быть в принципе зафиксированы с помощью соответствующих величин. Каждая связь всегда выражает отношение, но не всякое отношение предполагает связь. Однако следует иметь в виду, что в процессе познания за некоторыми отношениями возможно обнаружение связей. Последнее положение имеет принципиальное значение с гносеологической и методологической точек зрения и требует специального рассмотрения.

Разберем такой пример. Ядро атома гелия (α-частица) состоит из двух протонов и двух нейтронов и представляет собой довольно устойчивое материальное образование. При нарушении пространственных отношений между элементами данная система разрушается, так как ядерные силы, удерживающие нуклоны в ядре, проявляют себя лишь в определенных пространственных интервалах. Самостоятельные структуры-единицы (протоны и нейтроны) распавшегося ядра обладают иными свойствами. Нейтроны, например, оказываются нестабильными частицами, они самопроизвольно распадаются на протоны и электроны. Экспериментально установлено, что масса любого атомного ядра меньше суммы масс свободных нуклонов, входящих в его состав. Энергия связи, обусловливающая устойчивость ядер, определяется дефектом массы по закону пропорциональности массы и энергии. Поэтому отношение массы нуклонов в ядре атома и массы свободных нейтронов и протонов служит одной из характеристик устойчивости ядра. Пространственные и энергетические отношения между элементами, как это следует из примера, характеризуют структуру α-частицы, но не воспроизводят себя как связи.

Таким образом, в каждой исследуемой структуре можно выделить совокупность отношений, которые будут выступать как ее самостоятельные характеристики. Не исключено, что отношение будет выступать как связь либо на другом структурном уровне, либо в другом типе структур. В рассматриваемой же структуре наличие отношений, как ее самостоятельных характеристик, может лишь предполагать такие структуры, в которых данные отношения будут выступать как связи.

«Понять природу того или иного свойства — значит рас-

крыть связь этого свойства с соответствующей структурой» (Н. Ф. Овчинников «Принципы сохранения», стр. 262—263). Каждый объект обладает множеством свойств. В процессе изучения объекта выявляются все новые и новые присущие ему свойства, каждое из которых проявляет и обнаруживает себя через взаимодействие изучаемого объекта с другими объектами. Объекты, как носители свойств, имеют определенную структуру. Понятно, что любое свойство, присущее объекту, так или иначе связано с его структурой. В. В. Агудов, например, считает, что «структура и структурные изменения играют причинную роль по отношению к качеству...» (см. В. В. Агудов. «Количество, качество, структура», «Вопросы философии», 1967, № 1, стр. 68). Можно согласиться с подобной точкой зрения и считать свойства как следствие, как результат взаимодействия элементов структуры. Свойства порождаются многообразными внешними и внутренними связями элементов объекта, а также самого объекта с другими объектами. Характер взаимосвязей между элементами определяет совокупность внутренних свойств объекта, благодаря чему объект представляется как единое целое, отличное от других объектов. Устойчивые закономерные связи между элементами обусловливают постоянство основных свойств объекта.

Объект, хотя и определяется, как автономная система, внутренними связями, не бывает обособлен, а всегда находится во взаимодействии с другими объектами и поэтому имеет внешние связи. Эти связи могут быть самыми разнообразными и иметь как необходимый, так и случайный характер, в зависимости от условий, в которых находится объект. Внешние связи могут порождать свои свойства, которые следует рассматривать внешними по отношению к объекту и внутренними по отношению структур более широкого порядка. Объект, рассматриваемый как единство внутренних и внешних связей, выступающих как две противоположности в единстве, обладает бесконечным множеством свойств, среди которых можно выделить внешние и внутренние, необходимые и случайные, главные и неглавные, специфические и общие.

Соотношение внешних и внутренних связей приобретает принципиальное значение не только при делении свойств на внешние и внутренние, но при выделении различных структурных уровней материи, а также при рассмотрении динамических структур. Микротела, состоящие из множества ча-

стиц, обладают сравнительно большей устойчивостью. Внутренние связи, обусловливающие их устойчивость, играют первостепенную роль по отношению к внешним. Для микрообъектов характерна возрастающая роль внешних связей. Невозможно представить любую элементарную частицу вне взаимодействия с другими частицами и полями. Благодаря взаимодействию со средой (внешним связям) частица обретает свое бытие. Для каждого объекта роль внешних и внутренних связей неравнозначна. Тем не менее объекты, принадлежащие к различным уровням материи, так или иначе будут взаимосвязаны, и будут образовывать целый ряд взаимосвязанных структурных уровней. Примером динамических структур могут служить структуры элементарных частиц. Всевозможные превращения одних частиц в другие и взаимодействие их с полями других частиц является наглядной иллюстрацией воспроизведения многообразных связей неисчерпаемых структурных уровней элементарных частиц.

Материальные объекты, будучи качественно различными по структуре, предполагают различные свойства и отношения. Задача состоит в том, чтобы из всей совокупности свойств и отношений, характерных различным структурам, выделить общие свойства и отношения, для которых, как указывалось выше, возможно установление соответствующих законов сохранения. Трудность заключается в нахождении таких общих свойств и отношений и фиксации их с одними и теми же величинами. Если эта задача успешно решается, то ранее известный закон сохранения, как частный, расширяет сферу своего действия.

С гносеологической точки зрения генерализация закона соответствует восхождению от единичного к особенному и далее к общему. Однако, следует иметь в виду, что некоторые законы, выражающие весьма специфические особенности отдельных областей исследования материального мира, ограничены только этой областью действия. Исследования явлений микромира привело к обнаружению новых характеристик микрообъектов, для которых были установлены специфические законы сохранения, например, закон сохранения странности, спина, лептонного и баритонного зарядов, изотопического спина и т. д. Переход к изучению новых классов объектов приводит к выявлению свойств, связей, отношений и характеристик, присущих данному классу объектов.

Возникает опасность экстраполяции законов сохранения, выражающих собой сохранение таких свойств, связей, отно-

лений. В. С. Барышников по этому поводу замечает: «Реальная физическая бесконечность не есть простая сумма отдельных конечных частей, она реализуется через бесконечность мер, и нужно обладать чрезвычайной смелостью, чтобы утверждать, что при бесконечной последовательности, глубоких качественных изменений форм материи и ее движения остаются справедливыми физические законы, выведенные на основании изучения явлений в ограниченной области пространства—времени» (см. В. С. Барышенков. «Развитие физики и законы сохранения». «Вопросы философии», 1967, № 6, стр. 81—82).

В любом случае, частные или общие законы сохранения, фиксирующие совокупность свойств, связей и отношений большого или меньшего класса объектов, будут выражать собой существенный момент в их структурах — устойчивость.

Исходным моментом в познании объектов является выделение его из класса ему подобных и обнаружение его свойств. Объект на данном этапе познания представляется исследователю как некоторая совокупность свойств. Изучение объектов, конечно, не ограничивается только выявлением свойств, а идет по пути вскрытия их структур. Поиск закономерных связей между свойствами и отношениями вскрывает закон функционирования структуры объекта, ее особенности и специфику. Специфичность свойств определяется характером взаимосвязей и отношений между элементами исследуемой структуры. Поэтому изучение специфических свойств есть вместе с тем и изучение характера взаимосвязей и отношений элементов структуры.

Связи, отношения и определяемые ими свойства характеризуют структуру лишь в одном из аспектов ее рассмотрения. Такой аспект изучения структур позволяет выявить принцип, способ и характер организации элементов в структурах. Другим аспектом рассмотрения структур является, так сказать, их содержательный анализ, т. е. определение сущности элементов, их природы, без чего невозможно ответить на вопрос, что представляют собой элементы рассматриваемой структуры. На любом структурном уровне об элементах, как устойчивых, относительно неделимых (по отношению к этому уровню) структурных единицах, кроме того, что они находятся во взаимосвязи, определенных отношениях и обладают определенными свойствами, сказать большего нельзя. Природа этих элементов может быть раскрыта при исследовании более глубокого уровня материи. Так, например, физика атома могла дать более или менее исчерпываю-

щие ответы на вопросы атомно-молекулярной структуры вещества, но многие вопросы о структуре атома пришлось решать ядерной физике.

Данные современного естествознания позволяют выделить целый ряд структурных уровней материи, между которыми существует глубокая взаимосвязь. Соотношение внутренних и внешних связей объектов, принадлежащих к различным структурным уровням, может выступать как соотношение этих уровней. Объекты каждого структурного уровня являются носителями многообразных структурных связей и порождаемых ими свойств. Свойства, как указывалось выше, порождаются либо внутренними связями элементов структуры, либо внешними связями объекта с другими объектами (последние будут порождать структуру более широкого порядка) и поэтому будут выступать как некоторая «принадлежность» элементов различных структурных уровней. Элементы рассматриваются автором как субстраты связей и свойств.

Анализируя вопрос о соотношении элементов и свойств, не следует забывать положение Ф. Энгельса о том, что «существуют не качества, а только вещи, **обладающие** качествами, и притом бесконечно многими качествами» (Ф. Энгельс. «Диалектика природы», Госполитиздат, 1950, стр. 184). Ф. Энгельс указывает на то, что вещь представляет собой основу различных качеств, их субстрат. Свойства и качества, являясь «принадлежностью» объектов, могут служить основой для их качественного понимания. Сущность качественного понимания объектов (вещей) состоит в том, что они определяются как системы качеств. «Вещь — это система качеств» (А. И. Уемов, «Вещи, свойства и отношения», М., 1963, стр. 21). Такое определение делает вещи (объекты) и качества тождественными. Хотя система свойств и качеств и характеризует вещь (объект), но отнюдь не является самой вещью. В данном определении вещи схватывают существенный момент — описания ее с помощью присущих ей качеств. Оно ориентирует на отношение совокупности свойств и качеств, характеризующих вещь. Однако знание свойств и качеств не выражает собой знание сущности объекта.

Важно знать природу данных свойств и качеств, определить чем они порождены и что представляют собой их субстраты. Если считать, что структура вещей (объектов) и их качеств находятся в причинно-следственной зависимости, то при таком соотношении вещей и качеств их тождественности

не наблюдается. Структура и структурные изменения, как причина, имеют своим результатом свойства и качества, как следствия. Изучение всей совокупности свойств объектов, как следствий структурных связей есть один из способов выявления структуры объекта, ее особенностей и специфики.

Существование общих свойств у различных объектов предполагает проявление одинаковых связей и отношений в их структурах. Именно для таких связей и отношений устанавливаются законы сохранения, которые являются конкретным выражением закономерной связи свойств со структурами. Нахождение принципов и законов связи свойств со структурой является одним из путей познания закономерностей функционирования структуры объектов.

Познание бесконечного, как указывал Ф. Энгельс, возможно только через конечное. В кажущемся, на первый взгляд, хаосе случайных явлений и процессов возможно обнаружение закономерных «узловых точек, которые обусловливают различные качественные формы существования всеобщей материи» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, стр. 608—609). Естественно стремление исследователей найти такие «узловые точки» с тем, чтобы выяснить природу свойств, связей, отношений, явлений и процессов в целом. В гносеологическом плане они, образно говоря, составляют строительный материал, с помощью которого возводится та или иная структура. Познанная структура позволяет объяснить не только природу тех свойств, связей, отношений, которые явились предвестниками ее, но и открыть существование ряда новых свойств, связей и отношений, непосредственно из структуры вытекающих.

Познание материи идет путем выделения новых ее структурных уровней, каждый из которых выражает существование определенной формы всеобщей материи. Выделение структурных уровней материи или структур отдельных материальных систем и есть выражение конечного, с помощью которого познается бесконечное. В этом состоит громадное значение структурного анализа для познания бесконечно движущейся и развивающейся материи.

А. Н. НИКОНОВ.

ДИАЛЕКТИКА ЭЛЕМЕНТАРНОСТИ И СЛОЖНОСТИ В МИКРОМИРЕ

Современный этап развития науки вообще и физики в особенности характеризуется глубоким проникновением во внутреннюю структуру материи, в мир атомов и элементарных частиц. Бурное вторжение науки в этот до некоторой степени «загадочный», «странный», «необычный» мир свидетельствует о сложном диалектическом характере свойств материи.

В исследовании элементарных частиц одной из коренных проблем является вопрос о критерии элементарности. Физика элементарных частиц является основой современных представлений о строении материи. Проблема элементарности, рассматриваемая физикой высоких энергий и философией, самым непосредственным образом затрагивает такие важные философские вопросы, как вопрос о единой основе всего сущего, или субстанции, вопрос о непрерывности материи, о ее неисчерпаемости и др.

В течение столетий и даже тысячелетий под элементарным объектом понимали такой материальный объект, который является не разложимым на составные части. «Элементарный» буквально и означает простейший, первоначальный.

Долгое время так и думали, что элементарное образование — это первоначальное образование. Мыслители древности «первоначалом», первоосновой мира считали тот «строительный материал», из которого путем различных превращений произошли все вещи и явления окружающего мира. Так философ древней Греции Фалес полагал, что такой «первоматерией» является вода. По Фалесу каждый предмет представляет сгустившуюся или разрядившуюся воду. Мир, землю он считал огромным островом, который плавает в океане. Ученик Фалеса натурфилософ Анаксимен считал «первоначалом» воздух, который можно обнаружить везде, в том числе, и в самой воде. Анаксимандр, другой ученик

Фалеса, не считал «первоматерией» конкретный вид вещества. В основе всего существующего, по его мнению, лежит особое бескачественное вещество, которое он назвал «апейроном» (греч. — неопределенный). «Апейрон» он мыслил «невозникшим» и «неуничтожимым». Все предметы есть результат превращений «апейрона».

Родоначальник древнегреческой диалектики Гераклит материальным первовеществом и первосилой считал огонь. В сочинении «О природе» он писал: «Этот космос, один и тот же для всего существующего, не создал никакой бог и никакой человек, но всегда он был, есть и будет вечно живым огнем, мерами загорающимся и мерами потухающим».[1]

В дальнейшем мыслители древней Греции Эмпедокл и Аристотель выдвинули учение о четырех элементах, которые лежат в основе мира. Это — заполняющие все пространство огонь, воздух, вода и земля. Пустоты в мире нет.

«Первый энциклопедический ум среди греков» Демокрит и его последователи Эпикур и Лукреций Кар выдвинули гениальную догадку о том, что все материальные тела не являются сплошной, непрерывной массой, как учил Аристотель, а состоят из мельчайших материальных частиц атомов. Это была, пусть и умозрительная, но гениальная догадка. Атомы отличались друг от друга не качественностью, а лишь по своему очертанию, положению и распределению. Этим объяснялось все многообразие вещей в природе.

Атомы Левкиппа-Демокрита мыслились, таким образом, элементарными «кирпичиками» всего сущего. Под развитием материи понималось соединение и разъединение атомов. Причина движения атомов находилась в них самих. Движение, другими словами, присуще атомам от века.

В XVIII—XIX веках в результате кропотливой работы, проведенной в области химических и физических процессов, было установлено, что любое вещество состоит из молекул, движение которых характеризуется температурой. При сильном нагревании молекулы распадаются на составные части, которые назвали основными элементарными частицами — атомами химии, лежащими в фундаменте здания материи. Так была создана и экспериментально доказана атомистическая теория, которая позволила сделать много правильных предсказаний.

Мысль о неразложимости, о неразрушимости, о вечности

[1] Философский словарь. М., 1963, стр. 95—96.

атомов к концу XIX в. считалась твердо установленной. Итак, краткий, довольно беглый и схематичный исторический экскурс в учение о строении материи говорит о том, что критерием элементарности считались неделимость, неизменность и бесструктурность частицы вещества. Более двух тысячелетий этот критерий элементарности был непоколебим. Но как свидетельствует история естествознания и философии наряду с идеями атомизма и в противоположность им развиваются идеи непрерывной материальной субстанции. Так уже у величайшего мыслителя древности Аристотеля отсутствует представление о пустом пространстве и мельчайших неделимых атомах. Все пространство, по Аристотелю, сплошь заполнено материей. Гипотезу Демокрита и Левкиппа об атомах и пустоте как основании всего существующего отрицал также французский ученый и философ XVII в. Р. Декарт. За основу физического мира он принимал непрерывную, до бесконечности делимую материальную субстанцию, а ее атрибутом считал протяжения. В конечном счете противоречия между этими двумя направлениями физика разрешила путем введения понятия поля.

Дальнейшее развитие физики, в особенности открытие явления радиоактивности и результаты опытов Резерфорда, доказавшего существование атомных ядер, показало, что атом на самом деле не является неделимым, а имеет сложное строение. В настоящее время наукой установлено, что атомы построены из электронов, протонов и нейтронов. Следовательно, под напором научных открытий рухнули представления об элементарности атома, но мерило элементарности, признак неизменности и бесструктурности распространили на вновь открытые частицы. Теперь уже не атом, а электрон, протон и нейтрон в первое время были объявлены последними «кирпичиками» вещества, которые не способны ни к каким изменениям и превращениям. В силу этого они и были названы элементарными частицами. Можно подумать, что элементарные частицы не имеют никакой структуры, что для них нельзя выделить какие бы то ни было свойства.

В 20-х—30-х годах нашего столетия нередко говорили о «бесструктурности» и «точечности» элементарных частиц. Так видный советский физик Я. И. Френкель утверждал, что «материя есть не что иное, как совокупность электронов и протонов, последние следует рассматривать неразрушимыми и неизменными... Электроны представляют собой последние неразрушимые и неделимые элементы, из которых состав-

ляются материальные тела...».[1] Нужно заметить, что такой взгляд на природу элементарных частиц подкрепляется тем, что во внутриатомных процессах микрообъекты действительно ведут себя как бесструктурные частицы материи. Некоторым естествоиспытателям и философам это обстоятельство и дало повод для метафизического понимания элементарности и абсолютизации простоты.

Данные современной физики не оставляют никаких сомнений в том, что термин «элементарный» применительно к микрообъектам является весьма и весьма условным и относительным. Открытия физики последних лет явились блестящим подтверждением ленинского положения о том, что «электрон так же неисчерпаем, как и атом, природа бесконечна».[2] Только с позиций ленинского положения о единстве противоположностей можно решить проблему элементарности и сложности в микромире.

О сложности микрочастиц говорит прежде всего многообразие их качественных свойств. Учитывая рамки данной статьи, кратко остановимся на физическом смысле и философском аспекте некоторых основных свойств микромира.

С момента открытия электрона прошло 70 лет. За это время «семейство» элементарных частиц возросло до 32. С учетом короткоживущих (порядка 10^{-22} сек), эфемерных частиц-резонансов, в ядерной физике сейчас насчитывается более двухсот «обитателей» микрокосмоса.

Каждая элементарная частица обладает массой. В физике микрочастиц масса измеряется в миллионах электронвольт (Мэв). Как мера инерции масса присуща всем известным видам материи и не является чем-то однородным. Такие элементарные частицы, как электроны, протоны, нейтроны и другие имеют собственную массу, или массу покоя. Квантам электромагнитного и гравитационного полей такая масса не присуща. Они обладают массой движения.

По массе частицы разбиваются на три группы. Легкие частицы, или лептоны. К ним относятся нейтрино электронное, нейтрино мезонное, электрон, мю-мезон и их античастицы. У нейтрино и их античастиц масса покоя равна нулю. Кроме мю-мезонов, легкие частицы сами по себе устойчивы.

Частицы средней массы, или мезоны. В эту группу входят нейтральный пион, отрицательный пион, ка-мезоны и их

[1] Я. И. Френкель. Электродинамика. Гостехиздат, 1934, стр. 222. 268

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 277.

античастицы. Всего семь частиц, так как античастица нейтрального пиона совпадает с самой частицей. Мезоны нестабильны. Без всяких внешних воздействий, самопроизвольно, спонтанно они распадаются на другие элементарные частицы. Из этого кстати следует, что каждая микрочастица характеризуется временем жизни, под которым понимается среднее время жизни частиц данного сорта и которое обуславливается вероятностным характером распада. Типичной схемой распада, например, является распад нейтронов на протон, электрон, антинейтрино:

$$n \longrightarrow p + e^{-} + \bar{\nu}_e$$

Процесс распада частиц не есть развал механической системы на ее составные части. В результате распада происходит рождение новых частиц той же степени сложности. Это нельзя понимать в том смысле, что элементарные частицы состоят из друг друга. Объекты микромира способны к постоянным превращениям друг в друга.

Способность элементарных частиц к взаимным превращениям, как говорят, к трансмутациям говорит о их чрезвычайно сложной структуре. Универсальная взаимопревращаемость микрочастиц свидетельствует о единстве материи в ее фундаменте. Превращение элементарных частиц в друг друга осуществляется в процессе взаимодействия. Микрообъектам свойственны три вида взаимодействий: слабое, электромагнитное, сильное. Способность к тому или иному типу взаимодействия обуславливается внутренней структурой элементарных частиц.

Частицы тяжелые, или барионы. Это протон, нейтрон, лямбда-гиперон, сигма-гиперон, кси-гиперон, омега-гиперон и соответствующие им античастицы. Фатон-квант электромагнитного поля не входит ни в одну из названных групп. Он выделяется особо. Его античастица совпадает с ним самим. Масса покоя фатона равна нулю.

Если частицы расположить по степени возрастания их масс, то легко заметить, что многие частицы попарно обладают одинаковой массой. Такие пары образуются, разумеется, и по другим признакам. Так было установлено, что для каждой частицы существует сопряженная частица или античастица. При взаимодействии частицы со своей античастицей происходит аннигиляция, то есть превращение одной формы материи (вещества) в другую (поле). Например,

электрон и позитрон могут аннигилировать с испусканием двух фатонов:

$$e^+ + e^- \longrightarrow 2\gamma.$$

Фатоны при этом процессе, подчиняясь закону сохранения количества движения, разлетятся в строго противоположных направлениях. Наблюдается и процесс, обратный аннигиляции, когда рождается пара: частица и античастица.

Аннигиляция опровергает мегафизическое представление о вечных и неизменных «кирпичиках» материи. Нельзя найти «последнюю» и «неизменную» сущность вещей, некую абсолютную «праматерию». В этом гносеологическое значение аннигиляции.

Важнейшим параметром всякой частицы является электрический заряд, который измеряется в единицах заряда электрона и сохраняется при всех превращениях микрочастиц. Электрический заряд для всех элементарных частиц может быть выражен только целыми числами: 0, ±1, ±2. В настоящее время наукой не обнаружено микрочастиц с электрическим зарядом больше двух, хотя они, вероятно, и существуют.

Американский физик-теоретик Гелл-Манн в 1964 г. предложил чрезвычайно интересную гипотезу о существовании частиц с электрическими зарядами, равными по абсолютной величине $\frac{1}{3}$ и $\frac{2}{3}$. Такие гипотетические частицы назвали кварками. Суть этой гипотезы сводится к тому, что три кварка и три антикварка, соединяясь в различные комбинации, образуют все мезоны, барионы и резононы. Если эта гипотеза получит экспериментальное подтверждение, то она будет иметь фундаментальное значение для физики элементарных частиц.

Следующее свойство элементарных частиц связано с их вращательным движением. Количественную характеристику этого движения назвали спином частицы. Иначе говоря, величина спина характеризует быстроту вращения частицы вокруг своей оси. Наглядно микрочастицу можно представить в виде волчка, а спин можно сравнить с механическим моментом импульса, носящего название момента количества движения. Количественно спин можно выразить целым или полуцелым числом квантов действия. Спин свидетельствует о наличии у частицы собственного, внутреннего движения. Поэтому спин является неотъемлемым свойством элементарных

частиц, его нельзя ни усилить, ни уменьшить. Как специфически квантовое свойство микрочастиц спин не имеет аналога в макроявлениях. Частицы, относящиеся к одному типу, имеют абсолютно одинаковые спины.

Со спином тесно связано и такое свойство частицы, как магнитный момент. При вращении частицы вокруг своей оси возникает круговой ток, который в свою очередь обуславливает возникновение магнитного поля, и частица, следовательно, становится небольшим магнитом. Наличие у элементарной частицы магнитного момента говорит о том, что по законам классической механики такой микрообъект не может быть точечным, т. е. элементарным в полном смысле этого слова.

Кроме рассмотренных основных свойств, важными квантовыми характеристиками элементарных частиц является также изотопический спин, странность, лептонные и барионные заряды, четность и др. Таким образом, каждый объект микрокосмоса обладает перечнем определенных свойств. «С философской точки зрения, наличие у любого объекта совокупности определенных свойств может быть следствием только определенной структуры объекта».[1]

Дальнейшее развитие теории элементарных частиц показало, что такие микрочастицы, как протон и нейтрон имеют устойчивую динамическую внутреннюю структуру. «Сейчас вопрос о существовании структуры элементарных частиц, не является уже предметом дискуссии: теперь имеются ясные экспериментальные доказательства существования такой структуры и имеются различные способы ее изучения»,[2] — указывает академик Д. И. Блохинцев.

При рассмотрении вопроса о структуре элементарных частиц нужно иметь в виду, что в микрокосмосе понятие «структура» теряет свой классический смысл. В доквантовой физике понятие «структура» передается отношением «состоять из...». В физике элементарных частиц под структурой понимается определенное сочетание взаимодействий данного объекта с другими. Следовательно, структура микрочастицы передается другим отношением — «превращаться в...» и связана со структурой возможных процессов. Способность элементарных частиц превращаться друг в друга по определенным законам сохранения является, по словам академика

---

[1] Философская энциклопедия. Т. 3. Стр. 434.

[2] Философские проблемы физики элементарных частиц. М., 1964, стр. 48.

М. Э. Омельяновского, фундаментальным открытием физики нашего времени.

По современным представлениям элементарная частица, в частности протон или нейтрон, имеет особую, центральную область — керн, в котором сосредоточено более трех четвертей массы микрообъекта. Керн микрочастицы окружен Пи-мезонной «шубой» или, по выражению академика Д. И. Блохинцева, пионной «атмосферой» и пионной «стратосферой», которые состоят из виртуальных частиц.

Роль виртуальных частиц в физике микромира трудно переоценить. Они призваны объяснить процесс взаимодействия между реальными частицами. Более того, без наличия виртуальных частиц взаимодействие между реальными частицами невозможно. Виртуальная частица, осуществляющая взаимодействие между реальными элементарными частицами, возникает в момент взаимодействия и тут же поглощается. Поэтому виртуальные частицы непосредственно не наблюдаются в эксперименте. В настоящее время их нельзя обнаружить никакими доступными науке методами.

Согласно современной точке зрения виртуальные частицы, не имея массы, существуют как возможность образования реальных частиц. «Виртуальные частицы — это именно возможные (объективно возможные), еще не «родившиеся» частицы, которые для своей актуализации, для своего осуществления требуют определенных затрат энергии».[1]

Понятие о виртуальных частицах, существующих между возможностью и действительностью, не противоречит диалектическому материализму, так как возможность, с точки зрения последнего, есть существенный момент действительности. Возможность объективна и, развиваясь сообразно законам данной области материального мира, становится действительностью. Многие научные идеи трудно, а чаще всего нельзя объяснить, не пользуясь категорией возможности. В современных условиях эта категория приобретает все возрастающее значение для научного познания.

Виртуальные частицы — это возможность для возникновения элементарных частиц. В виртуальных частицах отражается сущность физического «вакуума» как нового материального объекта, из которого возникают все элементарные частицы, демонстрируя тем самым реализацию возможности в действительность.

---

[1] Философия естествознания. М., 1966, стр. 82.

Элементарные (реальные) и виртуальные частицы, вероятно, являются различными уровнями строения материи. Виртуальные частицы — это субмикромир, или микромир микромира.

Итак, наличие сердцевины и окружающей ее мезонной «шубы» говорит о сложной структуре протона.

Если бомбардировать протон частицами достаточно большой энергии, то могут рождаться мезоны, а точнее выражаясь, виртуальные мезоны превращаются в реальные. Логично предположить, что при многократной бомбардировке с протона будет снята вся его ПИ-мезонная «шуба» и от протона останется «голая» сердцевина. Однако, как показал эксперимент, этого не происходит. В результате такого воздействия протон остается неизменным, как неизменным остается и запас виртуальных ПИ-мезонных «шуб». Профессор А. М. Балдин писал по этому поводу: «Но самое поразительное — из этой катастрофы протон выходит, как феникс из пепла, невредимым, ничем не отличающимся от первоначального. Ударяя по протону много раз, мы можем получить сколь угодно новых частиц».[1]

Таким образом, если пользоваться классическим понятием структуры, то все частицы можно считать состоящими друг из друга, а правильнее сказать, все элементарные частицы способны превращаться и при определенных условиях действительно превращаются друг в друга.

Как было видно, одни элементарные частицы стабильны, другие претерпевают те или иные превращения. Исходя из этого факта, можно сделать вывод, что такие устойчивые частицы, как фотон, электрон, нейтрино, протон являются элементарными, а спонтанно распадающиеся частицы — сложными.

Однако это на самом деле не так. Нейтрон, как уже известно, распадается на протон, электрон и антинейтрино. Но нельзя утверждать, что он до распада состоял из этих частиц. Экспериментально проверено и доказано, что электрон не может существовать внутри нейтрона. Протон при определенном воздействии на него рождает мезоны и другие частицы. Было бы ошибочно на этом основании считать протон сложным, а мезон элементарным, так как такие воздействия ведут не к раздроблению элементарных частиц, а к образованию других. Из этих рассуждений сам собой напра-

[1] Вестник АН СССР, 1966, № 1, стр. 88.

шивается вывод, что элементарную частицу на современном уровне теоретических знаний можно определить как частицу, которую нельзя описать как составную, нельзя представить как систему, состоящую из других элементарных частиц. Значит элементарная частица является «элементарной». Это означает, что проблема элементарности решается в духе старой атомистики. Но такой критерий элементарности предполагает отсутствие у микрообъекта какой бы то ни было внутренней структуры.

А это противоречит фактам. Как было показано выше, сложная внуренняя структура элементарных частиц, в частности нуклонов, является твердо установленным научным фактом, стало быть, чтобы не перечить эксперименту, а быть в согласии с ним, надо признать, что элементарная частица лишь относительно элементарна. Такое допущение, находящееся в полном соответствии с принципом бесконечности материи, с несомненностью ведет к исключению «элементарных» объектов как таковых.

Таким образом, ход рассуждений показывает, что мы пока не приблизились к решению проблемы элементарности и сложности, поставленной современной физикой. Решение элементарности и сложности М. Э. Омельяновский видит в решении проблемы дискретности и непрерывности материи, так как «непрерывное есть составное, или сложное... и означает бесконечную делимость чего-либо».[1] Эту проблему, следовательно, надо рассматривать в свете ленинского тезиса о единстве противоположностей.

Как известно, французский физик Луи де Бройль в 1924 году предположил, что корпускулярно-волновой дуализм присущ всей материи, тем самым физика микромира осуществила синтез корпускулярных и волновых представлений о материи, который подтвердил основное положение марксистско-ленинской философии о единстве материального мира, о единстве прерывного и непрерывного. Поэтому с точки зрения корпускулярно-волновой двойственности понятия прерывности и непрерывности в микрокосмосе не рассматриваются абстрактно-неизменно, как в классической атомистике.

Точно также термины «элементарность» и «сложность» в их классическом смысле не применимы к миру элементарных частиц. В микромире эти понятия становятся «текучими»,

---

[1] Философские проблемы физики элементарных частиц. М., 1964, стр. 69.

взаимосвязанными. Относительность «элементарности» и «сложности» в микромире является отражением того объективного факта, что микрочастицы сами по себе, то есть безотносительно к условиям, и несложны и не элементарны. Элементарные частицы одновременно обладают свойствами элементарного и сложного, которые обнаруживаются в неразрывной связи с условиями, в которых протекают их многообразные взаимопревращения.

Так, например, теперь уже хорошо известный нам, протон в одних экспериментальных условиях ведет себя как элементарный микрообъект, то есть как бесструктурная точечная частица. В других условиях эксперимент говорит обратное — протон, распадаясь на другие микрочастицы, проявляет свойства сложной частицы. Иначе говоря, микрочастицы сочетают в высшем синтезе фундаментальную «двоичность» мироздания: элементарность — сложность, что является единством противоположностей и лишний раз убедительно свидетельствует о материальном единстве природы.

Таким образом, элементарность и сложность в классической атомистике выражают диалектическую ступень прерывности в непрерывном, неисчерпаемом материальном мире. Будучи отражением объективного единства прерывного и непрерывного, элементарность и сложность являются так же и ступенями наших знаний.

В микромире понятия «элементарность» и «сложность» утрачивают свое буквальное значение, так как обитатели микрокосмоса сами по себе и не элементарны и не сложны. По образному выражению одного из создателей квантовой механики В. Гейзенберга «не существует никакого принципиального различия между «элементарными» и «неэлементарными» микрочастицами».[1]

---

[1] H. Rechenberg. Aus der Physik der Elementarteilchen. «Physikalishe Blätter», 1963, H. 3, S. 110.

И. В. СОСНИНА.

ЛЕНИНСКИЕ ПРИНЦИПЫ АТЕИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

В настоящее время философы все чаще обращаются к ленинскому атеистическому наследию. Это вполне закономерно и объясняется тем, что, во-первых, партия все глубже и систематичнее осуществляет требование Программы КПСС о научно-атеистическом воспитании трудящихся нашей страны, а во-вторых, тем, что исследований, посвященных изучению вопросов научного атеизма, изложенных в трудах Владимира Ильича Ленина сравнительно немного.[1]

Более того, некоторые темы еще не поставлены и не освещены атеистической наукой, к числу последних относится и данная. Тема «Ленинские принципы атеистического воспитания» — ядро проблемы преодоления религии, этого главного вопроса в научном атеизме.

В. И. Ленин придавал первостепенное значение решению этой проблемы.

Прежде чем перейти к выяснению ленинских принципов преодоления религии, необходимо остановиться на вопросе о том, что такое принцип.

Ф. Энгельс в работе «Анти-Дюринг» по этому поводу писал: «Принципы — не исходный пункт исследования, а его заключительный результат; эти принципы не применяются

[1] М. И. Шахнович. В. И. Ленин и проблемы атеизма. М.—Л., 1961 г. А. И. Крывелев. Ленин о религии. М., 1960. С. И. Никишов. Ленинская критика философских основ религии. М., 1968. С. Ф. Анисимов, К. И. Сарычев. В. И. Ленин о задачах воинствующего атеизма. М., 1960. Г. В. Воронцов. Осуществление партией ленинских принципов атеистического воспитания масс (1921—1937 гг.) — По этапам развития атеизма в СССР. Л., 1967. В. Д. Баженов. Ленинские принципы марксистской партии в отношении к религии и церкви. Диссертация. М., 1966. Д. С. Саранчук Вопросы пролетарского атеизма в трудах В. И. Ленина. Диссертация. К., 1956. И. И. Потемкин. Борьба В. И. Ленина за воинствующий атеизм. Диссертация. М., 1955.

к природе и к человеческой истории, а абстрагируются из них; не природа и человечество сообразуются с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории».[1]

В. И. Ленин, изучая закономерные тенденции жизни, революционные и демократические движения угнетенных масс, анализируя атеистическую литературу, произведения К. Маркса и Ф. Энгельса по вопросам атеизма, вывел основные положения, помогающие решить задачу преодоления религии.

Выведенные из жизни и практики, основные положения становятся исходными в науке, теории.

Принципы преодоления религии — это основные исходные положения данной проблемы (от латинского principium — начало, основа), необходимые для ее разрешения. Из них можно вывести и объяснить другие менее важные положения в этом вопросе. Руководствуясь этими соображениями, можно успешнее выделить из всего богатства идей В. И. Ленина основополагающие по вопросу преодоления религии.

Для решения задачи преодоления религии прежде всего необходимо, как указывал В. И. Ленин, вскрытие социальных корней религии.

Вопрос объяснения социальных корней религии один из главных в научном атеизме. Для того, чтобы успешно бороться с религией, надо знать какие условия ее породили. «Надо уметь бороться с религией. а для этого надо материалистически объяснить источник веры и религии у масс».[2]

В своих воспоминаниях Н. К. Крупская отмечала, что в антирелигиозной пропаганде В. И. Ленин центр тяжести видел в устранении корней религиозности масс.[3]

Безусловно, это исходное положение проблемы преодоления религии, следовательно, один из принципов в ее решении.

Вопросы формирования религии под воздействием определенных социальных условий разрешены более или менее успешно в исследованиях целого ряда советских философов-атеистов. (Сухов А. Д., Черкашин П. П., Угринович Д. М. и другие).

В. И. Ленин требовал не только вскрытия социальных корней религии, но и определения путей выкорчевывания их

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, изд. 2, стр. 34.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 418.
[3] Н. К. Крупская. Из атеистического наследия. М., 1964, стр. 131.

в ходе пролетарской революции и коммунистического строительства.

«В сотый и в тысячный раз, — писал В. И. Ленин, — мы видим подтверждение той истины, что, только идя за пролетариатом, способны русские крестьянские массы свергнуть давящий и губящий их гнет крепостников-землевладельцев, крепостников в рясах, крепостников-самодержавщиков».[1]

В. И. Ленин считал необходимым атеистическую пропаганду по преодолению религии подчинить основной задаче— развитию классовой борьбы эксплуатируемых против эксплуататоров, ибо преодоление религиозного мировоззрения возможно в процессе ликвидации эксплуататорского строя и его «родимых пятен» в ходе социалистического и коммунистического строительства. Борьба с религией не может сводиться к абстрактной атеистической проповеди. Отсюда следующим ленинским принципом в вопросе преодоления религии является требование подчинения борьбы с религией борьбе за победу коммунизма.

В. И. Ленин развил идею о неразрывной связи процесса преодоления религии с практикой созидания коммунистического общества, ибо корни религиозности лежат в условиях материальной жизни общества, выкорчевывание которых есть революционный процесс преобразования капиталистического общества в социалистическое.

В. И. Ленин выдвинул также принцип свободы совести и развил его применительно к условиям диктатуры пролетариата. Согласно этому принципу 23-го января (5 февраля) 1918 года был издан декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. Каждый гражданин Советского государства получал право «исповедывать любую религию или не исповедовать никакой».[2]

Жизнь показывает, что необходимо строгое соблюдение принципа свободы совести. Принцип свободы совести способствует более успешному преодолению религиозности населения, ибо всякие запреты, ограничения, гонения на религию содействуют тому, что она становится более замаскированной, фанатичной, а следовательно менее доступной для изучения и преодоления. Е. Ярославский по этому поводу писал: «Совершенно неправильно, когда, в нарушение всех существующих декретов и постановлений Советской власти,

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 438.
[2] О религии и церкви. — Сб. документов. М., 1965, стр. 95.

та или иная религиозная группа ставится на местах в положение незаконно существующей, нелегальной. Нам вовсе нет надобности создавать мучеников из людей, для которых мученический венец — это прикрытие их убогости. И нам вовсе нет никакой надобности вызывать раздражение... верующих».[1]

В. И. Ленин неоднократно отмечал, что надо уметь бороться с религией, надо бороться чисто идейным путем.

Коммунистическая партия не может нейтрально относиться к религии. Необходимость непримиримой идейной борьбы с религией диктуется ее вредной социальной ролью. «Партия наша есть союз сознательных, передовых борцов за освобождение рабочего класса. Такой союз не может и не должен безразлично относиться к бессознательности, темноте или мракобесничеству в виде религиозных верований».[2] Задача преодоления религии требует планомерной, наступательной, умелой идейной борьбы с религиозными предрассудками. Требование идейной борьбы с религией — важный принцип в деле ее преодоления. Коммунистическая партия считает этот принцип своим программным требованием, составной частью идеологической работы.

Коммунистическая партия исходила и исходит из указаний В. И. Ленина в вопросе отношения к религии, руководствуется такими основными его положениями как подчинение борьбы с религией борьбе за коммунизм, принципом свободы совести, требованием непримиримой идейной борьбы с религией.

Эти ленинские принципы марксистской партии в отношении к религии и церкви достаточно глубоко и полно освещены в диссертациях тт. Баженова В. Д., Ануфриева Л. А.[3]

Рассматривая принципы В. И. Ленина по вопросу преодоления религии, необходимо отметить еще один из них — уважительное отношение к верующим.

В. И. Ленин учил в атеистической пропаганде решать задачу переубеждения верующих путем просвещения, путем распространения знаний. Он верил в действенную силу слова, подкрепленную успехами строительства коммунизма.

---

[1] Ем. Ярославский. О религии, стр. 33.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 145.
[3] В. Д. Баженов. Ленинские принципы марксистской партии в отношении к религии и церкви. Диссертация. М., 1966. Л. А. Ануфриев. Основные принципы и актуальные проблемы создания системы научно-атеистического воспитания трудящихся. К., 1965.

В. И. Ленин всегда выступал против такой пропаганды атеизма, которая бы оскорбляла достоинства и чувства верующих. «Бороться с религиозными предрассудками надо чрезвычайно осторожно; много вреда приносят те, которые вносят в эту борьбу оскорбление религиозного чувства. Нужно бороться путем пропаганды, путем просвещения».[1]

Ведя научно-атеистическую пропаганду, необходимо помнить, что борьба с религией — это борьба с антинаучной религиозной идеологией, а не с верующими. Помнить, что верующий — человек предубежденный, поэтому необходимо чуткое, внимательное отношение к нему, в противном случае борьба с религией приведет к озлоблению и замкнутости верующего. Это может принести вред делу преодоления религии.

Проблема преодоления религии особенно важна в настоящее время. Коммунистическая партия Советского Союза ставит задачу полного изживания религиозных пережитков в период коммунистического строительства, задачу создания системы научно-атеистического воспитания населения нашей страны.

Формирование человека коммунистического общества невозможно без преодоления в его сознании религиозных предрассудков. Обращение к ленинским принципам (выяснение социальных корней религии, подчинение борьбы с религией борьбе за коммунизм, свобода совести, непримиримость идейной борьбы с религией, уважительное отношение к верующим) поможет решить проблему преодоления религии.

Указанные выше принципы имеют прямое отношение к атеистическому воспитанию трудящихся, поскольку последнее представляет часть задачи преодоления религии. Но «всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д.».[2]

Отсюда следует, что атеистическое воспитание имеет свои особенности, свои принципы, поскольку оно не охватывается полностью проблемой преодоления религии, и в свою очередь, последняя не сводится к первой проблеме.

Выяснение принципов атеистического воспитания, на основе анализа ленинских произведений, очень важно, ибо за-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 186.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318.

дача всестороннего воспитания трудящихся приобретает особенно большое значение в настоящее время.

Анализ атеистических произведений В. И. Ленина дает возможность сделать вывод, что важнейшим принципом атеистического воспитания является принцип неразрывной связи атеистической воспитательной работы с системой коммунистического воспитания. В. И. Ленин рассматривал вопрос об атеистическом воспитании как необходимую составную часть всей системы коммунистического воспитания.

В 1920 году на III съезде комсомола В. И. Ленин говорил: «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали».[1]

Критерием коммунистической нравственности является борьба за построение коммунизма. Поскольку борьба за построение коммунизма — фундамент всего коммунистического воспитания, образования и обучения, то она же, будет фундаментом атеистического воспитания.

В нашей стране атеистическое воспитание осуществлялось Коммунистической партией под руководством В. И. Ленина в процессе ликвидации неграмотности, темноты масс как наследия эксплуататорского строя, в процессе приобщения людей к политической жизни, передовой культуре. Недаром в 1918 году В. И. Ленин писал: «Самый глубокий источник религиозных предрассудков — это нищета и темнота, с этим злом и должны мы бороться».[2]

Атеистическое воспитание как составная часть коммунистического воспитания трудящихся имеет много с ним общего. Общее в содержании состоит в воспитании советских людей на коммунистических идеалах, в утверждении научно-материалистического мировоззрения.

Общее в форме заключается в воздействии на одни и те же слои населения, в применении одних и тех же методов, средств, форм воспитания, в использовании одних и тех же кадров для этой цели.

Но атеистическое воспитание имеет специфику, свое содержание, суть которого направлена на разрушение религиозного мировоззрения. Атеистическое воспитание требует усиления атеистической направленности по всем линиям ком-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 309.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 186.

мунистического воспитания — умственного, нравственного, эстетического, физического.

Кроме того, атеистическое воспитание преследует следующие цели: оно необходимо с профилактической целью — предупреждения появления верующих, с целью формирования воинствующих атеистов из людей неверующих, но равнодушных к религии, с целью освобождения сознания верующих от религиозной идеологии.

Специфика атеистического воспитания имеет место не только в содержании, но и в форме. В форме она заключается в воздействии прежде всего на верующих, в выборе специфических методов, средств, форм воспитания, в использовании кадров, имеющих специальную атеистическую подготовку.

Другим принципом атеистического воспитания, выдвинутым В. И. Лениным, является глубокое философское обоснование критики религии.

В. И. Ленин развивал диалектический и исторический материализм как методологическую и теоретическую основу научного атеизма. С целью пропаганды философско-атеистических знаний и борьбы против «дипломированных лакеев поповщины» был создан философский журнал «Под знаменем марксизма». В статье «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленин отмечал, что «Без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания».[1] Это относится и к атеизму, который может успешно преодолевать религию, имея солидную философскую основу. То, что В. И. Ленин придавал большое значение именно этому принципу, свидетельствует его конспект «Лекций о сущности религии» Л. Фейербаха, где он писал, что Фейербах дал «превосходное, философское (и в то же время простое и ясное) объяснение сути религии».[2]

Имея в виду принцип глубокого философского обоснования критики религии, нужно сделать вывод о том, что атеистическое воспитание предполагает:

1) глубокую критику антинаучного и лжегуманистического характера религиозной идеологии, что требует разработки философских проблем научного атеизма;

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 29—30.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 59.

2) широкое распространение и внедрение в сознание советских людей философско-атеистических знаний;

3) выработку диалектического метода мышления у всех советских людей.

Анализ атеистической литературы показывает, что она часто страдает двумя крайностями: или это беллетристика, дающая слабое философское освещение вопросов религии, или это сухой пересказ общеизвестных философских положений. Эти недостатки имеют место и в устной атеистической пропаганде. Они обусловлены недооценкой ленинского принципа — глубокого философского обоснования атеистического воспитания.

Из принципа диалектико-материалистического обоснования атеистического воспитания вытекают такие важные положения как наступательность в отношении религиозной идеологии и ее модернистских тенденций, высокая идейность воспитания, обусловленная марксистско-ленинской идеологией.

Принцип научности — принцип, которому В. И. Ленин придавал большое значение. Н. К. Крупская в своих воспоминаниях отмечала, что В. И. Ленин «требовал углубленного подхода к антирелигиозной пропаганде».[1] В. И. Ленин требовал «борьбу с религией поставить научнее».[2]

Исходя из этого принципа, Коммунистическая партия в первые же годы Советской власти ставила вопрос о просвещении народных масс, о распространении научных знаний, требовала научно-поставленной антирелигиозной работы, выступала против поверхностной атеистической пропаганды. Это не случайно, ибо научное мировоззрение формируется в процессе овладения человеком важнейшими выводами науки, философски истолкованных и обобщенных. Попытка избежать философских выводов в развитии науки вела и ведет к идеализму и поповщине.

Большое значение принципу научности уделяет Программа КПСС, указывая, что в атеистическом воспитании трудящихся «следует опираться на достижения современной науки».[3]

Принцип научности требует глубокого освещения истории религии, характеристики религиозных верований, их эволюции, современного состояния, творческого решения вопро-

---

[1] Н. К. Крупская. Из атеистического наследия. М., 1964, стр. 131.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 440.
[3] Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961, стр. 412.

сов преодоления религии в соответствии с последними достижениями научной мысли.

В настоящее время на новом этапе борьбы с религией большое значение приобретает пропаганда достижений науки — естественной, технической, общественной. Глубокое научное обоснование атеистического воспитания — важный принцип всей атеистической работы. Этот принцип предполагает создание руководства по атеистическому воспитанию, в котором была бы дана картина современного состояния религии в нашей стране, практические рекомендации по ее преодолению.

Принцип научности в атеистическом воспитании требует опираться на достижения науки, особенно естественной. Н. К. Крупская в воспоминаниях отмечает тот факт, что В. И. Ленин обращал особое внимание на связь антирелигиозной пропаганды с естествознанием: «Как поверхностно ставится у нас антирелигиозная пропаганда, сколько в ней вульгаризации, как неглубоко она связана с естествознанием, как мало вскрываются социальные корни религии, как мало удовлетворяет она запросам рабочих, так колоссально выросшим за годы революции».[1]

Естественно-научный фундамент в атеистическом воспитании необходим для опровержения религиозной картины мира и утверждения в сознании людей научного мировоззрения. Именно естественные науки в состоянии объяснить законы природы, строение Вселенной, происхождение Земли, жизни человека, возникновение сознания и т. д. Естественно-научные данные, философски осмысленные, приводят к выводам о материальности и познаваемости мира, о внутренней способности материи к развитию и т. д.

Во всех документах ЦК КПСС на первое место в антирелигиозной работе всегда выдвигался вопрос пропаганды естественно-научных знаний, без которых невозможно формирование научного мировоззрения. Распространение естественно-научных знаний занимает главное место в содержании научно-атеистического воспитания.

В основе атеистического воспитания должно быть не только научное объяснение явлений природы, но и общества, не только пропаганда естественных наук, но и общественных, особенно норм коммунистической нравственности и коммунистических общественных идеалов.

[1] Н. К. Крупская. Из атеистического наследия, стр. 201.

Принцип научности требует связи атеистического воспитания с жизнью, с практикой коммунистического строительства, ибо вне этой связи нет научности.

Рассмотреннные ленинские принципы — связь атеистического воспитания с системой коммунистического воспитания, философское обоснование критики религии, научность атеистического воспитания — должны лежать в основе содержания системы научно-атеистического воспитания населения.

В атеистической литературе выдвигается вопрос — кому принадлежит идея создания системы научно-атеистического воспитания населения? Некоторые философы считают, что идея создания системы научно-атеистического воспитания была выдвинута В. И. Лениным в первые годы Советской власти. При этом ссылаются на принятое в 1921 году постановление ЦК РКП(б) «О постановке антирелигиозной пропаганды и о нарушении пункта 13 Программы», где отмечалось: «Задача всей этой работы в совокупности должна заключаться в том, чтобы на место религиозного мировоззрения поставить стройную коммунистическую научную систему, обнимающую и объясняющую вопросы, ответы на которые до сих пор крестьянская, рабочая масса искала в религии».[1]

Другие исходят из того, что это понятие впервые появилось в новой Программе партии, где сказано: «Нужна продуманная и стройная система научно-атеистического воспитания, которая охватывала бы все слои и группы населения...».[2]

Третьи указывают, что В. И. Ленин заложил теоретические основы, создал методологию системы атеистического воспитания, которые получили дальнейшее развитие в Программе КПСС. И в частности, требование создания системы — это творческое развитие вопросов научного атеизма в современных условиях.

Вопрос о том, кто впервые выдвинул идею создания системы атеистического воспитания, не существенен.

Безусловно, В. И. Ленин атеистическое воспитание мыслил как систему, а не ряд не связанных друг с другом мероприятий по антирелигиозной пропаганде. Безусловно и то, что Ленин заложил методологические, теоретические и органи-

---

[1] «Известия» ЦК РКП(б). 1921, № 33, стр. 32.
[2] XXII съезд КПСС. М., 1961, стр. 111—112.

зационные принципы научно-атеистического воспитания. Но тем не менее в произведениях В. И. Ленина нет понятия системы атеистического воспитания, и не потому, что он ее недооценивал, а потому, что в тот период основной задачей в области преодоления религии была задача изживания социальных корней религии. В условиях же переходного периода к коммунизму, когда социальные корни религии преодолены, особое значение приобретает научно-атеистическая пропаганда. Вот почему XXII съезд партии и выдвинул вопрос о создании системы научно-атеистического воспитания как один из основных в идеологической работе. Ссылку же на цитату: «чтобы на место религиозного мировоззрения поставить стройную коммунистическую научную систему» из постановления ЦК РКП(б) от 1921 года нельзя истолковать как требование создания системы атеистического воспитания. Так как здесь ставилась более широкая задача по коммунистическому воспитанию трудящихся.

В. И. Ленин требовал «систематической антирелигиозной работы», как вспоминает Н. К. Крупская. В. И. Ленин разработал организационные принципы атеистического воспитания. В статье «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленин указал способы и приемы атеистической пропаганды. Организация атеистического воспитания должна представлять собою совокупность форм и методов убеждения трудящихся в научной несостоятельности религиозного миропонимания.

Важным организационным принципом, как требует КПСС, должен быть принцип охвата атеистическим воспитанием всех советских людей: верующих, колеблющихся, неверующих. В процессе воспитания неверующие люди становятся воинствующими атеистами, колеблющиеся убеждаются в реакционной сущности религии и правильности научно-материалистического мировоззрения, верующие приходят к сомнению в правильности религиозных идей и к разрыву с религией.

Охват всех советских людей атеистическим воспитанием необходим с целью формирования прочного диалектико-материалистического мировоззрения, т. е. атеистического. Жизнь показывает, что иногда люди неверующие, сталкиваясь с трудными жизненными обстоятельствами и не обладая твердым научным мировоззрением, приходят к религии. Значит недостаточно уничтожить причины, которые породили религию, выкорчевать корни, которыми она питается. Ее необходимо преодолеть идейно, т. е. противопоставить ей новую

идею, которая могла бы ее вытеснить. Необходимо показать и доказать ложность, вздорность, вредность старой идеи и не только доказать, убедить в этом, но и дать новую идею, которая бы правильно объясняла действительность. Отсюда вытекает вся важность планомерно поставленного атеистического воспитания, доходящего до каждого отдельного гражданина на протяжении всей его жизни.

Но в центре внимания атеистической работы должны быть верующие. В. И. Ленин считал необходимым «заинтересовать» верующих, «пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т. п.».[1]

Научно-атеистическое воспитание должно быть направлено в первую очередь на то, чтобы разбудить сознание верующих, заставить думать. Религия притупляет сознание человека, отучает сознательно воспринимать мир. Заинтересовать верующего, заставить размышлять — первая задача атеистической работы.

В. И. Ленин требовал использования многообразных форм и средств атеистического воспитания — бойкости, живости, наглядности, умения подойти к верующим «и так и эдак».[2] Использование многообразных форм, средств, методов атеистического воздействия — второй организационный принцип научно-атеистического воспитания.

Атеистическая работа должна быть гибкой, в которой необходимо применять все действенные формы, средства и методы антирелигиозной пропаганды и выдвигать новые, дополнять их друг другом, разнообразить подход к верующему. Это вызвано тем, что религия существует и как представление (идеология), и как чувство (психология) и как культ (обрядность).

Н. К. Крупская в воспоминаниях писала: «В. И. Ленин говорил, что надо отпускать средства на систематическую антирелигиозную работу, а не отделываться компаниями».[3] Систематичность, регулярность научно-атеистической пропаганды — следующий организационный принцип атеистического воспитания. Атеистическое воспитание должно осуществляться повседневно, только тогда оно будет иметь успех.

О важности этого принципа можно судить по тому значению, которое придает ему Коммунистическая партия Со-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 26.
[2] Там же, стр. 26.
[3] Н. К. Крупская. Педагогические сочинения. Т. 7. Стр. 56.

ветского Союза. В Программе КПСС записано: «Необходимо систематически вести широкую научно-атеистическую пропаганду, терпеливо разъяснять несостоятельность религиозных верований...».[1]

Дело в том, что верующие находятся под регулярным воздействием религиозной идеологии, вполне понятно, что эпизодическая борьба за перевоспитание верующих вряд ли способна поколебать их убеждения. Только всесторонне систематическое воспитание трудящихся может вскрыть несостоятельность всякой религии и выработать научные взгляды на природу и общество.

И наконец, организационным принципом, выдвинутым В. И. Лениным, является подготовка атеистических кадров. Ленин проявлял большую заботу о подборе кадров, ведущих научно-атеистическую пропаганду. Под руководством В. И. Ленина этой работой занимались такие крупные атеисты как Н. К. Крупская, Е. М. Ярославский, А. В. Луначарский, В. Д. Бонч-Бруевич, И. И. Скворцов-Степанов, П. А. Красиков, А. Лукачевский, А. Логинов и другие. На основе указаний В. И. Ленина была организована подготовка агитаторов и пропагандистов для борьбы с религией. С этой целью были созданы специальные курсы по изучению происхождения и истории религии, религиозных организаций, семинары лекторов-антирелигиозников, введена специальная атеистическая подготовка слушателей в академиях и совпартшколах.

Решить задачу преодоления религии можно только тогда, когда такие объективные факторы как утверждение коммунистического образа жизни, вовлечение всего населения в активную производственную и общественную жизнь будут дополняться умелой и постоянной идейной борьбой против религиозных пережитков. А для этого надо шире готовить атеистические кадры и регулярно повышать их квалификацию.

Совершенствование системы научно-атеистического воспитания в нашей стране происходит на основе ленинских методологических, теоретических и организационных принципов. Научная разработка этих принципов — дело советских философов-атеистов.

---

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961, стр. 121.

А. Ф. ЛЕКСИН.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО БЫТА

Советский народ, руководимый Коммунистической партией, впервые в мире построил в своей стране социализм и приступил к строительству коммунизма.

«Построение коммунистического общества стало непосредственной практической задачей советского народа. Постепенное перерастание социализма в коммунизм — объективная закономерность; оно подготовлено всем предшествующим развитием советского социалистического общества».[1]

Строительство коммунизма — это решение комплекса сложных и разнообразных задач. Одной из этих задач является задача совершенствования социалистического быта и борьба за коммунистический быт. Важно теоретически осмыслить пути, тенденции и закономерности становления социалистического быта, влияние быта на производство, на сферу общественных отношений.

Познать социальный механизм и законы функционирования социалистического быта значит предвидеть пути и тенденции превращения его в коммунистический быт. Борьба за коммунистический быт — это борьба за нового человека. Л. И. Брежнев в докладе на октябрьском (1968 г.) Пленуме ЦК КПСС указывал: «Работать в массах — это значит проявлять заботу о тружениках, благоустройстве их быта, подъеме культуры...».[2]

Даже в самые тяжелые годы гражданской войны наша партия и правительство принимают ряд мер по улучшению быта советских людей, по борьбе с беспризорностью, спекуляцией, проявляют максимум внимания по обеспечению со-

---

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., Госполитиздат, 1964, стр. 62.

[2] Л. И. Брежнев. О ходе выполнения решений XXIII съезда и Пленумов ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства. М., Политиздат, 1968, стр. 50.

ветских граждан жизненно необходимыми продуктами и товарами. Однако гражданская война, разруха в значительной мере затормозили процесс становления и развития социалистического быта. Первостепенными задачами этого периода были разгром контрреволюции, а затем восстановление разрушенного войной хозяйства.

В 30-х годах мы наблюдаем качественные изменения в быту советских людей. Они были связаны с претворением в жизнь политики индустриализации, коллективизации и культурной революции. В постановлении ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» (16 мая 1930 г.) говорилось, что до сих пор на пути перестройки быта стояли крупные преграды. Они, с одной стороны, коренились в экономической и культурной отсталости страны, а с другой — в необходимости максимально сосредоточить все ресурсы на «быстрейшей индустриализации страны, которая только и создает действительные материальные предпосылки для коренной перестройки быта».[1]

Индустриализация, коллективизация и культурная революция привели к коренным изменениям в быту советских людей В эти годы заметно повышается и научно-теоретический интерес к проблеме социалистического быта. Появляется ряд работ о быте Н. К. Крупской, А. В. Луначарского, Е. М. Ярославского, С. Г. Струмилина и др. Практическое становление социалистического быта осмысливается и обобщается в научном, марксистском плане.

Нападение фашистской Германии на нашу Родину затормозило развитие социалистического быта. Ущерб, нанесенный нападением фашистской Германии на нашу страну, ощутим до сих пор, особенно в семейном быту. Скорбь о погибших родных и близких, последствия этой гибели еще долго будут отдаваться болью в сердцах наших людей.

После восстановления разрушенного войной народного хозяйства наблюдается новый подъем в становлении социалистического быта. В августе 1954 г. по вопросу борьбы за здоровый быт было принято постановление ЦК КПСС. В целях совершенствования социалистического быта в последующие годы партия и правительство принимают ряд постановлений, в частности: о развитии жилищного строительства (31 июля 1957 г.), об увеличении производства, расширении ассортимента и улучшении качества детской обуви (март,

[1] «Партийное строительство», 1930, № 11—12, стр. 86.

1958 г.), об увеличении производства мебели для продажи населению и улучшении ее качества (апрель, 1958 г.), о дальнейшем развитии и улучшении общественного питания (февраль, 1959 г.), о мерах по улучшению бытового обслуживания населения (март, 1959 г.) и др.

В научно-теоретическом отношении этот период характерен тем, что проблемы социалистического быта стали объектом исследования не только этнографов и философов, но и врачей, педагогов, юристов, журналистов, партийных и комсомольских работников. Литература по быту становится более обширной («Культура и быт таджикского колхозного крестьянства», М., 1954; «Прошлое и настоящее селения Айкыран», Ташкент, 1955; «Быт колхозников киргизских селений «Дархан и Чичкан», М., 1958; «Село Вирятино в прошлом и настоящем», М., 1958) и другие.

Этому периоду совершенствования социалистического быта присущи определенные трудности и недостатки. В связи с нарушением ленинских принципов научного руководства народным хозяйством весьма медленно развивался сельский быт. Создалась некоторая диспропорция между городским и сельским бытом. Наряду с другими причинами, это привело к искусственной миграции населения, к отливу его из сельского хозяйства. Необоснованно допускалась ломка объективно сложившихся обычаев, традиций в государственном аппарате. В печати допускалась переоценка достижений в быту. В некоторых городах даже появились на жилых зданиях надписи «Дом коммунистического быта».

Октябрьский Пленум (1964 г.), решения XXIII съезда КПСС осудили субъективизм и валюнтаризм в управлении народным хозяйством, потребовали соблюдения ленинских принципов научного руководства во всех областях жизни и деятельности нашего государства.

Мартовский, сентябрьский (1965 г.) Пленумы и решения XXIII съезда КПСС создали широкую и весьма благоприятную материальную основу для совершенствования социалистического быта и превращения его в дальнейшем в коммунистический. Были ликвидированы причины для роста диспропорции между сельским и городским бытом, приняты необходимые меры для коренного улучшения быта колхозно-совхозного села. За три года (1965—1967 гг.) государство вложило в сельское хозяйство на производственное строительство и приобретение техники на 5 с лишним миллиардов

рублей больше, чем в предыдущем трехлетии.[1] В результате мероприятий партии экономика колхозов за эти годы окрепла. Уже в 1967 г. их доходы были на 24 проц. больше, чем в 1964 г. Заметно повысилась оплата труда колхозников, улучшилось положение в совхозах, которые в 1966—1967 гг. в целом по стране уже работали безубыточно. ЦК КПСС и Совет Министров приняли постановления, в которых определили главные направления постепенного преобразования сельских населенных пунктов в благоустроенные поселки с хорошими жилищными и культурно-бытовыми условиями.[2]

Решения XXIII съезда вызвали не только небывалый темп развития быта тружеников деревни, но и в целом быта всего советского народа. В докладе о 51-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции тов. К. Т. Мазуров указывал, что на основе роста национального дохода фонд потребления за последние три года вырос на 34,7 млрд. рублей. Это превышает плановые годовые наметки. Небывалыми темпами идет жилищное строительство. За три года введено свыше трехсот десяти млн. квадратных метров нового жилья, более 30 млн. советских людей справили новоселье. «С полным правом мы можем сказать, что в истории страны не было еще такого периода, когда прирост материальных благ, используемых для повышения жизненного уровня народа, мог бы сравниться с нынешней пятилеткой».[3]

Примечательной стороной развития социалистического быта на современном этапе является его механизация. Электричество, газ, стиральные машины, холодильники, радиоприемники, телевизоры, пылесосы, современные средства передвижения вошли в быт не только жителей наших городов, но и сельского населения.

Научный интерес к проблеме быта на этом этапе стал более глубоким. До 1966 года почти отсутствовали монографические исследования проблем социалистического быта. За последние два года положение заметно улучшилось. Только в 1968 г. вышли монографии: «Быт и культура» (Изда-

[1] Л. И. Брежнев. О ходе выполнения решений XXIII съезда и Пленумов ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства. М., Политиздат. 1968, стр. 6.

[2] Л. И. Брежнев. О ходе выполнения решений XXIII съезда и Пленумов ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства. М., Политиздат. 1968, стр. 38.

[3] 51-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. (Доклад тов. К. Т. Мазурова на торжественном заседании в Кремлевском Дворце съездов 6 ноября 1968 г.). «Правда». 7 ноября 1968 г.

тельство «Московский рабочий», 1968 г.); «Город и быт» — Г. А. Градов (Стройиздат, 1968); «Сфера обслуживания при социализме» (Издательство «Мысль», Москва, 1968); «Экономический анализ сферы услуг» (Издательство «Экономика», Москва, 1968); «Культура и быт народов Северного Кавказа» (Изд-во «Наука», Москва, 1968) и другие.

Анализ опубликованной после XXIII съезда КПСС литературы по вопросам быта приводит нас к выводу, что научный интерес к этой проблеме на современном этапе во многом возрос. Тем не менее ее многие аспекты остаются мало исследованными.

В данной работе автор рассматривает такие проблемы, как сущность и структура социалистического быта, место быта в системе общественных отношений и его функциональное назначение, основные тенденции и закономерности развития социалистического быта и пути перерастания его в коммунистический.

Быт — весьма сложное и многогранное явление и потому дать полное определение его весьма затруднительно. Не случайно поэтому имеются в литературе десятки определений быта. Даже у одних и тех же авторов мы можем встретить различные определения понятия быта. При изучении такого сложного явления, как быт, важно главное внимание сосредоточить на раскрытии сущности быта и законов его функционирования.

Классики марксизма-ленинизма рассматривают быт в связи с общественно-экономической формацией. Нет никакого сомнения в том, что быт одной общественно-экономической формации отличается от быта другой общественно-экономической формации. Сущность, законы функционирования и развитие быта антагонистических формаций не равнозначны быту неантагонистических формаций. Между тем некоторые авторы, определив быт безотносительно к какой-либо формации, распространяют это определение на социалистический быт.

Ссылаясь на философскую энциклопедию, Н. Г. Харчев в статье «Быт и семья при социализме», пишет: «Под бытом понимается вся непроизводственная сфера человеческого бытия».[1] Это определение на наш взгляд приемлемо больше для быта антагонистических формаций, чем неантагонистиче

---

[1] «Вопросы философии», 1967, № 3, стр. 17. «Быт и семья в социалистическом обществе», Ленинград. 1968, стр. 5.

ских. Мы считаем правильной мысль ряда авторов о том, что «когда-то, на заре человечества, производство и быт были слиты воедино»,[1] что «социализм... ликвидирует установившийся при капитализме разрыв между сферой быта и сферой производства».[2]

К пониманию сущности быта можно придти и через внепроизводственную сферу. Однако, среди экономистов и философов идет спор о том, что такое непроизводственная сфера. Так, доктор философских наук В. С. Семенов в работе «Сферы обслуживания и ее работники» считает, что структура народного хозяйства СССР включает в себя: 1) сферу материального производства; 2) сферу духовного производства и здравоохранения; 3) сферу обслуживания; 4) сферу управления. В этой схеме нет даже упоминания о внепроизводственной сфере. Д. И. Правдин в работе «Сфера обслуживания при социализме» в непроизводственную сферу включает: 1) распределение и обмен (торговые заготовки, материально-техническое снабжение и сбыт, кредит и страхование); 2) потребительские услуги (жилищно-коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание, общественное питание); 3) охрану здоровья населения (здравоохранение, социальное обеспечение и социальное страхование), физкультуру и спорт); 4) форму общественного сознания (просвещение, наука, культура, искусство); 5) управление и охрану общественного порядка (государственное управление, общественные организации, органы обороны и охраны общественного порядка.[3] Очевидно, пока нет четкого определения, что такое непроизводственная сфера, нецелесообразно сравнивать и выводить из него понятие быта.

Нам представляется, что быт и внепроизводственная сфера — это разные явления. Возникновение этих социальных явлений исторически обусловлено. Быт, как самостоятельное социальное явление, возникает в период распада первобытнообщинного строя. Отрасли внепроизводственной сферы выделялись при капитализме в результате развития производительных сил и дальнейшего углубления общественного разделения труда.

Не раскрывает сущность социалистического быта и такое определение: «Быт — это одна из сфер взаимодействия обще-

---

[1] Коммунизм и культура, М., «Наука», 1966, стр. 295.
[2] Там же, стр. 296.
[3] Сфера обслуживания при социализме. «Мысль», М., 1968, стр. 21—22.

ственных и личных интересов человека».[1] Такое определение уводит социолога в сторону от раскрытия сущности проблемы, заставляет его изучать одну из функциональных сторон быта.

Часть авторов отождествляет быт с образом жизни. «На наш взгляд, — пишет Т. О. Вафаев, — быт — это образ повседневной жизни людей, порожденной определенными условиями материальной жизни общества и обусловленной данной общественно-экономической формацией, выходящей в известном смысле за рамки производства и связанной с непосредственным удовлетворением материальных и духовных потребностей, повседневных нужд, а также с различными обычаями, обрядами, привычками и нормами общежития».[2]

По мнению авторов Л. А. Анохиной, В. Ю. Крупянской и Н. М. Шмелевой «Быт может быть определен как повседневный образ жизни, основывающийся на привычном распорядке, традициях, установившихся в отношениях между людьми и иных явлениях, сложившихся в процессе общественной (в том числе и производственной) деятельности людей, в их семейном и домашнем обиходе».[3]

Нам представляется, что быт и образ жизни людей — не одно и то же. Образ жизни — понятие более широкое, чем быт. Он включает в себя явления из различных сфер общественной жизни: экономики, политики, культуры и быта. Образ жизни — это сама жизнь людей во всем ее многообразии.[4]

Быт формируется под влиянием различных факторов: географических и климатических, экономических и социальных, национальных и профессиональных, политических и идеологических и несет на себе их отпечатки. Исторически быт складывается, как определенный устой, уклад повседневной жизни людей, определенная сторона этой жизни, можно сказать, специфическая форма общности материальной и духовной жизни, а также способ удовлетворения материальных и духовных потребностей отдельного человека, социальных, на-

---

[1] Коммунизм и личность. М., Политиздат, 1964, стр. 285.

[2] Т. О. Вафаев. Некоторые вопросы дальнейшего развития и совершенствования социалистического быта. (По материалам Советского Узбекистана). Автореферат, Ленинград, 1968, стр. 8.

[3] Л. А. Анохина, В. Ю. Крупянская, М. Н. Шмелева. Быт и его преобразования в период строительства социализма. (Советская этнография, 1965, № 4, стр. 16.

[4] Более подробно об образе жизни см. В. Г. Синицын. О советском образе жизни. М., 1967, стр. 4.

циональных и профессиональных групп, короче, общности людей.

В быту, как в специфической форме материальной и духовной общности людей, оставляли свои следы природа, общественный строй, труд людей, их индивидуальные, национальные особенности. Под влиянием всех этих факторов у различных общностей людей постепенно складывается своя бытовая общность, которая включает в себя определенную материально-вещественную сторону в виде предметов, вещей, условий жизни, и духовную — в виде обрядов, традиций, привычек. Эта бытовая общность в течение всей жизни шлифуется, но вместе с тем остается чем-то единым и постоянным в рамках одной общественно-экономической формации, так как в конечном счете она определяется способом производства этой формации. Именно на эту сторону обращает наше внимание В. И. Ленин. Говоря о характерных чертах, отличающих машинную индустрию от предыдущих форм промышленности, Владимир Ильич называет в их числе «и **разрушение обветшалых традиций патриархального быта** (подчеркнуто мной. — **А. Л.**), и создание подвижности населения, и повышение уровня потребностей и развития работника».[1]

Социалистический быт — это условия и уклад повседневной жизни людей социалистического общества, совокупность способов и форм удовлетворения их материальных и духовных потребностей, сложившихся в результате построения социализма, а также различные обычаи, обряды, привычки и нормы общежития. Он несет на себе отпечатки различных общественно-экономических формаций, но определяется социалистическим способом производства.

Экономической основой социалистического быта является общественная собственность на средства производства в двух ее формах, и личная собственность на предметы потребления. Духовной основой социалистического быта является социалистическая мораль и идеология марксизма-ленинизма.

Социалистический быт имеет свое **место среди общественных отношений** и свое **функциональное назначение.** В нашей литературе имеются противоречивые суждения о месте быта в системе общественных отношений. Это объясняется, по-видимому, отчасти тем, что среди ученых нет еще единой точки зрения на структуру общественных отношений, нет еди-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 483.

ного мнения о понятии «общественные отношения» в социальном организме.[1]

Чаще всего быт не находит своего места в структуре общественных отношений. О нем или умалчивают или объединяют его с семьей и культурой в широкой формулировке «семейно-бытовые», «культурно-бытовые отношения». В учебном пособии по научному коммунизму перечисляются следующие общественные отношения: производственные, экономические, социальные, политические, идеологические и семейно-бытовые.[2] В этой структуре быт не имеет самостоятельного места, он представлен в виде семейно-бытовых отношений. Авторы, видимо, придерживаются точки зрения, что отдельно семейных и отдельно-бытовых отношений нет, а есть лишь семейно-бытовые отношения.

В январе 1966 г. в Минске состоялась Всесоюзная конференция по теме: «Изменение социальной структуры советского общества».

В своем докладе доктор философских наук В. С. Семенов, учитывая, что понятия «классовые различия» и «социальные различия» не однозначны, предложил термин «социально-классовые различия».[3] В эти различия, применительно к СССР, он включает:

1) классовые различия между рабочим классом и колхозным крестьянством,

2) социальные различия между людьми преимущественно физического труда, и людьми преимущественно умственного труда,

3) социально-экономические и культурно-бытовые различия между городом и деревней,

4) социальные различия внутри рабочего класса и крестьянства, а также внутри интеллигенции.

Быт, как мы видим, здесь также не имеет самостоятельного места, он объединен с культурой, а бытовые различия объединены с различиями в области культуры. Итак, в одном случае быт объединен с семьей, в другом — с культурой. В одном случае он выступает как элемент общественных отношений, в другом — как элемент культурно-бытовых различий между городом и деревней.

Наиболее обстоятельной работой, где исследуются об-

---

[1] Подробно по этому вопросу см. «Вопросы философии», 1966 г., № 5.

[2] Основы научного коммунизма. Курс лекций. Вып. 3. М., Воениздат, 1965, тема 14.

[3] Вопросы философии, 1966, № 5, стр. 143.

щественные отношения, является монография А. В. Дроздова «Человек и общественные отношения», вышедшая в 1966 г.[1]

Автор определяет следующую структуру общественных отношений. По видам и разновидностям: I. Материальные общественные отношения. Они включают три разновидности: 1) отношение, взаимодействие общества и природы, 2) экономические отношения между людьми. Эта разновидность состоит из следующих элементов: а) отношения по поводу средств производства, б) отношения распределения, в) отношения обмена, г) отношения потребления, д) организационно-хозяйственные отношения, е) отношения соревнования. 3) Третья разновидность материальных отношений — отношения между людьми в процессе роста и движения населения и изменения его структуры. II. Идеологические отношения делятся на виды: а) политические, б) правовые, в) этические, г) эстетические, д) религиозные. III. Духовные отношения.

В своей монографии А. В. Дроздов справедливо критикует Д. И. Чеснокова за то, что он исключает из экономической структуры отношения потребления и что у тов. Чеснокова быт примыкает, а не входит в производство. А. В. Дроздов пишет: «Включая в быт элементы социальных и идеологических отношений, автор (Чесноков Д. И.) не включает в него элементы экономических отношений... Тем самым затушевывается социально-экономическая сущность быта как формы потребления и последняя исключается из сферы общественного производства и экономических отношений».[2]

А. В. Дроздов включает быт в одну из разновидностей экономических отношений, в частности — отношений потребления. Однако, он вынужден признать: «Не подлежит сомнению то, что быт включает в себя, кроме экономических, элементы и других видов общественных отношений».[3]

Быт — сложное, многогранное явление. Он «вездесущ», в той или иной степени быт входит не только в материальные, но и в идеологические общественные отношения. Сложность объекта диктует необходимость вычленения быта в системе общественных отношений. Чтобы глубже разобраться в самом объекте, необходимо прежде всего уяснить себе сам объект, его сущность и структуру, а потом уже выяснять

---

[1] А. В. Дроздов. Человек и общественные отношения. Изд. Ленинградского унив., 1966, стр. 122, 123.

[2] См. там же, стр. 76—77.

[3] См. там же.

взаимосвязь и взаимозависимость быта с другими компонентами социальной структуры. Поэтому, даже с этой точки зрения, не совсем правильно будет привязывать быт к какому-то другому социальному явлению. Кроме того, быт объективно существует как самостоятельное явление, имеет свою форму, структуру и свои функции в нашем обществе.

Явление быта необходимо рассматривать, как уже указывалось, руководствуясь марксистским понятием общественно-экономической формации. Общественно-экономическая формация — это живой, развивающийся организм «саморазвивающееся общественное состояние» (Маркс) с определенным базисом и соответствующей надстройкой. Общество включает в себя многообразие элементов (быт, классы, общности людей и др.). Ряд этих элементов не входят полностью ни в базис, ни в надстройку, но входят в общественно-экономическую формацию, меняются вместе с ней и существенным образом характеризуют ее. Поэтому каждой общественно-экономической формации присущи свои формы и типы бытовых, семейных, классовых, национальных и других отношений.

Социальные явления, не укладывающиеся целиком ни в базис, ни в надстройку, и не составляющие самостоятельного вида общественных отношений, подобно быту, целесообразно назвать компонентами общественных отношений.

Быт, как компонент общественных отношений, появился раньше других компонентов на основе общественной собственности и первоначально носил общественный характер. В сравнении с такими компонентами общественных отношений, как классы, нации он — сквозное явление. Быт присущ всем общественно-экономическим формациям. Каждое социально-важное и знаменательное явление оказывало свое влияние на быт людей и испытывало на себе его влияние. Так, первое, наиболее общее разделение труда, выделение пастушеских, земледельческих племен придало быту профессиональную окраску. С появлением частной собственности, классов быт принимает классовый характер. На формирование быта оказали серьезное влияние образование государства, городов, отделение труда умственного от физического, промышленного от сельскохозяйственного, образование наций. В быту можно найти частицу почти всех общественных отношений. Изучение истории последовательного наслоения различий в быту людей будет иметь свою ценность для понимания последовательности исчезновения этих различий в процессе развития

социалистического быта и его перерастания в коммунистический.

Из всех социальных явлений быт ближе всего к семье. Семья, как и быт, — сквозное общественное явление. Она создает наиболее устойчивую форму быта, как необходимого условия своего существования. В каждом обществе, с одной стороны, имеются семейные различия и семейные отношения, а с другой — бытовые различия и бытовые отношения. Как внутри семьи, так и по отношению к обществу они могут приобретать самостоятельность и обособленность и могут выливаться в форму семейно-бытовую. Однако, на этом основании нельзя лишать семейные и бытовые отношения своей самостоятельности. Любой вид отношений зачастую имеет в себе элементы других отношений, оставаясь самостоятельным.

Каковы основные функции и закономерности развития социалистического быта? Взаимодействие различных элементов общественной структуры подчиняется определенным законам функционирования. На наличие законов функционирования неоднократно обращал внимание В. И. Ленин. В работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» он писал, что для научного понимания общества необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития.[1] В. И. Ленин указывал: «каждая... система производственных отношений является... особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм».[2] Когда социалистический быт по аналогии с другими общественными формациями определяют только как внепроизводственную сферу, только как формы и способы удовлетворения материальных и духовных потребностей, то этим самым его функции сводят к чисто потребительской стороне, то есть неправомерно сокращают его назначение.

В действительности социалистический быт имеет более широкие функции и более широкое назначение. Не претендуя на полноту, считаем необходимым указать на следующие основные функции и назначение социалистического быта:

1. Удовлетворить материальные и духовные потребности

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 165.
[2] Там же, стр. 429.

человека. В большей степени эта задача решается в сфере обслуживания, особенно бытового и культурно-бытового обслуживания;

2. Содействовать повышению производительности труда. Эту задачу в бóльшей степени решает общественный быт, производственный в особенности;

3. Дать возможность человеческому организму лучше подготовиться к предстоящей работе. Большое значение в решении этой задачи играют сфера досуга и семейный быт;

4. Содействовать духовному обогащению, нравственному и физическому совершенству человека социалистического общества. Эта задача решается культурно-бытовыми, оздоровительными и спортивно-массовыми организациями и учреждениями.

Функции и назначение социалистического быта тесно переплетаются с функциями и назначением социалистического производства и социалистической культуры. Однако помимо того, что они не идентичны, формы и средства в решении поставленных задач у них различны. Взять, например, досуг. Он имеет широкое функциональное назначение. Введение пятидневки расширяет досуг советских людей. Пятидневка ныне вошла в быт советских людей. Новый режим труда и отдыха позволяет с одной стороны улучшить производственные, технико-экономические показатели, а с другой — полнее удовлетворить материальные и культурные запросы тружеников нашей страны. Двухдневный отдых позволяет организму лучше подготовиться к предстоящей работе. Новый режим труда создает возможность для лучшего использования рабочего времени, улучшения результатов административно-хозяйственной деятельности участков, цехов, заводов, облегчает осуществление экономической реформы. Назначение пятидневки, досуга, быта во многом совпадают, но на этом основании их нельзя отождествлять. С введением пятидневки произошли большие изменения в одной из сфер быта — сфере досуга. Появились более благоприятные условия для всестороннего развития советского человека и выполнения им своих обязанностей.

Социалистический быт отличается от быта буржуазного общества прежде всего своей **общественной значимостью**. Из средства совершенствования человека, каким быт является в условиях социализма, для буржуа быт превращается в самоцель, в средство нравственного падения человека. Стремление иметь лучший дом, лучшую коллекцию произведений

искусства, сервировку, мебель, одежду у буржуа определяется не трудовой и духовной потребностью, а честолюбием и частнособственнической психологией, инстинктом собственника-стяжателя. Неудержимая страстность к стяжательству порождает в антагонистическом обществе среди господствующего класса, с одной стороны, людей типа Плюшкина, Гобсека — рабов своих вещей, с другой — расточителей типа Ноздрева и мультимиллионера Лупуса.

Главное отличие быта неантагонистических формаций от быта антагонистических формаций состоит в том, что он сформировался на основе общественной собственности на средства производства, лишен антагонистических противоречий, имеет иные функции и выступает перед нами как нечто единое, целостное, прежде всего, как быт всего народа. Общественная собственность на средства производства порождает единство социалистического быта и его общественную форму.

Единство быта и отсутствие антагонистических противоречий в быту неантагонистических формаций — основная закономерность. Разделенность, антагонизм и резкая классовая контрастность — закономерность быта антагонистических формаций. Буржуазное общество доводит этот антагонизм до крайностей.

С построением социализма быт теряет резкую классовую, а в рамках многонационального государства — национальную окраску, приобретает общенациональные черты и общечеловеческую значимость. В улучшении и дальнейшем развитии социалистического быта заинтересованы все социальные группы и прослойки.

Формирование и развитие социалистического быта — сознательный и планомерный процесс. Члены социалистического общества сознательно и активно преобразуют свой быт. В основе этой работы лежит знание законов общественного развития и направляющая деятельность Коммунистической партии. Быт буржуазного общества развивается стихийно, спародически. В буржуазном обществе стремление к улучшению быта и бытовых условий приобретает классовый, индивидуалистический характер.

Равная заинтересованность всего народа в формировании и совершенствовании социалистического быта — закономерность и его отличительная черта.

Особая роль в формировании и совершенствовании социалистического быта принадлежит субъективному фактору, прежде всего деятельности Коммунистической партии и со-

циалистического государства. Субъективный фактор в буржуазном обществе также как быт, культура нации, не един. Два противоположных класса — две противоположные субъективные силы. Степень влияния и соотношение этих двух деятельных сил зачастую определяются конкретной исторической обстановкой. В условиях, когда капитализм был единственной монопольной системой, борьба этих сил, как правило, заканчивалась торжеством буржуазии, как господствующего субъективного фактора. Ныне на стороне угнетенных масс в борьбе за коренные преобразования в жизни, в том числе и в быту выступает социалистическая система.

В капиталистическом мире требование улучшения быта трудящихся — важный импульс демократической борьбы угнетенных масс за социальное равенство. Борьба за ликвидацию неравенства в быту в странах капитализма зачастую сливается с требованиями политического характера, выходит за рамки общедемократических требований. Примером этого могут служить многочисленные выступления бедноты и негров в США, народов Африки и Латинской Америки.

Буржуазное государство, правящие партии вынуждены заниматься бытом трудящихся под давлением масс и мирового социализма. Однако, при решении этого вопроса они всегда исходят из классовых целей. Если капиталист и создает на своем предприятии столовую, кафе, прачечные, душевые и пр., то он руководствуется при этом не гуманными целями, а соображениями «делового человека». Такая забота ему прибыльна и морально выгодна. С одной стороны, она увеличивает его капитал и степень прибыли, с другой — дает ему право говорить о гуманном отношении к своим рабочим. В буржуазном обществе, как мы видим, субъективный фактор (деятельность государства, буржуазных партий) не представляет постоянно действующую и направляющую силу в переустройстве быта всего общества.

Качественно иную роль выполняет субъективный фактор в формировании и развитии социалистического быта. Закономерным явлением в социалистическом обществе служит тот факт, что в формировании быта субъективный фактор является постоянно действующей и направляющей силой. Организация, разумное решение бытовых вопросов в социалистической стране направляются государством и общественными организациями. Определяющим стимулом заботы партии и государства о быте советских людей является развивающееся социалистическое производство, интересы трудово-

го народа. Проблемы жилья, бытового обслуживания, градостроительство и т. п. были и являются объектами постоянного внимания нашей партии и правительства.

В ходе строительства социализма всплывают зачастую и менее широкие общественно-бытовые проблемы. Они разрешаются партийными и государственными органами на местах, исходя из конкретных условий. Однако, в решении любых бытовых вопросов превалирующее значение должен иметь не местнический или национальный подход, а общенародный, общегосударственный.

Роль частного и общественного быта в развитии общества в условиях социализма и капитализма различна.

Опережающий темп развития общественного быта в условиях социализма — закон развития и формирования всего социалистического быта и бытовых отношений.

Руководствуясь этим объективным законом, партия и государство с построением социализма в первую очередь развивают сферу коммунальных услуг и общественного благоустройства. Первые новинки и достижения науки и техники в области быта в нашем государстве становятся достоянием в первую очередь больших коллективов и социальных групп, а не отдельных личностей.

Опережающий темп развития общественного быта оказывает благотворное влияние на совершенствование и развитие всех форм социалистического быта. Чем выше темп развития общественного быта, тем быстрее развивается личный, семейный, производственно-профессиональный и т. п. быт.

Темпы развития общественного быта определяются уровнем и темпом развития производительных сил, а также сознательной, целенаправленной деятельностью партии и государства. Особенно большую роль играют общественные организации в преодолении таких недугов в области быта, как тенденция индивидуализма и личного благополучия, домостроевщина, пренебрежительное отношение к женщине, расточительство и т. д.

В результате формирования и развития социалистического быта устанавливается социальное и национальное равенство в быту, ликвидируются противоположности в бытовых условиях жителей городов и деревни, людей физического и умственного труда. В быт все больше и больше внедряются черты коллективизма, ликвидируются реакционные традиции и привычки, складываются новые общественные традиции

и нравы. Происходит интернационализация быта. Домашний труд электрифицируется, механизируется.

Социалистический быт имеет гуманную общечеловеческую цель: создать такие условия повседневной жизни и деятельности для тружеников социалистического общества, при которых они могли бы наиболее плодотворно трудиться и удовлетворять свои материальные и духовные запросы.

Какова структура социалистического быта?

Как общество в целом, так и его многочисленные социальные явления всегда выступают перед нами, с одной стороны, как нечто целое, определенное и статичное, с другой стороны, как нечто сложное, многообразное и динамическое. Качественная определенность и целостность социалистического быта — это прежде всего структурная целостность и единство. Социалистический быт включает в себя различные элементы материальной и духовной жизни. Все эти многочисленные элементы быта не могут существовать сами по себе, без структурного единства.

Структура быта — это связь, организация и взаимодействие свойственных ему элементов. Эта связь, взаимодействие составных элементов подчиняется определенным, структурным законам. По своей структуре социалистический быт весьма сложное и пока слабо изученное явление. Структура социалистического быта может составить отдельную область социологических исследований. Предлагаемая структура (не претендуя на всесторонний анализ проблемы) в вертикальном плане делится на две области:

1) материальную, вещественную (предметы, вещи, условия повседневной жизни человека),

2) духовную (обряды, обычаи, привычки и т. п.).

В горизонтальном плане структура социалистического быта включает в себя:

1. Основные формы социалистического быта;
2. Основные сферы социалистического быта.

Анализируя внутреннее строение социалистического быта, мы прежде всего видим многообразие его форм: личный быт, семейный быт, городской, деревенский быт, быт производственно-профессионального коллектива, социальной группы и общности людей и т. д. Бытовая общность — сущность всякой формы быта.

Общественный быт выступает перед нами, с одной стороны, как быт всего советского народа, новой многонациональной общности людей, с другой стороны, как быт опре-

деленного производственно-профессионального коллектива. В общественный быт жителей страны социализма входит вся сфера предприятий и учреждений бытового обслуживания, а также общественные бытовые традиции, обычаи, нравы, культура поведения, праздники и т. д. «На основе экономической социальной общности в социалистических нациях активно развиваются интернациональные черты, утверждаются общесоветские традиции строителя коммунизма».[1] В нашей стране выросло поколение людей, воспитанных в духе беззаветной преданности коммунистическим идеалам, убежденных в правоте нашего дела. «Выковался характер советского человека-борца, революционера, сознательного труженика».[2]

Производственно-профессиональный быт — это материальная и духовная бытовая общность людей производственно-профессионального коллектива, сложившаяся в результате конкретной производственной деятельности. Производственно-профессиональный быт включает в себя прежде всего бытовые службы и организации на предприятии, приспособленные к специфике производства, условий труда и отдыха, а также традиции, обычаи, нравы людей этого производственного коллектива. Чем лучше организован и поставлен производственно-профессиональный быт на предприятии, тем производительнее труд его работников и выше рентабельность данного предприятия, тем стабильнее его коллектив.

Национальный быт — это своеобразный уклад повседневной жизни той или иной нации, устойчивые черты их обычаев, обрядов и привычек, сложившихся в течение веков под влиянием социально-экономических, материально-производственных, природно-климатических, местных условий, особенностей исторического пути развития данного народа и проявляющихся в специфике ее национальной кулинарии, в типе жилища, в национальной одежде, в предметах домашнего обихода и внутреннего убранства комнаты.[3]

В многонациональном социалистическом государстве национальный быт хотя и выделяется своей формой, содержание и сущность его во многом однотипны с общенародным бытом. Он национален по форме, но социалистический по содержанию. Ему присущи общие закономерности и тенденции раз-

---

[1] 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС. М., Политиздат, 1967, стр. 38.

[2] Там же, стр. 46.

[3] Подробно см. Т. Вафаев. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата философских наук. Л., 1968, стр. 7.

вития, у него одни и те же основные функции. Он развивается под непосредственным влиянием общественного строя, его базиса и надстройки, социально-классовой структуры, а также идеологии и психологии людей данного общества. Под воздействием общих закономерностей национальный быт все больше и больше теряет свою специфику, интернационализируется. В условиях строительства коммунизма в быту советских наций начинает все больше преобладать тенденция к сближению.

Семейный быт. Из всех форм бытовой общности людей семья, «отношения между мужем и женой, родителями и детьми» наиболее устойчивая и социально важная.[1] В структурном отношении быт семьи имеет свою специфику. Он состоит из элементов общей семейной значимости и бытовых элементов, присущих индивиду. Бытовая общность семьи выражается в общности создания и использования материальных и духовных благ внутри семьи, в совпадении интересов, в выработке определенных нравов и традиций. Но поскольку семья состоит из индивидумов, то индивид в семье выступает носителем не только общесемейного, но и частичного, индивидуального. Индивид формируется не только под воздействием семьи, но и общества.

Структура социалистического быта характерна не только многообразием бытовых форм, но и многообразием сфер. Социалистический быт включает в себя следующие **основные** сферы:

1. Сфера трудовой деятельности;
2. Сфера удовлетворения материальных и духовных потребностей;
3. Сфера воспитания детей и ухода за престарелыми;
4. Сфера досуга;
5. Сфера бытового обслуживания.

Сфера трудовой деятельности. Трудовая деятельность в быту отличается от трудовой деятельности на производстве. Отождествлять эти два вида трудовой деятельности нельзя. Затраты труда в домашнем хозяйстве на приготовление пищи, пошив одежды, ремонт обуви, труд на приусадебном участке — это бытовой труд. Однако, иногда очень трудно найти границу между трудом на производстве и трудом в быту. Мы не разделяем мнение, что трудовая деятельность человека в быту связана лишь с организацией потребления

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 3, стр. 27.

материальных и культурных благ как в рамках всего общества, так и отдельных сел, семей.[1]

Трудовая деятельность человека в быту, в сфере быта так или иначе связана с его трудовой деятельностью на производстве, а зачастую представляет собой вид производственного труда. Кроме того, трудовая деятельность людей в быту может быть направлена как на организацию потребления материальных и духовных благ, так и на организацию их производства. Наши бытовые предприятия, учреждения заняты не только организацией потребления, но и производством материальных благ.

Важной сферой быта является сфера удовлетворения материальных и духовных потребностей. В этой сфере тесно переплетаются между собой элементы социальных, идеологических и экономических отношений, интересы общественные и личные. Правильное понимание диалектики этой сферы позволит с одной стороны содействовать ускоренному развитию социалистического производства, а с другой — наиболее полному и разумному удовлетворению всех материальных и духовных потребностей строителей коммунизма.

Несколько специфична по сравнению с другими **сфера воспитания детей и ухода за престарелыми.** Не имея возможности глубже анализировать ее, ограничимся лишь указанием на то, что она меньше, чем все остальные, связана непосредственно с производством. В этой сфере больше всего чувствуется относительная самостоятельность быта и бытовых отношений. Относительно всех других сфер она более консервативна, в ней более устойчивы и агрессивны традиции, привычки, обычаи. Специфичность этой сферы состоит также и в том, что она примыкает, а во многом и сливается с семьей и семейными отношениями. С одной стороны это — сфера быта и бытовых отношений, а с другой — сфера семьи и семейных отношений. Влияние традиций, привычек, национальных обычаев, социально-политических и даже биологических, географических факторов на воспитание детей и уход за престарелыми — это область бытовых отношений, а их следствие чаще всего вызывает семейные отношения.

Сфера досуга — это свободное время человека, время, которое он использует по своему личному усмотрению. Досуг имеет частную и коллективную форму. Он может протекать в форме общения индивидумов, семей, групп и больших кол-

---

[1] См. «Вопросы философии», 1967, № 3, стр. 12.

лективов. Большое значение в сфере досуга имеют такие формы объединения и общения людей, как клубы, соседские общения, группа товарищей, сверстников, однополчан, профессиональные объединения. Изучение всех этих форм объединения и общения людей в быту имеет большое значение, как с точки зрения изучения структуры быта, так и с точки зрения влияния этих отношений на сознание человека. Однако, до сих пор роль социальных групп вообще и малых групп особенно в сфере быта и досуга изучена весьма слабо.

Несмотря на это, совершенно очевидны следующие положения этой проблемы:

1. Малая социальная группа в сфере досуга имеет большое влияние на социальное поведение человека.

2. Это влияние хотя и относительно самостоятельное, но не абсолютно, ибо в конечном счете взаимодействие как самих групп, так и поведения ее членов определяются социально-экономическим строем. В социалистическом строе эти отношения есть отношения товарищества и взаимопомощи в деле удовлетворения материальных и духовных потребностей. Исключение из этого правила представляют лишь антиобщественные группы хулиганов, спекулянтов, тунеядцев, алкоголиков, воров и т. п. отщепенцев.

В условиях социализма малые социальные группы делятся на формальные и неформальные, т. е. официальные и неофициальные. Формальная группа имеет четкую структуру, официально зафиксированный статус: семья, группа продленного дня, самодеятельные спортивные организации и т. д. Неформальные группы не имеют официально зафиксированного статуса и взаимодействуют на основе общности целей и интересов членов группы: компания друзей, любители-охотники, рыбаки и т. п.

В сфере быта можно выделить несколько видов малых социальных групп:

1. Любительские самодеятельные малые группы.

2. Малые возрастные группы.

3. Группы по принадлежности к полу.

4. Территориально-бытовые группы.

5. Малые социальные группы, связанные семейными и родственными отношениями.

Такое выделение малых социальных групп, естественно

относительно, т. к. в жизни все малые группы подвижны и связаны между собой.[1]

Наконец, последняя, выделенная нами сфера — **сфера бытового обслуживания.** Эту сферу нельзя смешивать со сферой обслуживания.[2] В сравнении с последней сфера бытового обслуживания у́же. Сфера обслуживания, например, включает в себя сферу бытового обслуживания, просвещение и здравоохранение и аппарат местных органов государственного управления, культуру, искусство, кредитные и страховые учреждения. Сфера обслуживания направлена на удовлетворение всех материальных благ и культурных запросов, а сфера бытового обслуживания — непосредственно связанных с бытом, причем чаще всего семейным бытом.

Структура быта в условиях социализма не остается постоянной и неизменной. Она испытывает на себе влияние **базиса, его надстройки** и всех социально-классовых изменений, которые происходят в обществе.

Социалистический способ производства породил не только качественно новый быт людей этого общества, но и новые его формы. Капиталистическому способу производства, например, неизвестны такие формы, как общественный быт, быт всего народа. Это новые формы бытовой общности, вызванные к жизни коммунистической общественно-экономической формацией, это элементы коммунистического быта. Комплекс бытовых услуг, созданных как на отдельных предприятиях, так и в производственных коллективах, особенно в масштабе всего государства, — это достояние всего народа. В рамках общественного быта быстрее устраняются устаревшие традиции, тенденции национализма и шовинизма, быстрее усваиваются новые положительные традиции — коллективизм, интернационализм, профессиональная солидарность, чувство ответственности одного за всех и всех за одного.

---

[1] Подробно по этому вопросу см. В. А. Гаврилов. Малые социальные группы в социалистическом обществе. М., «Знание», 1968.

[2] Подробно см. «Сферы обслуживания». М., «Мысль», 1968.

В. И. БЕЛОЗЕРЦЕВ

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ТЕХНИЧЕСКОГО И НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА

Соотношение технического и научного творчества — многогранная и сложная проблема, имеющая большое методологическое и практическое значение. Она предполагает выяснение характера и специфики целей и задач творчества, объекта творчества, продукта творчества, способов и условий (объективных и субъективных) осуществления творческой деятельности; раскрытие исторического характера связи между различными видами творчества и объективных основ возрастания их единства и взаимопроникновения; особенностей, средств, критериев и структуры творчества. В этой небольшой статье затрагиваются лишь некоторые аспекты данной проблемы.

Не способствует задачам исследования научного и технического творчества как вида духовного производства широко распространенное положение, что научное творчество — это производство новых знаний, а техническое — лишь их практическое применение. Тем самым роль технического творчества сводится к физическому воплощению научных знаний, служению звеном связи науки и производства, формой превращения науки в непосредственную производительную силу и т. п. Иные даже считают это основным отличием технического творчества от научного, что неизбежно ведет к умалению его действительной роли, к отрицанию того, что оно является специфической формой выражения структуры общего процесса познания. С этой позиции наука представляется определяющей силой развития техники и производства, игнорируется исторический характер взаимодействия науки и техники; вместо диалектики их взаимодействия выступает развитие техники как пассивное следствие развития науки.

Осуждение узкоутилитарной трактовки технического творчества и негативной гносеологической оценки его роли не означает отказа от рассмотрения технического творчества как процесса практического применения результатов научной дея-

тельности, процесса создания новой техники — этой «овеществленной силы знания».[1] Но и позитивная гносеологическая оценка роли технического творчества еще не раскрывает существа и содержания этой проблемы.

Отметим сначала более рельефно характерные черты технического творчества.

1. Оно является «практическим созиданием предметного мира», т. е. непосредственным трудом по материализации в иной форме, чем в природе, законов и свойств природных явлений, уже познанных в научном творчестве. «Природа, — писал К. Маркс, — не строит ни машин, ни паровозов, ни железных дорог, ни электрического телеграфа, ни сельфакторов и т. д. Все это — продукты человеческого труда, природный материал, превращенный в органы человеческой воли, властвующей над природой, или человеческой деятельности в природе».[2] Поэтому в отличие от продукта научного творчества, выступающего в идеальной форме, продукт технического творчества служит материальным средством непосредственного «самоутверждения человека как сознательного родового существа».

2. Вместе с тем техническое творчество имеет гносеологический характер, т. е. является специфической формой мыслительной деятельности, умножающей наши познания об объективном мире. При этом в техническом творчестве к продуцированию материального объекта идут через создание его модели в идеальной форме на основе обработки чувственных образов и теоретических расчетов основных компонентов модели. К техническому творчеству целиком относятся слова К. Маркса о деятельности архитектора: «...прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю».[3] В этом существенное сходство структуры технического творчества с художественным, но и существенное ее отличие от структуры научного

---

[1] См.: Из рукописи К. Маркса «Критика политической экономии» — «Вопросы философии», 1967, № 7, стр. 120.

[2] Там же.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 189.

творчества. Если в последнем объективный мир отражается в идеальной форме, то в техническом творчестве он не только отражается, но и реконструируется в материальной форме.

3. В техническом творчестве в наибольшей мере проявляется активность творческого начала человека, ибо в нем не только отражается и воспроизводится существующая природная реальность, но и создается новая — техническая среда общества, которая служит качественно своеобразной материальной средой жизнедеятельности людей и подчиняется новым — техническим и социальным — законам. Более того, техническая среда служит объектом технического творчества; законы ее развития лежат в основе технического творчества и определяют его специфическую природу.

Следовательно, именно в техническом творчестве осуществляется субъективирующая и объективирующая деятельность человека и именно к техническому творчеству прежде всего относятся слова В. И. Ленина: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его».[1]

Объективный идеализм отчуждает эту активность человеческого сознания от человека и обоготворяет ее (в понятиях «абсолютный дух», «мировой разум», «универсальная воля» и т. п.). Субъективный идеализм, беря активность субъекта творчества в отрыве от его деятельности по отражению объективного мира, объявляет последний производным от творчества субъекта. Так, современный английский философ-идеалист Холт пишет: «Было бы вульгарно с материалистической точки зрения заявлять, что первичной является материя... Ясно для каждого здравомыслящего человека, что все материальное есть воплощение идеального, что любая вещь есть осуществление идеи. Машина есть реализация мысли инженера. Картина — воплощение замыслов художника, скульптура — запечатление в мраморе образа, созданного вначале в голове скульптора. Любой общественный строй есть осуществление социальных идей, воли и желаний вождей и правителей».[2]

Понятно, что аргументированная критика этих позиций может быть дана на пути раскрытия объективных и субъективных основ технического и иного творчества, диалектики их взаимодействия. Но и многовековая практика людей служит тому убедительным опровержением. Сотни и тысячи творцов

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 194.

[2] Цитируется по Г. Глезерману. Общественное бытие и общественное сознание. «Московский рабочий», 1958, стр. 40—41.

перпетуум-мобиле неизменно терпели и терпят фиаско, ибо их идеи противоречат объективной природе материи и ее законам; поиски «философского камня» алхимиками были безуспешными, ибо строились без знания природы химических элементов и законов их взаимопревращения друг в друга.

Соотношение научного и технического творчества характеризуется своими особыми чертами, что определяется спецификой природы этих видов духовного производства. Оно имеет исторический характер, меняется с изменением уровня и характера техники, уровня и характера науки, уровня творческого потенциала субъекта творчества и под воздействием социальных форм их развития. Техническое творчество прошло длительный «донаучный период» развития, что определило стихийный и неосознанный характер процесса создания новой техники. Прогресс техники на этом этапе характеризуется господством эмпирической формы ее развития, рутинностью форм технических средств и зависимостью от физической организации работника.

Второй период развития соотношения технического и научного творчества можно назвать «переходным», когда техническое творчество в основном несет черты предыдущего периода, а научное медленно и стихийно развивается, фактически не соприкасаясь с техническим творчеством, или же оказывая лишь крайне слабое, эпизодическое влияние на его развитие. Это характерно периоду от античного времени до XVIII века. В этот период вызревают технические основы для последующего бурного развития теоретических исследований. Прогресс научных знаний, начавшийся со второй половины XV века, не меняет по существу характера соотношения научного и технического творчества. Технические достижения этого периода основываются на практике, уровень и характер техники еще не требуют с необходимостью разработки теоретических основ. Главная задача научного творчества в то время состояла в борьбе за освобождение от засилия схоластики и теологии; в этой борьбе естествознание завоевывало право на существование. Достижения научного творчества в это время еще не приняли формы практически приложимых знаний. «Восемнадцатый век, — писал Ф. Энгельс, — собрал воедино результаты прошлой истории, которые до того выступали лишь разрозненно и в форме случайности, и показал их необходимость и внутреннее сцепление. Бесчисленные хаотичные данные познания были упорядочены, выделены и приведены в причинную связь: зна-

ние стало наукой, и науки приблизились к своему завершению, то есть сомкнулись, с одной стороны, с философией, с другой — с практикой. До восемнадцатого века никакой науки не было; познание природы получило свою научную форму лишь в восемнадцатом веке или, в некоторых отраслях, несколькими годами раньше».[1]

Третий период совпадает в основном с XIX веком, когда научное творчество преодолевает свое отставание от развития технического; оформляются новые отрасли научных знаний на основе крупнейших сдвигов в развитии техники (тепло- и электротехники прежде всего). Эпоха машинной техники создает объективные условия для превращения производства в технологическое применение науки, а последнеи — в предметно-воплощающуюся и предметно-творческую науку.

Начало четвертого периода совпадает примерно с концом XIX—началом XX в.в. Его качественная специфика в том, что в научном творчестве развертываются такие коренные проблемы, которые ложатся в основу стратегических направлений развития техники (радиотехники и электроники, атомной энергетики, автоматизации, кибернетики и др.); разработка теоретических проблем как бы предваряет развитие новых отраслей техники, в то время как раньше дело обстояло как раз наоборот. Опережающее развитие теоретических основ становится условием успешного прогресса техники.

На этом основании некоторые исследователи говорят теперь не только о «ведущей» роли науки, но рассматривают ее и как «определяющую» силу развития техники и производства.[2]

С такой методологической трактовкой проблемы соотношения науки и техники (и производства), научного и технического творчества нельзя согласиться.[3] Гносеологической

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 599.

[2] Так А. А. Зворыкин пишет: «Наука теперь идет впереди техники и, хотя она продолжает решать вопросы, выдвигаемые техникой, эти вопросы более не определяют ни развития науки, ни развития техники. Наука сама ищет главные направления своего развития и все полнее определяет развитие техники и производства». А. Зворыкин. Научно-техническая революция и ее социальные последствия. «Знание», М., 1967, стр. 12. В том же духе и позиция Г. Н. Волкова. См. Г. Н. Волков. Социология науки. М., Изд. политической литературы, 1968, стр. 140.

[3] В нашей литературе уже высказывался ряд веских аргументов против оценки науки как «определяющей» силы развития техники и производства. В этой связи прежде всего следует отметить статью акад. Б. М. Кедрова «Возрастание роли науки в нашу эпоху». («Вопросы философии», 1967, № 5). Автор убедительно показывает, что проблема взаимоотношения науки и техники как выражение проблемы отношения ду-

основой такой оценки роли и места науки в нашу эпоху является целый ряд моментов: смешение понятий «идти впереди», «предвидеть» и «определять» развитие; смешение вопросов о сущности и о форме процесса; трансформация активности и роли науки как необходимого фактора и условия развития техники и производства в фактор их «определяющей» силы развития; смешение появления новых функций науки с коренным изменением места духовного и материального в процессе их взаимодействия; абсолютизация относительной самостоятельности, внутренней логики развития науки и недооценка относительной самостоятельности, внутренней логики развития техники; абсолютизация факта «опережения» наукой развития техники и производства и недооценка факта ее отставания от их развития; недооценка того, что критерий истинности научных знаний — не в науке самой по себе, а в конечном счете в развитии техники и производства. Поэтому настаивание на роли науки как «определяющей» силы развития техники и производства при преувеличении указанных гносеологических причин не исключает возможности идеалистической интерпретации обсуждаемой проблемы.

Дело в том, что вне определяющей роли возможностей и потребностей общества, производства, техники развитие науки выглядит как самоцель в отрыве от материальных факторов ее развития. Несмотря на кажущуюся независимость проблематики науки в наши дни от потребностей производства, социальных факторов и форм ее организации, несмотря на ее огромную роль в раскрытии и прогнозировании путей развития техники и производства, определяющая роль последних по отношению к развитию науки ныне так же несомненна, как и на всех этапах взаимодействия науки и техники в прошлом. Как в прошлом, так и теперь «независимость»

ховного и материального в своем существе не меняется. (Определяющая роль и ныне остается за материальным — за производством, за общественно-исторической практикой, но форма их взаимодействия изменяется, развиваются и изменяются функции науки, возникают и разрешаются новые формы противоречий между наукой и техникой. «Дело в том, — пишет Б. М. Кедров, — что техника, производство, будучи заинтересованы в практическом использовании новых объектов природы, сами по себе не в состоянии решать (присущими им приемами и методами) «разведывательные», а тем более «саперные» задачи. Поэтому-то они и высылают вперед «разведывательные» и «саперные» отряды ученых, которые решают эти задачи своими особыми, *научными* способами и средствами» (стр. 20).

науки в постановке проблем и в определении направления своего развития в конечном счете является иллюзией ученых, как и разговоры некоторых из них об абсолютной свободе научного творчества. Вся трудность состоит в раскрытии конкретных форм связи и путей взаимного влияния науки и техники на различных этапах их развития.

Наука XX века трудится над решением проблем, различных по своему характеру, сложности, важности и условиям возникновения. В их числе проблемы, порождаемые собственным ходом развития техники и производства, выдвигаемые собственными потребностями науки, поставленные наукой, техникой, производством в прошлом, но не осуществленные из-за отсутствия научных, технических или социальных возможностей, выражающие перспективные потребности развития общества, производства, техники и науки, но средства и возможности решения которых не созданы, не добыты. Но, как показывает история науки и техники, проблемы, выдвигаемые ходом самой науки, разрабатываются в конечном счете в интересах решения проблем, порождаемых потребностями общества, производства, техники. Можно также говорить о выражении в проблематике научного творчества близких или далеких, текущих или перспективных, прямых или опосредствованных потребностей производства и техники, но нет оснований говорить о ее «независимости» от последних.

Нередко говорят о том, что исследования структуры атома и его ядра в начале XX века возникли вдали от потребностей производства; отмечают также, что до конца тридцатых годов нашего века многие ученые, разрабатывавшие атомную теорию, не допускали возможности или не видели путей и способов практического приложения результатов их исследований. Все это приводится в интересах доказательства «определяющей» роли современной науки. Однако проблема изучения состава, свойств и структуры различных форм материи возникает не в начале XX века, а задолго до этого и выдвигается она под влиянием потребностей производства. На умозрительной основе она уже разрабатывалась, в частности, древними греками.

Первые шаги по пути практического изменения свойств, состава и структуры природных материалов были сделаны человеком уже с производством и освоением металлов, с получением сплавов в целях создания новых орудий труда и более совершенных технологических процессов. Именно потому, что эта проблема отвечала потребностям производства

и общества, результаты исследования структуры атома и его ядра, несмотря на то, что даже ведущие физики-атомники долгое время не усматривали путей их практического приложения, уже в начале сороковых годов получают выход в практику.

Из того факта, что ученые часто не представляют путей практического использования результатов научных исследований, видно, что техническое творчество — не простой акт приложения научных знаний и практической их проверки, а особый вид творческой деятельности со своей специфической природой. Техника как объект технического творчества является не просто реализацией знаний о природе, она имеет свои законы развития. Их знание также лежит в основе технического творчества. Наука ведет разведку во имя удовлетворения потребностей техники и производства. Реализация ее прогнозов всецело определяется объективными возможностями техники, производства, общества. Но и успех самого научного поиска обусловлен уровнем материально-технической базы науки.

Это положение в наибольшей мере характерно для современной науки. Экспериментальная техника все более приобретает характер производственной техники, научные коллективы все шире включают профессии и контингенты сферы производства, сама научная деятельность становится в силу этого «индустриальной». Другими словами, научное и техническое творчество направлены на решение одних и тех же задач развития производства, только пути, методы и возможности у них разные. И лишь совместное развитие научных, технических и социальных возможностей обеспечивает успешное решение этих задач.

Наука развивается не сама по себе, а на основе противоречивого взаимодействия с техникой. Соотношение научного и технического творчества на разных этапах исторического развития существовало в форме различных противоречий, разрешаемых неодинаковыми способами и средствами и с получением разных результатов. В XIX веке преобладают противоречия между отстающей наукой и идущей впереди техникой; результат их разрешения — прежде всего возникновение новых теорий и научных отраслей, постановка новых научных проблем, подтверждение, развитие или опровержение прежних теорий. В XX веке преобладают противоречия между прогрессирующей наукой и менее быстрыми темпами развития техники и еще более медленными темпами разви-

тия производства. Результат их разрешения — прежде всего рождение новых технических объектов, новых направлений технического прогресса, новых отраслей производства. В этих условиях, следовательно, возрастает определяющая роль техники и производства как критерия истинности научных теорий и прогнозов.

Однако и в нашу эпоху большое место занимает форма противоречия, преобладавшая в прошлом веке во взаимодействии науки и техники. И сейчас имеет место отставание отдельных отраслей научного творчества от потребностей и возможностей развития техники и производства. Учет данного обстоятельства имеет большое методологическое и практическое значение.

Эта форма противоречия проявляется при осуществлении таких технических решений, которые ломают старые теории и кладут начало новым направлениям в технике и производстве. Так, точное литье ныне стало признанным направлением технологии производства, но совсем недавно дело обстояло иначе. В ответ на идею литья деталей больших размеров с различной степенью точности ее отдельных участков видный ученый-металлург ответил ее автору Д. Киселеву: «...как старый специалист в области металлургии, смею заверить, дальше художественного литья из чугуна точное литье не пойдет, ибо со времени изобретения его в древнем Китае прецезионное литье до наших дней так и не нашло своего развития. Факт, который заставит задуматься всякого компетентного человека. И для всякого, способного думать не дилетантски, достаточно, чтобы даже не разговаривать на эту тему. Что же до предложенного Вами, молодой человек, ...то, простите за грубость, Ваши комбинации кажутся мне хулиганством в науке».[1] Но Д. Киселев и его помощники осуществили эту «хулиганскую» техническую идею. Осмысливая свой опыт технического творчества, Д. Киселев пишет: «Когда я спрашиваю себя, как действительно мне, новичку в металлургии, удалось придти к правильному выводу, я кажется нахожу верный ответ: мы, производственники, сами проводили в цехе опыт за опытом, следили за течением технологического процесса, смотрели, сравнивали, учитывали тонкости. Эти опыты фиксировались в сознании, хочется сказать, развивали фантазию. Опыт — самый великолепный

---

[1] Д. Киселев. Поиски конструктора. ВЦСПС. Профиздат, 1960, стр. 109—110.

учитель, который иной раз вводит новое в науку и практику явочным порядком».[1]

Рассматриваемая форма противоречия между наукой и техникой проявляется и в тех случаях, когда в ходе технического творчества осуществляются также технические решения, создающие основу для развития техники с широким диапазоном действия и требующие разработки теории тех или иных процессов. Изобретатель Л. Н. Юткин около двадцати пяти лет назад обратил внимание на казавшееся тогда невероятным явление — при электрическом разряде в воде в зоне прохождения искры образуются сверхвысокие давления, равносильные мощному взрыву (мгновенная мощность разряда равна мгновенной мощности Днепрогэса). Изобретатель выявил пути практического использования электрогидравлического эффекта (ЭГЭ) и указал около 150 способов его применения — в дроблении камня, пастеризации молока, измельчении любого вещества до тончайших частиц, штамповании деталей из различных материалов и др.[2] Развитие техники высоких давлений в десятки тысяч атмосфер имеет огромное значение и для научного творчества. В свое время даже считалось, что получить такие высокие давления в принципе невозможно. Доктор технических наук В. В. Войцеховский создал серию гидропушек, развивающих давление в десятки тысяч атмосфер.[3]

В 1956 году токарь А. И. Чудиков подал заявку на изобретение — сварка металлов трением. В опытах он получил сварное соединение на обычном токарном станке. Основная идея и принципиальная схема процесса, предложенные токарем, были подтверждены в НИИ электросварочного оборудования. Для дальнейшего развития процесса потребовалось специальное оборудование. Были выяснены преимущества этого процесса: высокий к.п.д. и производительность, гигиеничность, возможность получения высокопрочных соединений, сварки ранее неосуществимых разнообразных сочетаний металлов и сплавов. Ряд НИИ разработали научные основы процесса сварки трением. Разработана технология сварки более трехсот пар разноименных материалов, создана серия полуавтоматов и автоматов и ряд машин специального наз-

---

[1] Д. Киселев. Поиски конструктора, стр. 110—111.

[2] Вл. Попов, А. Михалевич, Е. Рябчиков, Н. Столяров. Любовь и коварство. — «Известия», 1964, 4 января.

[3] Рассказывает академик М. А. Лаврентьев. — «Известия», 1963, 13 ноября.

начения. Процесс сварки трением находит применение во многих отраслях. «Русская сварка» принята за рубежом. Ей посвящено уже более 450 работ, из них около 200 зарубежных.[1]

Создание квантовых генераторов было бы немыслимо без предварительной разработки теории процессов, лежащих в основе генерирования прямых тонких пучков света. Но, в свою очередь, техническая разработка этих генераторов привела к обнаружению явлений, кладущих начало новому направлению в физике — нелинейной оптике. Физикам пришлось пересмотреть процессы взаимодействия энергии с веществом. Выяснилось, что вещества, прозрачные для обычных потоков энергии, меняют свои свойства при ее больших плотностях, начинают сильно поглощать энергию, превращаясь таким образом в малопрозрачные. В то же время обнаружено и другое явление: вещество, сильно поглощавшее энергию небольшой плотности, как бы просветляется при ее увеличении. Сферы применения новых изобретений не выявляются сразу и всегда можно ожидать открытия новых явлений и возникновения новых разделов и направлений науки при обнаружении «неожиданных» сфер приложения технических идей. Специфика современной техники состоит не только в том, что ее разработка предполагает теоретические основы, но также и в том, что своим развитием техника определяет возникновение новых научных проблем и разработку фундаментальных теорий.

В процессе технического творчества осуществляются такие технические решения, которые требуют нового теоретического подхода и воспринимаются порою даже учеными специалистами как противоречащие незыблемым законам науки. Наглядным примером может служить драматическая борьба вокруг коаксиальных термогенераторов инженера Т. Ф. Благушко. Он предложил новый принцип электрического нагрева. В проводник, сделанный из металлической трубки, вставляется другой, более тонкий; проводники точно выверены по оси и включаются в сеть переменного тока так, чтобы по внешнему и внутреннему участкам ток шел на встречных направлениях. В этих условиях возникает «эффект близости»: электрические и магнитные поля как бы «втягиваются» внутрь, а сама трубка быстро нагревается, причем поверхность ее «обесточивается» и практически совершенно электро-

[1] С. Медьбард. Сварка трением. — «Правда», 1967, 11 октября.

безопасна. Основанные на таком принципе теплогенераторы просты по конструкции, дешевы и долговечны, могут применяться в различных отраслях промышленности и пользуются большим спросом. Однако, в МЭИ это изобретение не признали и в решении Ученого Совета осудили как «дело, не имеющее ни общественной, ни технической ценности». Некоторые профессора института утверждали: «Предполагать, что не убьет — все равно, что предполагать, верны ли законы Ома! Проверять здесь основные элементарные законы совершенно неуместно». «Нас захлестывает мутная волна лженауки. Рассматриваемый нами предмет существует только для того, чтобы учинить здесь скандал».[1]

В свете сказанного можно утверждать, что неверно представлять современную технику как производную функцию науки, а техническое творчество — только как практическое приложение научных знаний. Всякая односторонность не совместима с реальной диалектикой взаимодействия научного и технического творчества. Опосредствующее развитие науки и техники и производства — такова сущность этого взаимодействия.[2] По самой своей природе как этапный, промежуточный продукт технического творчества (реальная модель), так и конечный его продукт (новый технический объект) выступают формой разрешения диалектического противоречия между теорией и практикой — в них воплощаются законы науки, выражающие общее и существенное, и в то же время в них отражаются конкретные условия их функционирования в производстве (многообразные формы проявления законов в конкретных связях и отношениях, взаимодействие материала, структуры и функций в связи с состоянием объекта труда и его реакциями на действия технического средства и др.). Продукт технического творчества является формой выражения единства определенных законов природы и самой техники, конкретных условий их действия и конкретных способов их реализации. В силу многообразия форм проявления одних и тех же законов в различных конкретных условиях

---

[1] В. Галич. Цена амбиции. «Известия», 1965, 19 декабря.

[2] Доказывая определяющую роль развития техники и производства по отношению к науке, мы вовсе не отрицаем решающее значение последней в их современном развитии. Более того, собственные потребности науки вызывают к жизни новые элементы и даже отрасли техники, а научные открытия порождают направления техники, которые не могут возникнуть в ходе ее собственного развития. Но, становясь элементами техники, эти порождения оказывают определяющее воздействие на дальнейшее развитие науки.

различны и разнообразны способы их реализации. В техническом творчестве осуществляется и познавательная деятельность; в нем не только движение от теоретических знаний к способам технической реализации законов и условий их действия, но и наоборот — движение к новым теоретическим знаниям (т. е. движение от общего к конкретному и от конкретного к общему).

Изменение уровня и характера науки и техники ведет к усилению связи научного и технического творчества, к их взаимопроникновению — к «онаучиванию» технического и «отехничиванию» научного творчества. Овладение атомной энергией, освоение Космоса, раскрытие механизма фотосинтеза и т. д. — научно-технические проблемы, решение которых возможно лишь совместными силами научного и технического творчества. Их взаимодействие можно охарактеризовать как отношение цели и средства и наоборот. Научное творчество использует технику эксперимента и проверки и через нее реализует свою цель; техническое творчество — научные знания и через их материализацию осуществляет свою цель. Их единство выражается и в общности их социальной функции — обеспечивать прогресс общества в материальном и духовном развитии. Выражаясь языком кибернетики, взаимодействие науки и техники носит характер обратной связи.

Единство и общность научного и технического творчества не исключают их различия. Однако эти различия не имеют абсолютного характера. Научное творчество объектом своим имеет природу, которая существует и изменяется независимо от него. В зависимости от уровня науки и техники меняется предмет научного творчества, круг проблем и глубина их познания. Цели и задачи научного творчества — в раскрытии новых явлений, сил и материалов, свойств и законов природы. Открытие всего этого не означает их создания или преобразования.

В техническом творчестве природа служит объектом преобразования через технические средства. В нем она реконструируется. Собственным предметом технического творчества служит сама техника в системе материальных явлений природного и социального мира; она же и продукт его.

В техническом творчестве поиск всегда подчинен задаче создания определенного материального объекта, удовлетворяющего конкретные потребности человека и производства. Именно в техническом творчестве прежде всего цель вы-

ступает как конкретное представление о том объективном результате, на достижение которого направлена деятельность. Продукт технического творчества создается с учетом природы человека во всех ее проявлениях. Он также должен отвечать и определенным социальным потребностям данного общества. Поэтому в уровне и характере техники отражается эпоха. По ее состоянию судят о различных эпохах общества. В техническом творчестве имеется конкретно-историческая оценка продукта деятельности. Все это находит свое отражение в специальной системе понятий, выражаемых в техническом творчестве.

В отличие от технического творчества научное не подвержено такому непосредственному влиянию потребностей и социальных мотивов, а его продукт не является исторически преходящим. Хотя и в научном творчестве к решению проблемы можно идти различными путями, но результат бывает однозначным, поскольку речь идет о верном отражении объективно существующего. В научном творчестве открывается и познается то, что существует в объективном мире и до, и после процесса творчества, но что не было известно ни субъекту познания, ни другим людям. В техническом творчестве на основе знания объективного мира создается то, что не существовало до процесса творчества и никому не могло быть известно.

Продукт научного творчества сам по себе не обладает функциями и не содержит цели. Продукт технического творчества наделен определенными функциями, но также не содержит цели. Можно говорить о цели творческой деятельности (достижение новых знаний, создание новых объектов техники), но не о целях ее продуктов. Можно говорить о цели применения технического объекта, но не о цели самого объекта. В ином подходе кроются попытки мистификации техники. «Микроскоп, — пишет буржуазный философ Ф. Дессауэр, — увеличивает, но его цель шире, чем это, — она состоит в познании мельчайших предметов. Цели всегда являются более возвышенными и широкими, чем назначение».[1] Однако, цели применения техники могут быть и возвышенными и низменными в зависимости от природы социального строя. В интересах протаскивания идеализма в трактовке научного и технического творчества иные теоретики предлагают

[1] F. Dessauer. Streit um die Technik. Frankfurt am Main, 1956, S. 146.

«целевую» характеристику их продуктов (открытий и изобретений). Так П. К. Энгельмейер, работу которого в свое время одобрил Э. Мах, писал: «Разница между тем и другим (открытием и изобретением — **В. Б.**) только субъективная и дается лишь телеологической оценкой данного факта».[1] Еще более отчетливо его позиция выражена в другом положении: «Каков бы ни был мир «сам по себе», то есть независимо от наших чувств, все, что мы «знаем о мире», мы это сами создали, придумали. Вот точка зрения эмпириокритицизма. В этом смысле всякое «открытие» есть «изобретение» мысли...», «отвечающей определенным требованиям целесообразности».[2] В данном случае П. К. Энгельмейер, в отличие от современного философа-идеалиста Холта (о нем упоминалось выше), дает идеалистическую трактовку технического творчества путем идеалистической интерпретации гносеологического компонента его продукта.

Показ единства и общности научного и технического творчества — методологически и практически важная задача. Однако в литературе наблюдается попытка за этим единством не замечать их специфики, не видеть другой задачи — показа своеобразия научного и технического творчества как видов духовного производства. Такая тенденция проявляется, например, в книге Г. Н. Волкова «Социология науки». Науку и технику он предлагает рассматривать как области единой теории, как стороны единого целого — «научно-технической деятельности».[3]

Стирание специфики этих видов духовного производства Г. Н. Волков осуществляет путем преувеличения гносеологического компонента в техническом творчестве, которое расценивается как разновидность исследовательской деятельности. Недооценка технического творчества как вида духовного производства выражается в характеристике его как «промежуточного явления» между собственно научной и собственно производственной деятельностью. В сфере каждой науки области «технических исследований» выступают как «нижние этажи» исследовательской деятельности.[4] Волков не видит в техническом творчестве своих методов поиска решения технических задач и говорит лишь о том, что методам научного труда соответствуют аналогичные методы в труде техниче-

---

[1] П. К. Энгельмейер. Теория творчества. СПБ, 1910, стр. 57.
[2] Там же, стр. 52.
[3] Г. Н. Волков. Социология науки. Стр. 9—10.
[4] Там же, стр. 131.

ском. В довершение ко всему он заключает: наука и искусство являются «двумя основными формами творчества человека».[1]

Фактический отказ Г. Н. Волкова от анализа различий научного, технического, художественного (и социального) творчества как своеобразных видов духовного производства продиктован двумя постулатами: а) все различия по признакам, которые сформулированы в начале статьи, объявляются несущественными или даже «несостоятельными»;[2] б) важным признается лишь анализ самого процесса творческой деятельности.[3]

Но такой отрыв процесса творческой деятельности от анализа специфики предмета, целей, продукта и др. в различных видах духовного производства приводит Г. Н. Волкова лишь к общим абстрактным рассуждениям о роли эмоций, воображения, фантазии, интуиции в творческой деятельности. Собственно специфическое в техническом творчестве, помимо всего прочего, состоит в превращении идеального в материальное. Поиск общих психологических факторов и механизмов процесса творчества не приводит к раскрытию этой специфики, не выявляет зависимость творчества от объективных основ. Вне связи с последними нет возможности понять и структуру субъективных основ творчества, неоднородных по характеру и роли. Остается втуне и проблема методов различных видов творчества. И что особенно важно, при этом вне поля зрения остается личность творца, целая группа индивидуальных факторов творчества личности. Но без этого не получить картину творчества как субъективного процесса. Не отрицая значение анализа общего психологического механизма творческого процесса при любом его содержании, мы против сведения всей проблемы субъективных основ творчества только к этому моменту.

Без анализа различных видов духовного производства по рассмотренным факторам сама творческая деятельность выступает не как предмет социологического исследования. Его анализ становится абстрактным, теряет предметно-содержательный, конкретно-исторический характер. Это особо следует подчеркнуть в связи с отказом от рассмотрения специфики видов духовного производства по продукту деятельности. Продукт технического творчества является и его предметом. В

---

[1] Г. Н. Волков. Социология науки. Стр. 314.
[2] Там же, стр. 291.
[3] Там же, стр. 127.

отличие от продукта научного творчества он имеет преходящий характер. Специфика методов технического творчества обусловлена характером его предмета и задач, особых условий его осуществления. Характером продукта творчества обусловливаются и последствия его использования. Без анализа продукта не раскрыть уровней и форм организации технического творчества, стимулов, критериев и эффективности его. Без анализа продукта технического творчества не понять его внутренние источники, относительную самостоятельность его развития, структуру субъекта технического творчества, специфику методов поиска на различных этапах создания нового технического объекта и т. д.

Как и любой вид духовного производства, техническое творчество протекает не по законам «рабочего времени». Но почему-то в нашей практике (и теории) вопрос о кадрах технического творчества не ставится так, как в научном или художественном творчестве; если в отношении последних видов духовного производства говорят как об уделе всех лишь в неопределенном будущем, то, напротив, считают, что техническим творчеством могут заниматься все, так сказать, между дел. В системе Академии наук СССР нет ни одного учреждения, которое занималось бы разработкой теории технического творчества, научной организацией и обобщением его практики и другими кардинальными вопросами. Назрела необходимость развития общей теории «техниковедения», как это уже делается в отношении науки.

Г. П. КАПКАНЩИКОВ

СУЩНОСТЬ МАТЕРИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ И ИХ СОЧЕТАНИЕ

На современном этапе развития социалистического общества неизмеримо возрастает значение целого ряда проблем экономической науки, среди которых немаловажная роль принадлежит материальным интересам.

Длительное время анализу этой категории в нашей литературе не уделялось должного внимания. Лишь за последние годы опубликовано несколько работ, где вскрываются сущность материальных интересов при социализме, дается характеристика их взаимодействия, форм и методов сочетания.[1]

Материальные интересы играют решающую роль в экономической жизни общества, а поэтому их изучение необходимо для глубокого понимания процесса развития любого способа производства, в том числе и социалистического.

Как экономическая категория, материальные интересы выражают экономические отношения между людьми в процессе производства материальных благ, их распределения, обмена и потребления.

Марксизм-ленинизм учит, что сущность материальных интересов следует искать не в сознании людей, а в объективных условиях экономической жизни общества. Каждый человек, чтобы существовать и развиваться, должен постоянно

[1] См.: И. Я. Обломская. Материальная заинтересованность — экономическая категория социализма. М., «Мысль», 1964. А. Г. Здравомыслов. Интерес как категория исторического материализма. — «Вестник ЛГУ», серия «Экономика и философия», выпуск III, 1959, № 17. В. Н. Лавриненко. Интерес как категория исторического материализма. — «Вестник МГУ», серия «Экономика и философия», выпуск VIII, 1964, № 1. Г. Е. Глезерман. Интерес как социологическая категория. — «Вопросы философии», 1966, № 10. Т. А. Кулиев. Проблема интересов в социалистическом обществе. М., «Мысль», 1967, и другие.

удовлетворять свои материальные, физические, духовные и другие потребности. Человек — существо общественное, он не может жить обособленно. Поэтому основой являются не индивидуальные, а общественные потребности, формирование которых происходит в рамках таких ассоциаций, какими являются семья, национальность, государство и под воздействием тех экономических отношений, которые складываются независимо от сознания людей, в процессе производства необходимых материальных благ. Содержанием материальных интересов являются объективные потребности людей в пище, одежде, жилище и др., обусловленные производственными отношениями на том или ином этапе развития общества. Если бы у людей не было необходимости в потреблении материальных благ, то у них не было бы и материальной заинтересованности, отсутствовал бы и материальный интерес.

На формирование потребностей людей влияют многие факторы. К ним следует отнести уровень развития экономики и культуры, принадлежность людей к определенному классу и др. Решающее же значение в формировании потребностей имеет состояние и уровень развития производительных сил общества, определяющих объем и структуру материального производства. Потребности и производство взаимно обусловливают друг друга. «...Каждое из них, — писал К. Маркс, — выступает как средство для другого и одно опосредствуется другим, что находит свое выражение в их взаимной зависимости. Это—движение, благодаря которому они вступают в отношения друг к другу, как настоятельно необходимые друг для друга...».[1]

Взаимодействие между производством и потребностями складываются на основе господствующих в обществе производственных отношений. Поэтому потребности сами по себе не являются побудительной силой, воздействующей на производство. Это воздействие они оказывают через определяемые ими материальные интересы людей. Иными словами, материальные потребности обусловливают материальные интересы, а последние оказывают влияние на производство материальных и духовных благ. Следовательно, материальные интересы носят объективный характер и выражают отношения между людьми, связанные с процессом производства и присвоения созданного продукта. Объективный характер интере-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 719.

сов заключается в том, что они порождаются не сознанием, а общественно-экономическими условиями жизни людей.

Классики марксизма-ленинизма характеризовали материальные интересы как экономическую категорию, выражающую определенные производственные отношения. К. Маркс в предисловии к первому изданию первого тома «Капитала» писал: «Фигуры капиталиста и земельного собственника я рисую далеко не в розовом свете. Но здесь дело идет о лицах лишь постольку, поскольку они являются олицетворением экономических категорий, носителями определенных классовых отношений и интересов».[1] Открытый Марксом закон прибавочной стоимости вскрывает сущность капиталистических производственных отношений, присущий материальный интерес господствующих классов, выраженный в цели капиталистического производства: «Производство прибавочной стоимости или нажива — таков абсолютный закон этого способа производства».[2] Этим самым К. Маркс доказал, что в основе присвоения прибавочной стоимости классом капиталистов, ненасытного стремления буржуазии к своему обогащению путем эксплуатации трудящихся лежит не испорченность нравов или дурные наклонности, а «насущнейший интерес господствующих... классов».[3]

В капиталистическом обществе, базирующемся на частной собственности на средства производства, интересы общества и интересы отдельных классов не совпадают и между ними существуют антагонистические противоречия. Дальнейшее развитие производительных сил требует ликвидации частной собственности на средства производства и замены ее общественной собственностью. Это соответствует интересам трудящихся, интересам подавляющего большинства членов общества. Однако интересы господствующих классов, в собственности которых находятся средства производства, диаметрально противоположны интересам общества. В целях сохранения существующего строя и отношений эксплуатации буржуазия всячески приспосабливается к новым историческим условиям, используя для этого силу капиталистического государства, прогнозирование и программирование экономики, различные формы стимулирования и др. Но такими мерами невозможно устранить антагонистические противоречия

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 10.
[2] Там же, стр. 632.
[3] Там же, стр. 9.

между интересами при капитализме, при сохранении частной собственности на средства производства. Экономические законы капитализма не прекращают своего действия как слепых принудительных сил.

В социалистическом обществе материальные интересы выражают принципиально иные социально-экономические отношения, базирующиеся на общественной собственности на средства производства и характеризующиеся коллективизмом, товарищеской взаимопомощью и сотрудничеством.

С утверждением общественной собственности на средства производства совершенно меняется способ соединения рабочей силы со средствами производства и характер взаимоотношений между материальными интересами отдельных граждан и общества в целом. Здесь соединение индивидуальных рабочих сил в совокупную рабочую силу осуществляет общество, которое одновременно является ассоциацией самих производителей. Поэтому рабочая сила перестает быть товаром. При социализме происходит непосредственно общественное соединение рабочей силы со средствами производства. Такой непосредственный характер связи между работником и обществом является основой единства общественных и личных интересов при социализме. Произошло и коренное социально-классовое изменение характера труда, когда, по выражению В. И. Ленина, «впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров является возможность работы на себя, и притом работы, опирающейся на все завоевания новейшей техники и культуры».[1] Труд для общества сливается с трудом для себя.

Единый экономический интерес, единая цель общества стали возможными только при социализме на базе общественной собственности на средства производства. В нем находит свое проявление основной экономический закон социализма, заключающийся, по характеристике В. И. Ленина, в планомерном развитии производства материальных благ «для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества».[2]

Итак, материальные интересы — это объективная экономическая категория, выражающая определенные стороны экономических отношений. Тем не менее, некоторые экономисты

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 196.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 232.

трактуют интересы как субъективное явление общественной жизни.[1]

Материальные интересы при социализме — это конкретная форма проявления социалистических производственных отношений, общественной собственности на средства производства, коллективизма и взаимопомощи между дружественными классами, а так же личностью, производственными предприятиями и обществом в процессе воспроизводства общественного продукта для удовлетворения постоянно растущих материальных потребностей трудящихся.

Система материальных интересов при социализме включает в себя общенародный интерес, интересы коллективов предприятий и личные интересы трудящихся. Ведущее место принадлежит общенародному материальному интересу, который обусловливает перспективу развития общественного производства и всемерное повышение его эффективности. На этой основе происходит постоянный рост благосостояния всего народа, обеспечение единства интересов социалистического общества. Общественная собственность на средства производства объединяет всех трудящихся в единый союз ассоциированных производителей и порождает у них общественную материальную заинтересованность, единство коренных материальных интересов. Развитие общественного производства имеет своей главной целью обеспечить всем трудящимся повышение жизненного уровня, улучшение условий труда и быта, обеспечение возможностей для всестороннего развития личности. Необходимыми предпосылками решения этих задач является высокий уровень развития производительных сил, постоянное совершенствование форм и методов руководства общественным производством. В. И. Ленин указывал: «Главнейшим и самым коренным интересом пролетариата после завоевания им госвласти является увеличение количества продуктов, повышение в громадных размерах производительных сил общества».[2] Это ленинское положение приобретает еще большую значимость в современных условиях строительства коммунистического общества в нашей стране. В Программе

---

[1] См., например, статью М. Михайлова «Проблема интересов в социалистической экономике», где он пишет: «Интерес — повелительный мотив в образе мышления людей, двигательный импульс их поведения, безотносительно к тому, идет ли речь о мышлении психологии и поведении отдельного человека, производственного коллектива или всего общества», — «Вопросы экономики», 1965, № 4, стр. 62.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 345.

КПСС говорится: «Цель социализма — все более полное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей народа путем непрерывного развития и совершенствования общественного производства».[1]

Коллективный материальный интерес при социализме является выражением материальных потребностей предприятий — первичных хозяйственных ячеек нашей экономики. Для своего функционирования предприятия наделяются обществом необходимыми трудовыми, материальными и денежными ресурсами. Они выступают как самостоятельные единицы, осуществляющие свою деятельность на основе принципов хозяйственного расчета. Это обусловливает наличие у каждого коллектива предприятия своего обособленного материального интереса. Мы разделяем точку зрения ряда экономистов о том, что сущность материального интереса предприятия может быть понята на основе анализа положения предприятия как экономически обособленного звена нашей экономики.[2]

Экономическая обособленность предприятия выражается в самостоятельной организации процесса производства на основе принципов эквивалентности и возмездности, в обособлении производственных фондов, доходов и расходов от доходов и расходов общества и других предприятий и т. д. Существование обособленных экономических потребностей у предприятия как товаропроизводителя и обусловливает наличие специфического материального интереса. Как экономически обособленное звено социалистической экономики каждое предприятие имеет свой материальный интерес, выражающий отношения между предприятием и обществом, предприятием и каждым его работником по производству, распределению, обмену и потреблению общественного продукта. Объектом материального интереса предприятия является определенная часть общественного продукта, обособляющаяся на уровне каждого предприятия в зависимости от уровня хозяйствования этого коллектива. Обособившаяся часть общественного про

---

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967, стр. 15.

[2] См.: Ю. М. Зиновьев. Прибыль и повышение эффективности социалистического производства. М., «Мысль», 1968, стр. 71; Ф. Л. Талалай. К вопросу о природе и системе материальных интересов при социализме. — В сб.: Вопросы политической экономии социализма, Изд. Томского госуниверситета, выпуск 3, 1967, стр. 56—57; Л. Г. Дроботько. Экономические стимулы повышения эффективности производства социалистических предприятий. — Ученые записки Иркутского института народного хозяйства, выпуск 12/4, 1968, стр. 19.

дукта используется в виде дополнительных денежных фондов накопления и потребления в интересах коллектива данного предприятия. В содержание материального интереса предприятия входят производственные потребности в средствах производства, необходимые для выполнения хозяйственных задач и расширения фонда потребления работников своего коллектива.

Коллективный материальный интерес социалистического предприятия связан с условиями хозрасчетного ведения хозяйства. Его реализация происходит на основе планомерного использования товарно-денежных отношений. Обмен деятельностью между предприятиями происходит в форме купли-продажи, на основе эквивалентной возмездности в соответствии с затратами общественно-необходимого труда. Это стимулирует предприятия производить такую продукцию и с таким качеством, которая бы пользовалась спросом у потребителей.

Личный материальный интерес определяется общественно-экономическим содержанием того конкретного строя, в условиях которого живет и трудится человек. В социалистическом обществе личный материальный интерес выражает отношения между тружеником и обществом в целом, а также коллективом предприятия, членом которого он является. При социализме удовлетворение личного интереса связано непосредственно с трудовым вкладом каждого труженика. Здесь труд является основным средством к жизни и распределение материальных благ осуществляется в соответствии с принципом социализма: «от каждого — по способностям, каждому — по труду». Природа личного материального интереса в вознаграждении за труд в соответствии с количеством и качеством обусловлена экономическим строем общества и характером труда при социализме. При современном уровне развития производства общество еще не в состоянии создать изобилия продуктов. Труд не является еше привычкой работать на общую пользу, сохраняются существенные различия между умственным и физическим трудом, тяжелым и легким, квалифицированным и малоквалифицированным и др. Все эти факторы оказывают определенное влияние на характер взаимодействия между личными, коллективными и общенародными интересами при социализме.

Марксизм-ленинизм опровергает несостоятельность буржуазных идеологов об определяющем характере индивидуальных, личных интересов, о тождественности интересов трудя-

щихся при капитализме и при социализме. В капиталистическом обществе невозможно достижение общности интересов. Частная собственность является объективной основой для их разобщенности. Огромное большинство трудящихся классов лишено средств производства и вынуждено продавать свою рабочую силу, быть объектом зверской эксплуатации. Материальным интересом буржуазии является присвоение прибавочной стоимости, извлеченной путем эксплуатации трудящихся классов, а рабочие заинтересованы лишь в более выгодной продаже своей рабочей силы. Успех реализации его личного материального интереса целиком зависит от стихии рынка, от спроса и предложений этого специфического товара.

До настоящего времени буржуазные апологеты используют разбитую К. Марксом теорию И. Бентама, проповедовавшего, что «индивидуальные интересы — суть единственно действительно существующие интересы». Преследование в хозяйственной жизни исключительно частных интересов, эгоизма, стремления к наживе любыми способами и средствами — такова первооснова существования капиталистического общества на современном этапе.

Социализм создает все необходимые условия для осуществления личной материальной заинтересованности в труде, для обеспечения своих материальных и духовных потребностей и всестороннего развития личности. Иначе говоря, материальный интерес общества совпадает с интересом каждого его члена и производственного коллектива. Интересы общества так же дороги для каждого труженика, как и его личные и коллективные интересы. В этих условиях личный материальный интерес побуждает трудящихся сознательно и творчески относиться к труду, всемерно развивать производительность труда, ибо на этой основе осуществляется повышение их жизненного уровня и благосостояния.

В. И. Ленин придавал важное значение личной материальной заинтересованности в развитии производительных сил. В его трудах дано глубокое научное обоснование роли личной материальной заинтересованности трудящихся в строительстве социализма и коммунизма. «Личная заинтересованность, — писал он, — поднимает производство».[1]

Классическую характеристику роли личной материальной заинтересованности в строительстве коммунизма В. И. Ленин дал в статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской рево-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 36.

люции»: «Не на энтузиазме непосредственно, — подчеркивал Ленин, — а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете. Иначе вы не подойдете к коммунизму... иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов людей к коммунизму».[1] Здесь В. И. Ленин подчеркнул важность сочетания материальной и моральной заинтересованности трудящихся в строительстве нового общества. Только при этом условии социализм может расти и развиваться. Именно в органическом сочетании обоих видов интересов заложено одно из важнейших преимуществ социализма, дающее возможность развивать общественное производство более высокими темпами, чем при капитализме. В. И. Ленин постоянно указывал на необходимость подкрепления моральной заинтересованности к труду, энтузиазма масс материальным поощрением. Он писал: «...ударность есть предпочтение, а предпочтение без потребления ничто... Без этого ударность — мечтание, облачко, а мы, все-таки, материалисты... Если говорить ударность, тогда дай и хлеба, и одежды, и мяса. Только так мы понимали и понимаем, когда сотни раз обсуждали эти вопросы».[2]

В. И. Ленин назвал экономическим абсурдом разрыв производства и потребления. Каждый производитель должен немедленно, реально ощутить результаты своего труда на личном потреблении. Именно на этом основывается принцип социалистического распределения и стимулирования.

О том, к каким последствиям приводит забвение марксистко-ленинского учения о роли материальных интересов, можно наглядно видеть на положении экономики Китая. Китайские руководители встали на путь отрицания определяющей роли материальной заинтересованности в строительстве социализма. Они проповедуют мелкобуржуазную теорию уравнительной оплаты труда, проводят в жизнь принцип: «от каждого — по способностям, каждому — что дадим». Такая порочная политика китайских руководителей ослабила заинтересованность трудящихся, привела к снижению темпов развития производства, к развалу экономики и к резкому снижению жизненного уровня трудящихся.

Более чем полувековой опыт строительства социализма и коммунизма в нашей стране подтверждает научность и пра

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 151.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 212.

сильность ленинского учения о роли материальных интересов в практике хозяйственного строительства, о необходимости сочетания материальных и моральных стимулов к труду.

Социализм исключает всякую возможность удовлетворения одной какой-либо формы интереса за счет других. Все формы материальных интересов при социализме взаимообусловливают друг друга и развиваются в диалектическом единстве. Как и всякое диалектическое единство, единство материальных интересов при социализме — это не тождество, оно внутренне противоречиво. Марксизм-ленинизм рассматривает противоречия как источник общественного развития. Ф. Энгельс писал, что «движущее начало всякого развития — разделение на противоположности, их борьба и разрешение».[1]

«Тождество противоположностей, — указывал В. И. Ленин, — есть признание (открытие) противоречивых, взаимоисключающих, противоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы (и духа, и общества в том числе)».[2]

Социализм уничтожает антагонистические противоречия, не уничтожает противоречий вообще, в том числе и противоречий между различными формами материальных интересов. На базе общественной собственности на средства производства произошло уничтожение антагонистических противоречий, свойственных эксплуататорским способам производства. При социализме каждый трудящийся стал ассоциированным собственником средств производства. Этим самым создается основа для гармонического единства коренных экономических интересов общества, коллектива предприятий и трудящихся. Однако это единство не означает тождества. Материальные интересы при социализме являются выражением социалистических производственных отношений, базирующихся на таком уровне развития производительных сил, который еще не обеспечивает изобилия материальных и духовных благ, необходимых для удовлетворения всех потребностей за счет общества. В этих условиях удовлетворение потребностей трудящихся, оценка результатов работы предприятий не может вестись без учета их конкретного вклада в общенародный фонд. Вследствие этого сохраняется возможность несоответствия интересов общества, коллективов предприятий и тру-

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. 1952, стр. 328.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 316—317.

дящихся, возникновение противоречий между ними. Эти противоречия не носят антагонистического характера, но их недооценка или игнорирование может отрицательно сказаться на развитии социалистической экономики. Отсюда важнейшей задачей социалистического общества в лице государства и его планово-хозяйственных органов является своевременное обнаружение и разрешение таких противоречий путем сочетания интересов общества, коллективов предприятий и трудящихся; совершенствования планирования, форм и методов экономического стимулирования.

Возьмем в качестве примера социалистическое распределение по труду. С одной стороны, оно предполагает равную оплату за равный труд. Но при социализме сохраняются старые формы общественного разделения труда, существуют различия между умственным и физическим, квалифицированным и неквалифицированным, тяжелым и легким трудом, неодинаковое отношение людей к труду и т. д. Вследствие наличия таких факторов распределение по труду объективно и неизбежно порождает фактическое неравенство между отдельными трудящимися. Социализм не может обеспечить полного экономического равенства. Это задача коммунистического общества. Имеются и другие причины экономического неравенства индивидуального потребления при социализме. К. Маркс в работе «Критика Готской программы» указывал на такой важный фактор неравенства трудящихся при социализме, как различие в составе семьи. Семья определяет уровень индивидуального потребления. Наше общество с помощью целой системы экономических мер стремится к устранению этих различий. Важную роль в повышении уровня индивидуального потребления играют общественные фонды потребления. «По мере продвижения к коммунизму, — говорится в Программе КПСС, — личные потребности будут все больше удовлетворяться за счет общественных фондов потребления, темпы их роста превысят темпы увеличения индивидуальной оплаты по труду».[1] Уже в настоящее время общественные фонды потребления занимают значительное место в доходах трудящихся. Это видно из следующей таблицы:

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967, стр. 92.

Таблица 1.

Выплаты и льготы трудящимся из общественных фондов потребления (в млрд. руб.).

1940 г.	1950 г.	1958 г.	1960 г.	1964 г.	1965 г.	1966 г.	1967 г.	1970 г.
4,6	13,0	23,8	27,8	36,7	41,5	45,5	48,7	63,0

В расчете на одного трудящегося размеры общественных фондов потребления составили: в 1940 г. — 24 руб., в 1950 — 127, в 1966 — 195, в 1967 — 207, в 1969 г. — 246 руб.[1]

Однако уровень индивидуального потребления при социализме все же остается неравным. Следовательно, в рамках общности коренных материальных интересов объективно существует известное обособление личных материальных интересов от интереса общества, обусловленное неравенством в потреблении материальных и духовных благ. Основа этого неантагонистического противоречия кроется в том, что личные интересы выражают стремление трудящихся к более полному удовлетворению своих потребностей, но оно как бы наталкивается на еще ограниченные возможности социалистического общества, обусловленные недостаточным уровнем развития производительных сил. Аналогичный характер противоречий существует и между интересами общества и коллективами предприятий, интересами коллективов предприятий и трудящихся.

Всемерно умножая производительные силы, совершенствуя социалистические производственные отношения, внося своевременные и необходимые изменения в экономическую деятельность, социалистическое общество, руководимое КПСС, разрешает противоречия между различными формами материальных интересов. В осуществлении этой задачи важное значение имеют решения сентябрьского и мартовского (1965 года) Пленумов ЦК КПСС и XXIII съезда партии о переходе на новую систему планирования и экономического стимулирования. Совершенствование планирования, усиление роли экономического стимулирования, внедрение полного хозяйственного расчета призваны воздействовать на развитие производства путем использования механизма материальных интересов общества, социалистических предприятий и отдель-

[1] Народное хозяйство СССР в 1965 году, стр. 593, «Страна Советов за 50 лет», статсборник, стр. 244.

ных работников. С их помощью социалистическое государство обеспечивает сочетание интересов. Это можно проиллюстрировать на результатах работы ряда промышленных предприятий в новых условиях планирования и экономического стимулирования.

Одно из ведущих предприятий Ульяновска завод «Контактор» всего лишь год работает по-новому. Но уже в истекшем году коллектив предприятия на семь дней раньше срока завершил выполнение плана по реализации продукции. Производительность труда возросла за год на 27,2 проц. Это позволило заводу отчислить в фонды экономического стимулирования 602 тыс. рублей. Эти средства направлены на расширение производства и на выплату премий из фонда материального поощрения работникам предприятия, а также на социально-культурные мероприятия и жилищное строительство. Только на выплату премий по итогам года и на тринадцатую зарплату начислено 140 тыс. рублей. Поощрительные фонды за один год работы в новых условиях превысили фонд предприятия 1967 года в 3,4 раза. Рабочие, инженерно-технические работники и служащие стали материально ощущать результаты своего труда. Стали более экономно, по-хозяйски расходовать сырье, электроэнергию, экономить рабочее время, улучшать процесс производства, внедрять новую технику, вносить ценные советы и предложения. Например, старший мастер штамповочного цеха рационализатор А. Ивлев и мастер В. Пантелеев предложили новый раскрой материала на деталь к установочным автоматам, что позволило цеху экономить в год 1300 руб. За счет изменения технологии вырубки детали к автоматам АВМ, предложенной этими же рационализаторами, только один цех завода экономит 12 тонн стали. На заводе резко сократился брак при выпуске продукции. Все эти факторы способствовали снижению себестоимости продукции и увеличению прибыли. Завод имеет годовую экономию от снижения себестоимости в сумме 293 тыс. рублей.

Славкинский лесокомбинат Управления лесного хозяйства в новых условиях хозяйствования так же добился в 1968 году неплохих результатов. План по выпуску продукции им перевыполнен на 13,5 проц. Это позволило ему направить из прибыли предприятия для поощрения своих работников 108,8 тыс. руб. и 61 тыс. руб. на развитие производства. С учетом выплат из поощрительных фондов заработная плата рабочих возросла в среднем на 12 проц. Осуществляется кол-

лективное жилищное строительство из средств, выделяемых из прибыли предприятия.

Саратовский завод электротермического оборудования в 1968 году добился перевыполнения плана по реализации продукции на 104,5 проц. и получил прибыль в размере 1771 тыс. руб. (или 104,5 проц. к плану). Это позволило отчислить в свой фонд развития производства 67 тыс. руб. и 220 тыс. руб. — в поощрительные фонды предприятия. Завод реализовал излишнее оборудование на сумму 138 тыс. руб., а также по-хозяйски использовал собственные оборотные средства, что создало возможность уменьшить плату за фонды. На материальное поощрение рабочих в виде премий было выделено 175 тыс. руб. Только по одному цеху № 2 премии по итогам года составили 4033 руб. За счет фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства произведен капитальный ремонт заводской столовой, создана своя лодочная станция и накапливаются средства для строительства девятиэтажного жилого дома для рабочих завода.

Социалистическое общество не только познает, но и сознательно использует объективно действующие экономические законы. На основе общественной собственности на средства производства исчезает почва для возникновения антагонистических противоречий между интересами. Хотя на первой фазе коммунизма и сохраняется известная обособленность и противоречивость материальных интересов, тем не менее утверждается принципиальная общность, возможность и необходимость их сочетания. Важная роль в этом сочетании принадлежит более полному использованию социалистическим государством в своей хозяйственной практике всей системы экономических законов. Только при этом условии возможно достижение наиболее полного сочетания материальных интересов, ускорение темпов развития общественного производства и на этой основе повышение жизненного уровня советского народа. Материальные интересы являются тем необходимым механизмом, через посредство которого экономические законы находят свое практическое осуществление. Именно материальные интересы побуждают людей действовать в соответствии с экономическими законами, присущими каждой формации.

Переход к коммунизму сопровождается существенными изменениями экономических отношений, а следовательно, и материальных интересов людей. На основе громадного роста производительных сил происходит сближение форм собствен-

ности, изменяются отношения в сферах воспроизводства. Производственные отношения постепенно утрачивают свой классовый характер.

В бесклассовом обществе материальные интересы людей, связанные с удовлетворением своих потребностей, будут выступать как непосредственно общественные потребности и интересы. При коммунизме резко возрастет удельный вес духовных потребностей и интересов. Будут преодолены и противоречия между личностью и обществом, т. к. общенародные интересы будут выступать как непосредственно личные, а личные общество будет рассматривать как свои.

Сочетание материальных интересов на современном этапе создает необходимые предпосылки для дальнейшего укрепления и развития отношений сотрудничества и взаимопомощи, для перерастания социалистических производственных отношений в коммунистические. В Программе КПСС говорится: «При коммунизме все люди будут иметь равное положение в обществе, одинаковое отношение к средствам производства, равные условия труда и распределения и активно участвовать в управлении общественными делами. Утвердятся гармонические отношения между личностью и обществом на основе единства общественных и личных интересов».[1]

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967, стр. 63.

В. И. РТИЩЕВ.

НЕМЕЦКИЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ И ПОПЫТКИ ВОЗРОЖДЕНИЯ ПОЗИТИВНОЙ АПОЛОГИИ КАПИТАЛИЗМА

Основная идеологическая функция экзистенциализма вообще и немецкой «философии существования» в особенности состоит, как известно, в негативной апологии капиталистического строя, суть которой сводится к тому, что эта философия призывает всех недовольных буржуазными общественными отношениями взглянуть на действительность с позиций «более глубокого» понимания человеческого бытия. Последнему же, согласно экзистенциализму, присущи «онтологические противоречия», проявлением которых и оказываются свойственные современному буржуазному обществу катаклизмы, неустойчивость социального бытия буржуазии, неизбежные в условиях капиталистической действительности страдания человека и т. п. Постулируя фатальную дисгармонию человеческой жизни, якобы порождающую неустранимое никакими социальными преобразованиями зло, экзистенциалистская философия таким образом обеляет капитализм, снимает с него ответственность за страдания людей, нищету, бесправие и пр. Проповедь же социального пессимизма, имеющего в своей основе отождествление исторических судеб капитализма с историческими судьбами всего человечества, обеспечивает экзистенциализму известную симпатию со стороны определенных слоев буржуазного общества.

Вместе с тем экзистенциализм с самого начала обременен, так сказать, нежелательным грузом: проповедь социального пессимизма имеет и оборотную сторону — радикальный пессимизм, нигилистические мотивы, значительно затрудняющие для буржуазных идеологов создание и в особенности внедрение в сознание буржуазного обывателя положительных идеалов. Последнее же становится все более настоятельной потребностью буржуазной идеологии в ее борьбе против идей социализма и коммунизма, завоевавших огромную попу-

лярность в послевоенном мире. В связи с этим некоторые буржуазные философы серьезно озабочены проблемой действенности своих концепций, их способности владеть умом и сердцем человека. «Что меня последние годы преследует, — пишет Ф. Хайнеман, — так это серьезный вопрос, может ли еще Запад собраться с силами, чтобы осуществить духовное руководство миром перед лицом идеологически-диктаторской угрозы Востока, и смогут ли философы существования помочь нам в этой борьбе за существование».[1] Такие вопросы задает себе ныне не один лишь Хайнеман. Однако последователи экзистенциализма не решаются отказаться от этой философии. Иррационализм, нашедший в «философии существования» свое концентрированное воплощение, составляет существеннейшую черту современного буржуазного сознания и обусловливает признание буржуазными критиками экзистенциализма «непреходящего значения» этой философии. Свойственное же буржуазной идеологии стремление более тщательно разрабатывать средства идейно-психологической борьбы, разрабатывать такие приемы, которые оказывали бы воздействие не столько на человеческий разум, сколько на чувства людей, определяет и направление поисков новых концепций, остающихся однако в русле экзистенциалистического мышления.

Потребности идеологической борьбы во многом вынуждают некоторых экзистенциалистов пересмотреть традиционный экзистенциализм с его преимущественно негативными переживаниями. «В постоянно разжигаемой борьбе против коммунизма, — пишет немецкий философ-марксист Ганс-Мартин Герлах, — страх, отчаяние и пессимизм перестают быть пригодными средствами влияния на массы. Здесь становятся необходимыми новые идеалы... Нужно создать иллюзию уверенности, которая давала бы людям чувство «прибежища» в буржуазном государственном теле».[2] Подобную иллюзию и пытается внедрить в сознание буржуазного обывателя тюбингенский профессор философии Отто Фридрих Больнов. Предпринимая попытку «преодоления» экзистенциализма. он создает нечто вроде «позитивного» варианта экзистенциалистской философии, где вместо негативных «добродетелей» тра-

---

[1] F. Heinemann, Existenzphilosophie legendig oder tot? Stuttgart, 1954, S. 7. (Ф. Хайнеман — буржуазный философ, известный интерпретатор экзистенциализма).

[2] H.-M. Gerlach. Die Stellung der Existenzphilosophie heute. «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», 1966, № 12, S. 1517.

диционного экзистенциализма выступают такие «противодобродетели», как «спокойствие» (Gelassenheit) и постоянно имеющаяся в распоряжении готовность, спокойное мужество при всех опасностях и никогда не слабеющее терпение, способность к благодарности и непоколебимая надежда».[1] Концепция Больнова в отличие от «классического» экзистенциализма представляет собой откровенную, прямую апологию буржуазных порядков, но как истый немец он не может обойтись здесь без «теории» и в отличие от буржуазных идеологов мелиористского направления стремится найти для этого некую «метафизическую» основу. Если бы значение немецкого «позитивного экзистенциализма» исчерпывалось только этим, это явление в современной буржуазной философской мысли не представляло бы значительного интереса. Однако концепция Больнова представляет собой не только определенную самокритику экзистенциализма, но и демонстрирует те методологические, онтологические и гносеологические принципы, которые можно считать последним словом современной буржуазной философии.

Главное внимание в немецком «позитивном экзистенциализме» уделено этической проблематике,[2] но предпринимая теоретическое обоснование своей этической концепции, Больнов обращается к проблемам онтологии. Здесь он стремится доказать частный характер экзистенциалистского мироощущения и вскрыть «более глубокую» «метафизическую» основу бытия, дающего человеку «новое прибежище».

Критический анализ онтологии немецкого «позитивного экзистенциализма» как попытки возрождения позитивной апологии капиталистического строя и составляет задачу настоящей статьи.

I. Объективная реальность как предмет экзистенциальной веры

По поводу хайдеггеровской «фундаментальной онтологии» Больнов замечает, что здесь с самого начала имеет место затруднение: Хайдеггер стремится дать философской антро-

---

[1] O. F. Bollnow. Neue Geborgenheit, Stuttgart und Köln, 1955, S. 37.

[2] По этому вопросу см. статьи автора: Некоторые аспекты буржуазной критики этического учения экзистенциализма, «Вестник МГУ», 1968, № 5; Кризис экзистенциалистской этики и «позитивный экзистенциализм», «Историко-философский сборник», изд. МГУ, 1968.

пологии онтологические основы, которые сами однако в свою очередь могут быть добыты лишь на том самом «герменевтическом пути», который применен в философской антропологии. Следовало бы сказать, что здесь скорее имеет место порочный круг: философская антропология строится на таком учении о бытии, которое само имеет в своем основании философскую антропологию. Эта противоречивость свойственна вообще любой попытке субъективного идеализма выйти из мира сознания к объективному миру. Верно подмечая эту внутреннюю противоречивость концепции Хайдеггера, Больнов считает тем не менее, что дело здесь не в субъективно-идеалистической установке автора «фундаментальной онтологии», а в том, что последний допускает существенное упрощение, ограничивая применение «герменевтического опыта» на каком-то одном из взаимосвязанных антропологических явлений, чтобы на нем как на примере развить ту всеобщую структуру сущности, которая затем распространяется на все другие случаи. Вместе с тем здесь указано верное, как кажется Больнову, направление в решении проблемы: поиск единственного, правильно выбранного «настроения» как предустановленного, первоначального единства человека и мира.

«Несущая реальность» (этим термином Больнов обозначает нечто устойчивое, несомненное, что человек находит вне себя, желая, видимо, показать, что он не приемлет материалистического положения об объективном характере внешней реальности) доступна нам, пишет Больнов, лишь определенным образом, который по праву обозначен Якоби как вера. «Ее нельзя утвердить посредством рациональных обоснований, но она тонет, будучи охвачена сомнением, и должна него каким-то образом быть отвоевана, что не зависит от одного только стремления человека, но одновременно выпадает ему... в виде милости».[1] Здесь обнаруживается исходная субъективно-идеалистическая позиция Больнова в решении им основной онтологической проблемы: существование внешнего мира, объективной реальности — это не основанное на опыте убеждение, а предмет веры, которая может быть более или менее сильной. Но от чего зависит последнее? Каков тот «объективный» элемент веры, который, по словам Больнова, «не зависит от одного только стремления человека»? Тюбингенский философ стремится найти этот элемент, но как субъективный идеалист он устремлен в мир сознания, пытаясь

[1] O. F. Bollnow. Neue Geborgenheit, S. 143.

там отыскать некий «более глубокий» слой, лежащий в основе других проявлений человеческого духа.

Продолжая иррационалистическую традицию современной буржуазной философии, наиболее полно выразившуюся в современном экзистенциализме, Больнов видит решение проблемы объективной реальности в возможности найти такое состояние сознания индивида, которое представляло бы собой «изначальное единство» субъекта и объекта и вообще снимало бы таким образом эту проблему. Такой «самой нижней ступенью чувства жизни», «простейшей и первоначальной формой, в которой осуществляется человеческая жизнь», являются, по Больнову, «настроения». Но в отличие от Хайдеггера, для которого онтически рассматриваемое «настроение» есть с онтологической точки зрения «настроенность» (Befindlichkeit), т. е. некая априорная структура «бытия-в-мире», Больнов трактует «настроение» как эмоциональное состояние индивида, возвращая таким образом экзистенциализм к его первоисточнику, к Якоби, для которого субъект с самого начала является определенным образом «настроенным» (gestimmt), а мир — всегда так или иначе «окрашенным». В связи с этим перед Больновым возникает необходимость хайдеггеровское формальное, свободное от каких-либо содержательных определений «чистое настроение» наполнить определенным содержанием. Такая попытка сама по себе уже означает непоследовательность, ибо кладет конец априорности, «изначальности» «настроения», но тем не менее Больнов старается найти для этой цели столь же априорное и «изначальное» содержание. Веру в реальность внешнего мира немецкий «позитивный экзистенциализм» связывает с определенным настроением, а именно «счастливым настроением», которое в свою очередь имеет своим источником «человеческое окружение», сферу общения «человека с человеком».

Для обоснования «экзистенциального» характера человеческих отношений Больнов использует религиозно-философскую концепцию Мартина Бубера, созданную на основе синтеза экзистенциалистских идей, иррационализма «философии жизни» и хасидско-каббалистической мистики. Единственно истинным отношением является, согласно Буберу, отношение «Я—ТЫ», где человек обретает «подлинное» существование и получает возможность обнаружить бога.

Самым «подлинным» из состояний человека является, пишет Больнов, такое, которое возникает из отношения «Я—ТЫ», где речь идет об отношении к другому человеку, «о сущест-

ве, способном к свободе и добру, готовом на помощь и доверчивом со-человеке, на преданность которого я могу рассчитывать в случае собственной необходимости».[1] Этот мир «подлинных человеческих отношений», мир «любящего сознания» Больнов противопоставляет миру безличного «Man» (Хайдеггер) или миру «неопределенного бытия массы» (Ясперс), где человеческие отношения стали «диффузным фоном». Таким образом, немецкий «позитивный экзистенциализм» чисто словесным решением проблемы «человеческих отношений» лишь маскирует действительное положение вещей, нашедшее свое отражение в «классическом» экзистенциализме. Либеральный мыслитель стремится внедрить в сознание буржуазного обывателя мысль об иллюзорной возможности всеобщей любви, доверия, преданности там, где на деле имеет место борьба и столкновение интересов.

Человеческие отношения не являются однако реальностью, независимой от условий своего осуществления, а именно социальных условий жизни людей. Возможность проявления действительных человеческих отношений в условиях буржуазной действительности сильно ограничена. И это обстоятельство проникает в сознание даже буржуазного мыслителя. Отношение «Я—ТЫ», не является, признает Больнов, достаточной гарантией «счастливого настроения». «В принципе нет знания, — пишет он, — о человечности другого человека без риска подобного любящего контакта».[2] Чем же в таком случае обусловлено «счастливое настроение», призванное, по Больнову, служить «первоначальной данностью», означающей единство «самости» и мира, и основой позитивного мироощущения? Сама необходимость искать условие для этого «необусловленного» состояния человеческой психики приводит Больнова к неразрешимому затруднению. Здесь проявляется коренной порок субъективного идеализма, стремящегося определять содержание сознания исходя из самого сознания, не обращаясь к внешнему миру как единственному источнику его содержания. Однако Больнов «выходит» из этого затруднения, но... за счет собственной непоследовательности. Вопреки своему же заявлению, что настроения «являются более первоначальными, чем сознательная целеустремленная воля».[3] Он утверждает, что благодаря «сознательной воле» человек может сказать «да» или «нет»

[1] O. F. Bollnow. Neue Geborgenheit, S. 144.
[2] O. F. Bollnow. Neue Geborgenheit, S. 145.
[3] O. F. Bollnow. Das Wesen der Stimmungen, S. 132.

тому или иному настроению, что «одни он поддерживает и способствует им, другие, напротив, — пытается по возможности подавить и искоренить».[1]

Ну, а чем же обусловлено действие «сознательной воли», эта возможность сказать «да» или «нет»? Здесь Больнов покидает сферу теоретического исследования и подобно Канту выдвигает практический постулат: индивид как нравственное существо, исходя из должного, определяет свою волю к тому или иному решению. Этика как наука о должном определяет у Больнова не только сферу поступков, но и эмоциональную сферу, а через нее — даже то или иное решение основного вопроса онтологии — проблемы объективной реальности. Так, несмотря на претензии найти «метафизическую», объективную основу позитивного мироощущения и в противоречие с самим собой, Больнов приходит к банальному выводу: чтобы иметь «счастливое настроение», нужно заставить себя его иметь, если хочешь верить в существование внешнего мира, верь в него.

«Сознательная воля» оказывается у Больнова тем основанием, которое имеет свою причину в самом себе. Метафизическое противопоставление «свободной» воли и «несвободной» необходимости и обусловливает «разрешение» в духе кантовского выхода из антиномий чистого разума возникшей перед Больновым трудности: свободная воля оказывается беспричинной причиной последующих состояний, причиной, открывающей новую цепь причинно-следственных связей.

Подобное «решение» свидетельствует не только о том, что методология немецкого «позитивного экзистенциализма» как и всей современной буржуазной философии осталась на уровне метафизики XVIII столетия. Предлагаемое Больновым «решение» представляет собой, кроме того, еще одно свидетельство несостоятельности субъективного идеализма в решении наиболее кардинальных философских проблем, в том числе проблемы сознания. Решение этой проблемы возможно лишь на основе теории отражения, что в свою очередь предполагает признание материалистического положения об объективном существовании внешнего мира, отражаемого сознанием. А это последнее, как известно, неприемлемо для субъективного идеализма, что и обрекает его на бесплодные поиски в пределах сознания тех или иных «глубинных» оснований, определяющих его содержание. Результат подобных исканий

[1] O. F. Bollnow. Das Wesen der Stimmungen, S. 133.

выглядит подчас, как и в данном случае, довольно тривиально.

2. Пространство как результат «упорядочивания» внешнего мира

Позитивно-экзистенциалистское решение проблемы пространства отталкивается от экзистенциалистского же представления о внешнем мире как неупорядоченной, хаотичной реальности, содержащей к тому же угрозу человеческому существованию. Однако «позитивный экзистенциализм» несколько видоизменяет это традиционное представление, утверждая, что несмотря на первозданную неупорядоченность бытия в нем самом, в его сердцевине заложено нечто устойчивое, что проявляет себя как самоисцеляющееся, способное к регенерации. Подобная характеристика бытия обозначается Больновым термином «благой мир» (heile Welt), заимствованным им у новеллиста и лирика Вернера Бергенгруена, белоэмигранта, выходца из Прибалтики, с 1936 года официально состоявшего на службе у Ватикана.

Желая внедрить в сознание буржуазного обывателя доверие к этому «благому миру», противоречащее однако реальной практике человека, живущего в буржуазном обществе, Больнов заявляет, что несмотря на наличие этой «принципиально неопределимой по содержанию «благой» основы мир остается «уязвимым в каждой своей части», чрезвычайно хрупким и легко ранимым на поверхности. Это ставит перед человеком задачу «сохранить себя в этом благом мире и со своей стороны утвердиться в нем».[1] Результатом подобного стремления и оказывается, согласно Больнову, человеческая культура в ее наиболее широком смысле. Вместе с тем эта область культуры как планомерное «оформление» человеком своего окружения тесно связана, считает Больнов, с пониманием сущности пространства, его структуры.

Представление о внешнем слое бытия, который в отличии от внутреннего «ядра» неустойчив, хаотичен, легко разрушим, обусловлено в немецком «позитивном экзистенциализме» традиционным экзистенциалистским взглядом на внешний мир как иррациональную реальность. Этот взгляд продиктован определенным социальным опытом мелкого буржуа, чем объясняется и известное созвучие концепции Больнова

[1] Neue Geborgenheit, S. 160.

с соответствующими взглядами Хайдеггера, Ясперса и др.: «бытие» и «сущее» у Хайдеггера, трансценденция и «скорлупа» (Gehäuse) у Ясперса и т. д. Подобные представления есть лишь продукт отчужденного сознания, мистифицирующего факт неустойчивости социального бытия современной буржуазии. С другой стороны, поскольку для отчужденного буржуазного сознания единственно доступным и вместе с тем понятным миром оказывается внутренний мир человека, то на место объективной реальности заступает реальность человеческого сознания, точнее, психики, и характеристики последней проектируются затем на явления, факты, события вне человека. В этом состоит метод современного субъективизма при решении проблемы объективной реальности. Таков же метод и немецкого «позитивного экзистенциализма», предпринимающего попытку обосновать свои этические рекомендации с помощью выводов из онтологии.

Одной из предпосылок экзистенциалистского пессимизма является, считает Больнов, учение об экзистенции как «нуль-пункте», согласно которому экзистенция не может опереться на определенный конкретный пункт в пространстве. Любой пункт этого мира для экзистенциалиста одинаково хорош, или, вернее, так же плох, как и другие. «Если же человек желает быть чем-либо другим нежели вечным беглецом из этого своего мира, — пишет Больнов, — если он желает достигнуть в нем новой опоры, то это возможно лишь тогда, когда он поселится на определенном пункте в нем, со всей цепкостью вцепится в него и из него затем образует свою сферу порядка, который он каждый раз будет защищать против наседающих хаотических сил».[1] Это построение начинается с создания пространственно ограниченной сферы человеческого жилища, из которой развивается затем пространственное окружение человека.

Идею человеческого жилища как «цитадели», способной противостоять наседающему «хаосу» пустыни, заимствованную Больновым у Антуана де Сент-Экзюпери, создатель «позитивного экзистенциализма» использует для обоснования возможности «нового прибежища» в рамках буржуазной социальной действительности. Исследуемая же в связи с этим «антропологическая функция» жилища восходит к взглядам Хайдеггера, заявлявшего, что лишь в «проживании» человек должен достигать свое собственное бытие.

[1] O. F. Bollnow. Mass und Vermessenheit des Menschen, Göttingen, 1962, S. 20.

Экзистенциалистская философия как и ее «позитивный» вариант используют здесь тот несомненный факт, что человеческая жизнь не может осуществляться в одних лишь социальных формах. Внутри социального мира каждый человек имеет также свой личный мир, не сводимый без остатка к социальным условиям. Эта сфера личной жизни человека в совокупности с определенными ее материальными основаниями образует область быта, т. е. необходимое условие жизнедеятельности индивида как социального существа. Но можно ли на этом основании говорить о принципиальной противоположности между личной жизнью и жизнью общественной? Такое противопоставление возникает лишь на определенной стадии общественного развития, когда некоторая социальная группа начинает испытывать разочарование в социальных формах своей жизнедеятельности. Подобный общественный кризис и вызвал к жизни современную экзистенциалистскую альтернативу общественной и личной жизни. Это в свою очередь еще раз доказывает, что личная жизнь человека, его представления о ней имеют определенное социальное основание. Интимный мир человеческого жилища, будучи миром специфическим не может тем не менее существовать изолированно, вне мира социального.

Между тем, используя арсенал экзистенциалистских идей, Больнов стремится дать «новое» решение проблемы человеческого существования. Это новое состоит в том, что человек, по Больнову, «преодолевает» экзистенциалистский «нуль-пункт», «укореняясь в определенном пункте этого мира и включаясь в определенный сложившийся строй».[1] В результате пространство становится «обжитым» — термин, заимствованный Больновым у психолога Карла Дюркгейма, пытающегося однако давать философскую интерпретацию психических феноменов. Пространство, согласно Дюркгейму, «изменяется вместе с человеком, который в нем действует, изменяется вместе с актуальностью определенных установок и направленностей».[2] Перед нами ярко выраженная точка зрения современного субъективизма, отличающаяся от традиционного субъективного идеализма тем, что если существование внешнего мира и не зависит от «Я», то во всяком случае «Я» вносит в него порядок, обусловливает его единство. Без «Я»

---

[1] Neue Geborgenheit, S. 161.

[2] Untersuchungen zum gelebten Raum. «Neue psychologische Studien», München, 1932, Bd. 6, S. 390.

внешний мир лишен упорядоченности, смысла и собственного значения. Без «Я», следовательно, не существует «Не-Я».

Взгляд на пространство как на результат упорядочивающей деятельности сознания приводит Больнова к выводу о необходимости «упорядочивания сознания» как единственному способу достижения упорядоченного бытия. Решение проблемы «надежного прибежища» современного человека состоит, по Больнову, в таком «упорядочивании» его сознания, которое позволит наряду с жилищем как крепостью в пространственном мире воздвигнуть «цитадель в его сердце» как крепость в мире человеческого общения. В противоположность экзистенциализму, для которого и человеческое жилище перестает быть подлинным миром, Больнов пытается воссоздать этот «подлинный» мир тем, что наряду с огораживанием жизненного пространства возводит в душе человека «внутренние стены и плотины», чтобы остановить безграничный хаос «внутренней дикости». Это намерение Больнова обнаруживает откровенно апологетический и вместе с тем реакционный характер его концепции. Место, занимаемое человеком в жизни, означает, согласно Больнову, не только определенный пункт в пространстве, но и определенное место в человеческом «функционировании порядка» (Ordnungsgefüge). Поэтому пространственные границы оказываются вместе с тем и «конститутивными» для сущности человека. И кто хочет разорвать стесняющие рамки, желая достигнуть тем самым большей свободы, тот уничтожает вместе с рамками, пишет Больнов, и условия, при которых только и может утверждаться жизнь. «Поэтому важно, чтобы четки состояли из тринадцати, а не из двенадцати нитей: не потому, что для этого нельзя было бы привести другие достаточные основания, но потому, что должен быть порядок, и однажды освященный порядок должен быть непоколебим».[1]

Мещанский консерватизм немецкого «позитивного экзистенциализма» выступает здесь особенно неприкрыто. Подобные умонастроения являются не столько реакцией на постоянно подчеркиваемую экзистенциализмом «беспочвенность» человека, сколько отражением испытываемого современным буржуазным классом страха перед будущим. Проблема пространства выходит в немецком «позитивном экзистенциализме» далеко за пределы собственно философской проблемы.

---

[1] O. F. Bollnow. Der Mensch als Städtebauer. In: «Französischer Existentialismus», Stuttgart, 1965, S. 137.

Она для Больнова — скорее повод к пространным рассуждениям, имеющим антропологический, а также и политический характер, широким обобщениям, преследующим не столько критику экзистенциалистского мироощущения, сколько апологию «освященного порядка», под которым он имеет в виду современную буржуазную действительность.

Итак, проблема «несущей реальности вне человека», проблема пространства, включаемые Больновым в онтологическую проблематику, оказываются как и в экзистенциализме традиционном проблемами внутренней реальности. Онтология сводится к психологии. Реальность внешнего мира зависит от той или иной структуры сознания, точнее, психики. Найденное Больновым «новое прибежище» оказывается прибежищем во внутреннем мире изолированного существа, противостоящего действительно внешней, но чуждой и хаотичной реальности. Больнов старается показать, что человек может выйти во внешний мир, обрести его как «несущую реальность», что человеческое окружение суть «реальное» пространство, оформленное и упорядоченное. В итоге же оказалось, что эта «реальность» есть не что иное, как модификация его настроения, а пространство со своей структурой и «расчлененностью» есть воплощение структуры и «расчлененности» его души. Онтология оказалась прикладной буржуазной психологией.

Подобное решение этих проблем несет на себе печать определенного социального положения мелкого буржуа, теоретическое решение проблемы бытия вообще оказывается как бы вторым изданием практического решения им самим проблемы его социального бытия. Если для мелкого буржуа действительный мир сводится к его собственному мирку, то и законы первого суть не что иное, как законы последнего. Пространство социальных условий мелкобуржуазного бытия и есть единственно доступное «реальное пространство». Индивидуальный опыт и есть единственно возможный опыт, а сфера индивидуального сознания оказывается единственно доступной изменению «сферой опыта».

Решение проблемы пространства оказывается возможным для Больнова лишь на основе онтологизированных переживаний субъекта, превращенных таким образом в независимую от него, «объективную» реальность. Хотя эти состояния психики и не существуют вне субъекта, они, по Больнову, и не зависят от него, а представляют собой некие априорные состояния, конститутивные формы связи с миром. Это по су-

ти те же «экзистенциалы», взятые лишь с положительным знаком, «конституирующие» не только внутренний мир индивида, но и его окружение.

3. Проблема времени как проблема «упорядочивания» переживаний

Экзистенциальная «забота» как временная структура бытия не может претендовать, согласно «позитивному экзистенциализму» на роль исчерпывающей характеристики «временности», она является лишь одним из проявлений чувства времени. Больнов считает, что «временность» включает в себя как субъективную временную структуру, так и объективный временно-исторический процесс. Последний состоит в том, что человек меняет свои жизненные условия и меняется сам — этот процесс необратим, человек не является вневременным существом.

Но этим понятие «временности» не исчерпывается. Больнов указывает на то, что наряду с безостановочностью времени существуют и циклы природы, составляющие условие «возврата во времени», как бы омоложения, рождения вновь и обновления благодаря возвращению в исходный пункт вместе с природой. «Очевидно, — пишет он, — самому внутреннему состоянию сущности человеческой жизни принадлежит то, что лишь при возвращении к своему первоначалу, всегда обновленному, она достигает своей подлинности».[1] Поскольку возможность подобного «возвращения к первоначалу» имеет, считает Больнов, особенное значение для понимания человеческой «временности», вопрос состоит теперь в том, как должна быть понята человеческая «временность», чтобы в ней было возможным подобное «возвращение».

Экзистенциалистское понятие «временности» несмотря на его односторонний характер содержит в себе, считает Больнов, возможность преодоления подобной односторонности. Преходящий характер «исчезающего мгновения», прерывность и необратимость времени, зафиксированные в экзистенциалистской «временности», находят, считает Больнов, свое дополнение во вневременной «экзистенции», выражающей непрерывность и устойчивость (вечность) времени. Здесь в самом времени найдена абсолютная опора, по отношению к которой все время и вместе с ним и будущая судьба и смерть

[1] Neue Geborgenheit, S. 199—200.

теряют свою важность, «Поскольку господствует чистая экзистенция, господство времени разрушено, и имеется лишь непосредственное соприкосновение с чистой равновременностью».[1] Экзистенция означает, следовательно, нечто «перешагивающее» границы конечного человеческого существа, это — попытка в не-вечное внести все же временное вечное.

Другим основанием для исследуемой здесь Больновым возможности иной чем в экзистенциализме «структуры времени», в котором можно было бы «доверчиво поселиться в данном моменте», служит экзистенциалистское же, понимаемое как вневременное (zeitlos), соотношение между отставанием от истинной сущности человека и основанной на ней возможностью «подъема» к собственной экзистенции. Человек, согласно экзистенциализму, вместо того, чтобы непринужденно жить в «современности» и непринужденно относиться к будущему, постоянно наталкивается на нечто несделанное, «неосиленное». (Unbewältigte), что как клин втискивается между ним и его «современностью». Он должен всегда что-то наверстать, прежде чем он сможет «войти» в современность, и если это сделано, время между тем также ушло вперед и вновь оставило что-то подлежащее наверстыванию. Так человек постоянно гонится за своей современностью, он вынужден браться за решение ранее нерешенных задач. «В них отрезок прошлого, — пишет Больнов, — воспринимается вновь, следовательно, отрезок протекшего времени вновь возвращается».[2] Необходимость возвращения к прошлому является, по его мнению, «выражением всеохватывающей временной структуры человеческой жизни».

Экзистенциалистская категория «заботы», вырастающей из осознания конечности человеческого существа, образует такую характеристику человеческого существования, как его «историчность». Проникнутое заботой «историческое» существование есть, согласно экзистенциализму, постоянное движение к смерти. Отношение к смерти оказывается в экзистенциализме единственно «подлинным» отношением, а знание о смерти составляет внутреннюю пружину «исторических» поступков.

В противоположность экзистенциализму Больнов пытается показать, что жизнь имеет характеристику не только «исторического» бытия, но также и «предисторическую форму»

---

[1] O. F. Bollnow. Existenzphilosophie, Stuttgart, 1949, S. 109.
[2] Mass und Vermessenheit des Menschen, S. 225.

своего осуществления. Истинная сущность человека в его «проживании» (das Wohnen) — это экзистенциалистское положение служит Больнову ариадновой нитью для поисков «истинной сущности жизни», в недрах которой возможно и «бытие без времени». «Проживание (das Wohnen) является,— пишет Больнов, — одновременно достижением устойчивого состояния человека против потока времени».[1]

Субъективизм экзистенциалистской философии не только значительно облегчает Больнову, как видим, критику основных ее категорий, но и подсказывает способ обоснования противоположного экзистенциалистскому, «положительного» мироощущения.

Основная задача, которую ставит перед собой Больнов, состоит в обосновании возможности не только остановки времени, но и его возврата. Как ни абсурдно выглядит эта претензия, все же, если вспомнить чисто психологический подход Больнова к решению этой задачи, в этом плане она не представляется такой уж неразрешимой. Поскольку переживаемое время и есть для Больнова «объективное время», нетрудно создать психологическую иллюзию не только остановки времени, но даже и его возврата. Преодоление «проходящего времени» состоит, по Больнову, не в отходе от «временности» и не в «прорыве в вечность», а в том, что человек «оформляет» время совершенно подобно тому, как он придает вид и своему пространственному окружению. Подобно тому, как «цитадель» оказывается спасительным якорем в пространственном хаосе и символизирует собой единственно возможное пространство, она же является единственным способом «остановить» поток времени, приобщиться к надвременному. Лишь «укоренившийся» как-то человек, пишет Больнов, создает свое пространство, которое и есть единственно возможное пространство, он же создает и свое время, которое, будучи расчленено и упорядочено, перестает быть уходящим безвозвратно временем.[2] Таким образом, время как и пространство оказывается субъективной категорией. Поскольку любое время, взятое конкретно, всегда есть время для чего-то, отношение времени к определенной задаче обусловливает в нем регулярный ритм напряжения и расслабления. Так образуется расчлененность времени посредством выделенных остановок, время становится «оформленным».

[1] Der Mensch als Städtebauer, S. 145.
[2] Der Mensch als Städtebauer, S. 145.

Естественная периодизация времени (сутки, год) образует, согласно Больнову, как бы объективное основание для «пред-исторического бытия», она является для него порукой в том, что подлинная «временность» циклична, замкнута. При этом в соответствии со своей субъективистской трактовкой времени он не принимает во внимание то обстоятельство, что природные циклы времени не означают возврата в исходную точку, что время как объективный процесс необратимо, а природная периодизация суть форма столь же необратимого, поступательного развития. Больнова интересует лишь, так сказать, «феноменальное время», т. е. субъективный образ времени.

В отличие от экзистенциалистских «кругов времени», уходящих в бесконечность, и в дополнение к естественной периодизации Больнов стремится найти объективное основание для искусственной, произвольной периодизации в виде недельных отрезков времени, а также «расчленении времени» посредством праздников. Невыполнимость подобной задачи заставляет Больнова, так сказать, открыть свои карты: «ответ может быть найден, — признается он, — не в данностях (Gegebenheiten) объективного процесса времени, а исключительно в данностях субъективного сознания времени».[1] «Праздничное настроение», в котором человек чувствует себя «перенесенным в пространство, где время для него остановилось», и обеспечивает, согласно Больнову, эти «данности субъективного сознания времени». Имея экзистенциальный «характер», «праздничное настроение» является, считает он, существеннейшей характеристикой «пред-исторического бытия».

Здесь мы имеем дело с традиционной в буржуазной философии, восходящей к Шеллингу проблемой «исторического бытия», противопоставляемого бытию индивидуальному, «естественному». В современных условиях эта проблема возникает как мисцифицированное отражение в буржуазном сознании определенных условий социального бытия, для которого характерно отчуждение результатов человеческой жизнедеятельности от самой этой жизнедеятельности. Выход из сферы «исторического, «нравственного» и погружение в недра «естественной», «пред-исторической» жизни представляется единственным способом «преодоления» подобной «рас-

---

[1] O. F. Bollnow. Die Lebensbedeutung der Sonntagsruhe. «Sammlung», 1951, Hf. 6, S. 319.

щепленности». Экзистенциальной «заботе» Больнов противопоставляет столь же экзистенциальное «праздничное настроение», настроение «вневременности» (Zeitlosigkeit). «Объективное течение самого времени, — пишет он, — становится чем-то в себе замкнутым, циклическим, чем-то включенным в больший всеохватывающий ход природы и оказывается «позади» непрерывного по своей сущности и ведущего вперед в необозримое хода, как он испытывается лишь в исторических действиях».[1] Больнов считает, что, как и у Ницше, здесь речь идет о новом достижении утраченного мира благодаря «снятию» исторического процесса в вечно равнозначащем бытии, что в «праздничном настроении» ницшеанская идея «вечного возвращения» находит свое конкретное воплощение.

Несомненно, Больнов вправе считать Ницше своим идейным предшественником, но лишь в той мере, в какой современному экзистенциализму присуще своеобразное продолжение и новые попытки истолкования старых ницшеанских идей. Одну из таких попыток и представляет собой «позитивно-экзистенциалистская трактовка» идеи «вечного возвращения». Больнов умалчивает лишь о том, что его концепция «вечного возвращения» в отличие от ницшеанской есть «возвращение» в сфере сознания, некий чисто психический опыт субъекта, утрачивающего благодаря «праздничному настроению» чувство времени.

* *

Изыскания Больнова в области онтологии преследуют, как видим, вполне определенную цель. Она состоит в том, чтобы показать ограниченный, частный характер экзистенциалистского «негативного» мироощущения. Немецкий «позитивный экзистенциализм» призван элиминировать свойственную «классическому» экзистенциализму критическую антибуржуазную направленность. Поэтому можно считать, что концепция Больнова — это попытка возрождения доэкзистенциалистской, прямой апологии капитализма.

Возрождая прямую апологию капиталистического строя, выискивая «новую» позицию, позволяющую якобы устранить образовавшуюся пропасть между индивидом и обществом в рамках буржуазного порядка, немецкий «позитивный экзистенциализм» выполняет и другую идеологическую функ-

---

[1] Neue Geborgenheit, S. 235.

цию, которая тесно связана с апологией и обусловлена ею. Концепция, развиваемая Больновым, «подготавливает, — пишет Г.-М. Герлах, — поле для чувства прибежища, которое как раз необходимо в сформированном обществе, чтобы все мероприятия по оформлению (читай, упразднению) демократии завуалировать перед ограниченным взором среднего бюргера».[1] Откровенная апология буржуазных порядков, проповедь пошлого мещанского оптимизма, уживающегося с агрессивностью мелкого бюргера и его стремлением к экспансии, создают, как справедливо замечает Г.-М.Герлах, те «пустые» идеологические формы, которые в любое время могут быть наполнены конкретным политическим содержанием.

Заключая критический анализ махизма, В. И. Ленин писал: «С четырех точек зрения должен подходить марксист к оценке эмпириокритицизма.

Во-первых и прежде всего, необходимо сравнить теоретические основы этой философии и диалектического материализма...

Во-вторых, необходимо определить место эмпириокритицизма, как одной очень маленькой школки философов-специалистов, среди остальных философских школ современности...

В-третьих, надо принять во внимание несомненную связь махизма с одной школой в одной отрасли новейшего естествознания...

В-четвертых, за гносеологической схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества».[2]

Эти замечания В. И. Ленина относительно «очень маленькой школки философов-специалистов» являются основными методологическими принципами марксистско-ленинской критики любой из школ и школок современной буржуазной философии. Различные направления ее, маскируя свою партийность, выдвигая массу псевдопроблем, наполняя традиционную философскую терминологию иным содержанием (как в случае с «позитивным экзистенциализмом»), искажают действительные гносеологические, методологические, психологические, социальные проблемы, подвергают их идеалистической интерпретации.

---

[1] H.-M. Gerlach. Die Stellung der Existenzphilosophie heute. «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», 1966, № 12, S. 1518.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 379—380.

Задача философа-марксиста дать критику буржуазной интерпретации проблем современности, наметить пути их действительного научного разрешения. Для этого требуется глубокая теоретическая работа, где марксистско-ленинский анализ гносеологических и социальных аспектов содержания буржуазных философских концепций должен обязательно сопровождаться развитием положительных знаний. «Убедительность критики буржуазных и ревизионистских наскоков на нашу теорию и практику, — сказано в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, — в огромной степени усиливается тогда, когда она опирается на активное и творческое развитие общественным наук, марксистско-ленинской теории».[1]

[1] Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии. М., Политиздат, 1971, стр. 127,

СОДЕРЖАНИЕ

Ученые записки, том XXV, выпуск 1, серия с философии.

Отв. редактор **Тарас Николаевич Торбяк.**

Технический редактор **Губернаторов В. П.**

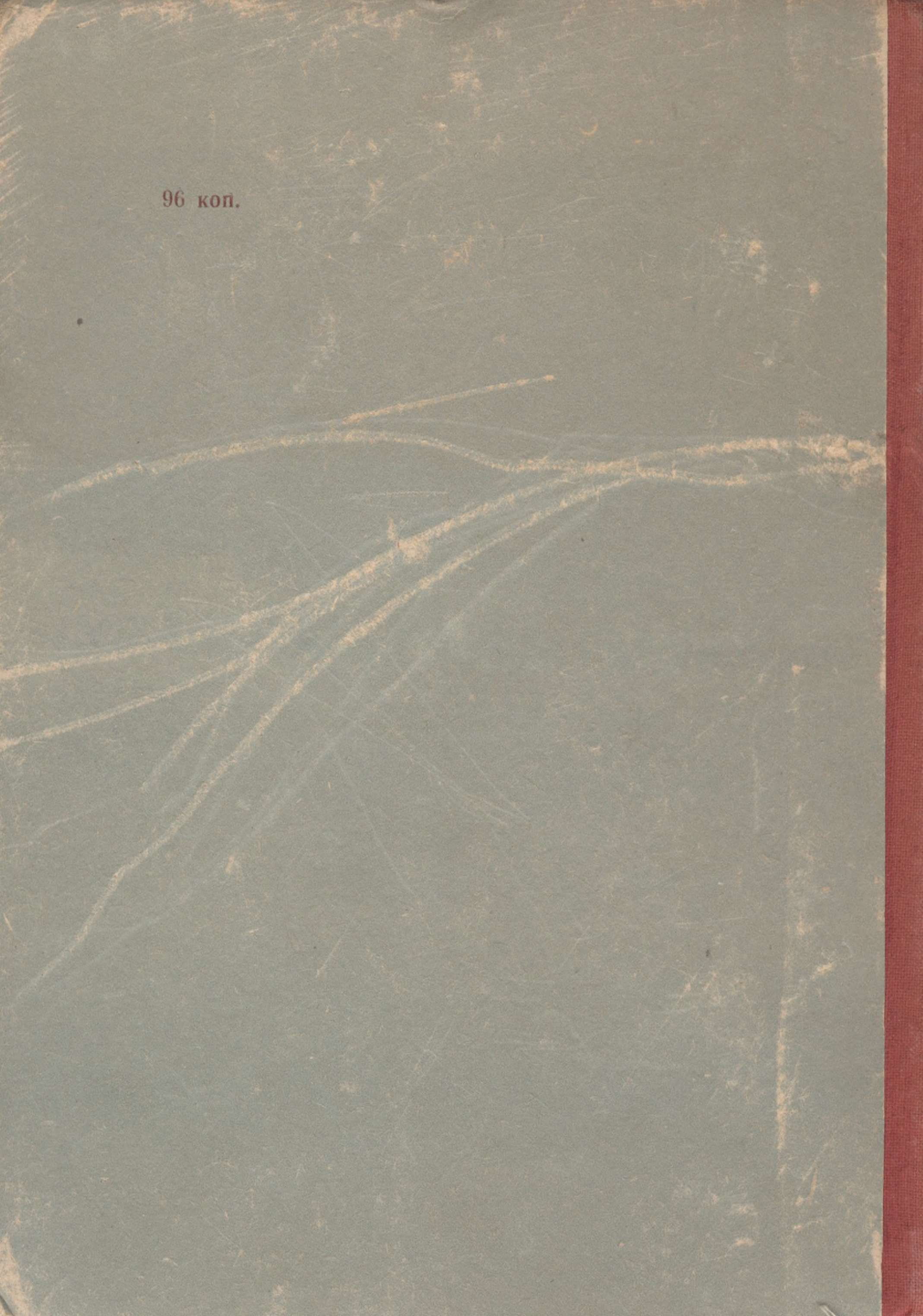
Корректор **Афанасьев Н. С.**

Сдано в набор 18.VI.1970 г. Подписано к печати 10.V.1971 г.
Формат бумаги 60×84 1/16. Объем 14,25 печ. листа.
ЗМ 04600. Заказ 672. Тираж 1000 экз. Цена 96 коп.

Мелекесская городская типография Ульяновского
областного управления по печати.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

№№ п.п.	Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
1.	63	3 сверху	А. И. Першин	А. И. Першиц
2.	108	11 сверху	субъективного	субъективной
3.	»	12 »	объективного	объективной
4.	116	15 »	выражающееся	выражающегося
5.	»	16 »	представляющее	представляющего
6.	120	6 снизу	в микромире	в макромире
7.	126	1 »	Микротела	Макротела
8.	150	13 сверху	естественной	естествознания.
9.	211	16 »	самокритику	«самокритику»
10.	214	5 снизу	воля.»[3] Он	воля,»[3] он
11.	288	9 »	серия с философии.	серия философии.

96 коп.